

В. В. КОЛЕСОВ

Ударение в «Слове о полку Игореве»

Попытки акцентной реконструкции «Слова о полку Игореве» предпринимались неоднократно. В основу таких реконструкций были положены самые общие соображения, связанные с характером жанра и временем создания текста. Так, по мнению Л. П. Якубинского, «„Слово“ не является стихотворной поэмой. До сих пор никому не удалось открыть в нем какую-нибудь систематически проведенную метрическую схему, но, с другой стороны, никто не сомневается, что „Слову“ присущ ритмический строй, ритмическая мерность. Ритмическая мерность неизбежно приводит и к звуковой организации поэмы, к наличию в ней аллитераций и других звуковых повторов».¹ Это — самая неопределенная точка зрения из представленных в литературе вопроса.

Поскольку и жанровая принадлежность текста, и ритмическая структура древнерусского поэтического произведения сами по себе являлись величинами искомыми, произведенные на основе данной точки зрения реконструкции «Слова» не могут считаться удовлетворительными.² Оставляя в стороне неприемлемые по разным причинам сопоставления «Слова» с северногерманской поэзией скальдов (Р. Абихт, теперь — Д. М. Шарышкин) или с византийской церковной песней (В. Бирчак), остановимся на тех реконструкциях, которые исходят из славянских материалов и авторы которых пытаются восстановить первоначальное звучание «Слова», не выходя за пределы славянской поэтической техники. Сопоставление некоторых фрагментов реконструкции текста «Слова», данной Ф. Е. Коршем,³ Э. Сиверсом,⁴ В. Н. Перетцем,⁵ Р. Нахтигалом,⁶ пока-

В. Н. Перетц

Не лѣно ли ны бѣшь, брѣтє,
начѣти старѣми словесѣмъ
трудныхъ повѣстїи о пълкѣ Игоревѣ,
Игоря Стѣславї!
Начѣти же сѣ тѣи пѣсни
по былінамъ се времени,
а не по замышленїю Бояню.

Р. Нахтигал

Не лѣно ли ны бѣшь, брѣтє,
начѣти старѣми словесѣмъ
трудныхъ повѣстїи о пълкѣ Игоревѣ,
Игоря Святославїча!
Начѣти же сѣ тѣи пѣсни
по былінамъ сегд времени,
а не по замышленїю Бояню.

¹ Л. П. Якубинский. О языке «Слова о полку Игореве». — Доклады и сообщения Института русского языка, вып. 2, М.—Л., 1948, с. 77—78.

² Оценку их см. в обзоре: В. Ф. Ржига. Проблема стихосложения «Слова о полку Игореве». — Slavia, Praha, год. VI, 1927, s. 2—3.

³ Ф. Е. Корш. Слово о полку Игореве. СПб., 1909.

⁴ Ed. Sievers. Das Igorlied, metrisch und sprachlich bearbeitet. — Berichte über die Verhandlungen der sächs. Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-Historische Klasse, Bd. 78, 1926, Hf. 1.

⁵ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Київ, 1926.

⁶ R. Nachtigal. Slovo o polku Igořevě. — Slavistična Revija, Ljubljana, 1950, roč. 3, seš. 3—4.

Боѣвъ бо вѣщи, аще кому́ хотяше
пѣ творити,
то растѣкашеться мысью по́ древу,
сѣрымъ вѣлкомъ по́ земли,
шйвымъ орломъ под облакъ.

Ф. Е. Корш

Не лѣпо ли ны бяшеть, / братіе,
начати старыми / словесы
трудныхъ повѣстей / о пълку Игоревѣ
Игоря / Святославичя?
Начати же ся / тѣи пѣсни
по былинамъ / сего веремени,
а не по замыслению / Бояню:
Боѣвъ бо вѣщій, аже кому́ /
хотяшеть пѣснь творити,
то ростѣкашеться рѣсью / по́ древу...

Боѣвъ бо вѣщи, аче кому́ хотяче
пѣснь творити,
то ростѣкашеть ся мыслию ?... по́ древу,
сѣрымъ вѣлкъмъ по́ земли,
сйзымъ орьлѣмъ подь оболوکы.

Э. Сиверс

Не лѣпо ли ны бяшеть, / братіе,
начати старыми / словесы
трудныхъ повестей / о пълку Игореві
Игоря Святославича!
Начати же ся / той пѣснѣ
по былинамъ / сего вѣремені,
а не по замысленью / Бояню:
Боѣвъ бо вѣщій аже кому́ хотяше /
пѣснь творити,
то растѣкашеться / мыслию по́ древу.

зывает не только общее для всех них направление поиска, но и частные различия, характеризующие их реконструкции. Эти реконструкции в фрагментах приведены здесь для сравнения (см. таблицу; в оригиналах тексты даны разным шрифтом; надстрочные знаки в таблице обозначают: ' — долгий восходящий тон, циркумфлекс ~ — долгий нисходящий тон, ` — ударение на кратком слоге). Все прочее, не указанные здесь исследования в их акцентной части совпадают с каким-нибудь из приведенных в таблице типов: это либо ориентация на современное русское ударение, с некоторыми поправками на церковнославянское ударение архаических форм, например аориста *занесѣ* (как у В. Н. Перетца); либо — реконструкция на основе сравнительного изучения современных славянских языков, с преимущественным вниманием к южнославянским (как у Р. Нахтигала), с возможными поправками по русскому диалектному материалу, которое также признается достаточно архаичным, притом с учетом акцентуации традиционных фольклорных текстов (как у Ф. Е. Корша); либо, наконец, — как иллюстрация к каким-то общим положениям теоретического характера, в результате чего возникают совершенно фантастические акцентовки, не характерные для русского языка даже в прошлом (как у Э. Сиверса с его «звучковым анализом» поэтического текста — *der Schallanalyse*). Принципиально новых типов реконструкции сравнительно с указанными предложено не было. В 30-е годы А. И. Никифоров, признавая речитативный сказ за основную характеристику ритмической структуры «Слова о полку», предложил свое акцентное членение текста.⁸ В принципе оно не отличается от реконструкции Ф. Е. Корша и построено на тех же основаниях. Его недостаток тот же, что и у Ф. Е. Корша: слишком много неожиданных, не подтверждаемых никакими русскими источниками, акцентовок, ср., например: *10 сболовъ на стадо лѣбедей, по мыслену древу, с заранія в пяток, рассушася стрѣлами, о шѣломы, на горахъ, синѣе вино, тѣщимъ тулы, на лоно, и нѣгують мя, на вѣнахъ, на вѣтрезъ, на поганья пълки, и др.* Все такие акцентовки искусственны, основаны на чисто теоретических предположениях, например на том, что древнерусскому поэтическому тексту свойственны дактилические и гипердакти-

⁷ Р. Нахтигал включает в текст сочетание *бѣлоу вѣверицею*, которое мы опускаем.

⁸ А. И. Н и к и ф о р о в. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Ленинградского педагогического института им. Покровского, 1940, т. IV, вып. 2.

личные окончания, а постижное членение текста считается установленным.⁹

В результате этих реконструкций акцентная характеристика текста настолько расходится в разных исследованиях, что каждый раз можно говорить о совершенно новом, во всяком случае — о другом поэтическом тексте. Такой разнотой в исходных данных, разумеется, не способствовал авторитетности какой-либо одной реконструкции. Филологические основания этих реконструкций также паходились на уровне развития науки XIX в. и были скорее сравнительно-сопоставительными, нежели сравнительно-историческими. Последние достижения русистики в области текстологии, акцентологии, поэтики, критики текста, истории языка делают возможным пересмотр проблемы, поставленной много лет назад. Начать следует с учета тех методических⁹ и фактологических ошибок, которые присущи ранним реконструкциям Слова.

Во-первых, ошибочной была общая им всем установка на текст как на исходную базу реконструкции. Акцентовка того или иного отдельного слова определялась общей характеристикой текста памятника, вернее, общим представлением исследователя о характере этого текста. Если это героическая песня — она связана с поэзией скальдов; если народная былина — с русскими эпическими произведениями; если мемориальная служба — с византийской церковной песней, и т. д. Источник сравнения определялся структурной заданностью текста, его жанром, его назначением. Внешнее сравнение призвано было дать материал для расшифровки. Результаты такой постановки вопроса известны: она не имеет позитивных результатов. Более верным представляется обратный путь исследования: от отдельного слова к тексту в целом, от акцентовки достоверно засвидетельствованного звена к ритмической схеме. Реконструкция текста должна предшествовать расшифровке его составляющих.

С этим связано второе обстоятельство, в некоторой степени оправдывающее авторов ранних реконструкций. Изложенная постановка задачи обусловлена тщательным изучением системы древнерусского ударения, с предварительной реконструкцией русского ударения, например, XII в. Ни Ф. Е. Корш, ни Э. Сиверс, ни В. Н. Перетц не имели в своем распоряжении соответствующих данных, хотя некоторые из них и пытались, где это возможно, использовать исторические свидетельства. На сегодняшний день реконструкции праславянского и древнерусского ударения представлены достаточно полно, дают вполне надежное основание для расшифровки ударения в древнерусских текстах. Такие исследования показывают, в частности, что основной ритмической единицей древнего текста являлось вовсе не слово, во всяком случае — не лексическое слово, а словосочетание, организованное по принципу общности, смещения и видоизменения акцента отдельного слова. В данном случае это особенно важно, поскольку не слово, а именно словосочетание является основным элементом («либретто») и музыкальной, и стиховой фразы.¹⁰ Следовательно, исходным звеном реконструкции оказывается расшифровка фонетического слова — синтагмы, соответствующим образом акцентно организованного словосочетания.

⁹ Аналогичную ошибку совершал А. И. Соболевский, устанавливая для древнеславянского стихосложения женские окончания как форму, — см.: А. И. С о б о л е в с к и й. Древние церковнославянские стихотворения IX и X веков. — В кн.: Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910 (СОПЯС, т. LXXXVIII, ч. 3).

¹⁰ Ф. Р у б ц о в. Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов. М., 1962.

Наконец, ранние реконструкции не учитывали иерархии просодических единиц, отраженных в древнерусском тексте. Их интересовало одно ударение, только ударение, всякое ударение, представленное в одной плоскости и соотношенное с современным русским ударением. Последние исследования в области славянской акцентологии убедительно показывают, что соотношение между различными просодическими характеристиками слова в древнерусском языке не было столь плоскостным и однообразным, как это представлялось раньше, что в каждом фрагменте поэтического текста следует выделять «более важное», «менее важное» и совсем не обязательное «ударение». С рассмотрения этой особенности древнерусского текста мы и начнем систематическое изложение принципов нашей реконструкции.

При реконструкции ритмического контура древнерусского текста, предполагаемого поэтическим, следует исходить из характера просодической системы древнерусского языка. На протяжении XI—XIII вв. эта система решительно изменяется, и только относительно некоторых ее хронологических границ мы можем высказаться более или менее определенно. В качестве таких границ условно избираем середину XI и конец XII в., — именно эти синхронные срезы потребуются в дальнейшем при реконструкции «Слова».

Внутреннее различие между просодическими системами середины XI и конца XII в. заключается в разнице в важности просодических характеристик. В середине XI в. отличие гласных по долготе и краткости было существенным, оно определяло все прочие просодические характеристики слога, т. е. ударение и интонацию. В конце XII в. сохранялась только позиционная долгота слога, на это указывают и письменные источники того времени, удваивающие гласные буквы в некоторых позициях, например в предконечном слоге слова. Поэтому, реконструируя текст, который относится к концу XII в., не было бы смысла восстанавливать его квантитативный рисунок; однако спорность происхождения текста заставляет провести и эту работу, — для того чтобы высказаться в пользу той или иной точки зрения (см. ниже). Внешнее различие между двумя указанными системами заключается в том, что к середине XII в. в русском языке утрачиваются редуцированные (постоянно краткие) гласные и основная просодическая характеристикой русского слова и слога становится динамическое ударение. Таким образом, формально авторы первых акцентных реконструкций справедливо ориентировались именно на ударение, а не на интонацию или количество. В действительности же они не учитывали переходный характер обсуждаемой эпохи — конца XII в. Трудность реконструкции ритмического рисунка «Слова» и заключается в неопределенности, неустойчивости просодических характеристик в русском языке этого времени. Если бы мы имели дело не с поэтическим текстом, задача облегчалась бы исходным допущением, что просодия текста соответствует состоявшимся в языке XII в. и вполне надежно установленным акцентным изменениям. Поэтический же текст вполне мог сохранять произношение более раннего времени и ориентироваться на традиционную для того времени поэтическую технику. Показания самого автора «Слова» противоречивы. С одной стороны, в качестве образца он избирает Бояна — певца середины XI в. С другой стороны, отталкиваясь от традиции Бояна и неоднократно его цитируя, автор строит свое повествование совершенно иначе, не «по замыслению Бояню». Мы можем предполагать, что новаторство автора распространялось и на поэтическую технику: изменения в языке, особенно значительные во второй половине XI и в начале XII в., неизбежно требовали этого.

Попробуем установить степень авторской самостоятельности, те пре-

дела допустимых колебаний, которые он мог позволить себе в своей новаторской деятельности. Для этого сопоставим все три просодические характеристики (ударение, количество, интонация) в их взаимном соотношении начиная с середины XI в.

Самым сильным («абсолютно сильным») слогом был слог под новоакутовой интонацией, потому что он совмещал в себе сразу три просодические характеристики: был постоянно долгим, с восходящей интонацией слогом, и притом постоянно подударным. Следовательно, слог с новоакутовой интонацией в любом тексте выступал как опорный ритмический предел, к нему сходились и в нем замыкались все окрестные слабые слоги. Уже и в XI в., по-видимому, собственно интонационное содержание новоакутовой интонации было утрачено: всем прочим слогам слог с новоакутовой интонацией противопоставлялся как долгий слог кратким. И в более позднее время, когда, в свою очередь, утрачены были количественные противопоставления, прежний слог с новоакутовой интонацией по-прежнему выделялся из числа прочих как такой, который при любом изменении слова всегда оставался подударным. Это очень важная характеристика, поскольку она дает нам возможность признать новоакутовый слог самым сильным и в диахронической перспективе. Действительно, во всех тех случаях, когда новоакутовая интонация характеризовала слово в прошлом, старое ударение в слове и во всех словоформах этого слова сохранилось неизменным вплоть до настоящего времени. Таким образом, мы получаем возможность исключительно точно восстановить исконное ударение многих слов нашего текста. На всех исторических этапах новоакутовая интонация (или ее рефлекс) играла роль фонологического ударения, т. е. являлась самой важной различительной единицей в области просодии.¹¹ Какое фонетическое содержание мы бы ни вкладывали в понятие «этимологической» новоакутовой интонации (повышение тона, связанного с динамическим ударением; долгота, связанная с динамическим ударением; напряженность подударного гласного; обязательная позиция ударения, и т. д.), она в любом случае определяет ритмическую решетку поэтического текста, создает своеобразные ритмические взхи, которые, вполне вероятно, и являлись опорными точками поэтического текста.

Постоянно ударным слогом был также слог под старой акутовой интонацией (но не в двусложной форме, в которой могли быть колебания ударения). Этот слог к XI в. уже сократился, а его восходящая интонация фактически стала вариантом старой нисходящей интонации. Во всяком случае, старая восходящая и старая нисходящая интонации уже не противопоставлялись друг другу, поскольку совместно, по одинаковым признакам противопоставлялись новоакутовой интонации. Это условно сильный относительно иктуса (ударения) слог. Впоследствии нас и будет интересовать именно иктическая характеристика данной интонации, поскольку в XII в. никакого движения тона на нем уже не было. По отношению к настоящему времени слова с прежней акутовой интонацией не всегда последовательно сохранили свое постоянно накоренное ударение. Например, мы ожидали бы ударение в парадигме склонения *дед, дѣда, дѣду* и т. д. но также и во мн. ч. *дѣды, дѣдов*. . . Тем не менее наряду с литературным *дѣды, дѣдов* мы встречаем теперь просторечное и диалектное ударение *деды́, дедѣв*, которое, будучи положенным в основу рекон-

¹¹ См.: Р. О. Якобсон. Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. (Поздний период славянской языковой праистории). — In: American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963.

струкции, препятствовало бы выявлению достоверно древнего ударения, особенно если бы мы не имели в своем распоряжении других данных. Следовательно, старое акутовое ударение изменялось в истории русского языка, скорее всего — по морфологическим причинам. Оно могло изменяться и в результате подравнивания под продуктивные в прошлом или активные теперь словообразовательные классы, как это случилось, например, с существительным *девица* (по типу *сестрица*, *птица*, *вдовица*): акутовое ударение корня в производящем слове *дѣва* требовало бы накоренного ударения, которое и отражается в древнейших текстах (*дѣвица*). Возможность изменения такого акцента во времени лишает нас права использовать подобные акцентовки как опорные, — и в историческом, и в текстуальном значении.

Сильным относительно количества был исконно долгий предударный и предконечный слог, поскольку в этих позициях сохранялась (во втором случае — только перед слогом с редуцированными гласными) исконная длительность гласного. Приведенная характеристика действительна только для текстов XI в. В конце XII в. количественные различия утрачиваются в языке, противопоставление долгого слога краткому уже не имеет никакого грамматического значения, хотя позиционно, в произношении, долгие слоги еще и могут сохраняться. Последнее обстоятельство должно было использоваться в поэтическом тексте, вообще чуток к возможностям фонетического варьирования.

Сильных слогов не было в отношении третьей просодической характеристики — интонации. Интонационные различия в древнерусском языке утрачивались довольно рано — в связи с формированием нового противопоставления, противопоставления согласных по мягкости—твердости.

Самыми слабыми («абсолютно слабыми») слогами относительно всех трех просодических характеристик были слоги с редуцированными гласными *ь* и *ѣ*: эти гласные не различались ни по тону, ни по количеству, а ударными они могли стать только в своей сильной позиции, ср. двусложное слово [сѣнѣ], в котором первый *ѣ* — сильный, второй — слабый. При этом, даже находясь в позиции новоакутовой интонации (как в приведенном примере), они не разделяли с прочими гласными особенностей этой интонации. Строго говоря, применительно к языку XII в. мы могли бы и не принимать во внимание слоговости *ѣ*, *ь* в слабой позиции, но фонетически она вполне вероятна и могла присутствовать как подвижный элемент ритмической структуры текста.

Все остальные, возможные в тексте, типы слогов были слабыми, т. е. они были краткими и, следовательно, не различались интонационно, а ударение на них могло появляться и исчезать; оно переносилось на соседние слоги, в каждом новом сочетании слов и слогов определяясь общей структурой и собственным ударением этих слогов. Сравним подвижную акцентовку слабого слога с сильным, чтобы показать принципиальное различие двух типов древнего ударения.

С л а б ы й с л о г	С и л ь н ы й с л о г	
(подвижная пара- дигма)	(баритонирован- ная парадигма)	(окситонирован- ная парадигма)
<i>рѣку</i>	<i>нѣжю</i>	<i>трубѣ</i>
<i>на руку</i>	<i>на нѣжю</i>	<i>на трубѣ</i>
<i>рукою</i>	<i>нѣжею</i>	<i>трубю</i>
<i>на руку тѣ</i>	<i>на нѣжю ту</i>	<i>на трубѣ ту, и т.д.</i>

Определим некоторые общие закономерности древнерусского подвижного (контекстуального, синтагматического) ударения.

Во-первых, в текстах широко представлены сочетания клитических слов: частиц, местоимений, союзов и т. д., которые по-разному относятся к окрестным словам в отношении ударения. Например, «формы местоимений образуют две группы сочетаний с энклитиками: в одних сочетаниях регулярно акцентуются энклитики, а местоимение остается безударным, в других, наоборот, безударной оказывается энклитика.

«Первая группа: *ты жѣ, ты лѣ, ты мѣ; мы бѣ, мы жѣ; вы бѣ, вы жѣ, вы лѣ, вы мѣ; се бѣ, се жѣ; то бѣ, то жѣ; ти бѣ* (ном. pl.), *ти жѣ* (ном. pl.), *ти лѣ* (ном. pl.); *кто бѣ, кто жѣ, кто тѣ, кто мѣ, кто тѣ; что бѣ, что жѣ, что мѣ, что тѣ, что мѣ, что сѣ*, и некоторые другие.

«Вторая группа: *тѣ сѣ* (2 л. dat, 'тебе'); *(на) мѣ ли, (на) тѣ же, сѣ же* (ном. sg. f.); *онѣ же, онѣ ми; овѣ бо, овѣ же, овѣ же; всѣ бо, всѣ же, (не) всѣ ли; всѣ же, всѣ бо, всѣ ми, всѣ ти; вамѣ бо; сѣмѣ бо* (dat. pl.) и др.

«Анализ показывает, что в первой группе представлены те формы местоимений, которые в Чуд. Нов. Зав. при примыкании к ним проклитики передавали ей ударение: *ѣ ты; ѣ мы, да мы; ѣ вы, да вы, нѣ вы; чѣ се, ѣ се, нѣ се; да кто, нѣ кто; да что, нѣ что, нѣ что*, тогда как формы второго рода при примыкании проклитики сохраняли на себе ударение: *на мѣ, на тѣ; и сѣ; и всѣ, не всѣ, и всѣ, во всѣ; и онѣ*, и т. п.; т. е. в первом случае мы имеем дело с местоименными формами — enclitopena». ¹²

Графически расхождение между двумя типами клитик сохранялось в русских рукописях вплоть до XVI в.,¹³ ср. обозначения *мѣ, вѣ*, но *лѣ жѣ*, хотя реального фонетического значения они уже и не имели (например, вместо ожидаемого обозначения *бѣ* в некоторых источниках находим *бѣ*). Применительно же к тексту XII в. все указанные закономерности акцентовки должны быть учтены: даже русский источник середины XIV в. Чудовской Новый завет (Ч¹⁴) достаточно полно отражает исконное распределение ударения в подобных сочетаниях.

Во-вторых, клитики могут сочетаться с полнозначными словами, определяя акцентовку всего сочетания в целом (см. приведенное выше сочетание слова *рука* с предлогами и местоимениями). Вот ряд примеров, извлеченных из текста ПВЛ по списку II: *На тѣ зиму* 251б — *на зѣму ту на тѣ весну* 279 (*весна* и *зима* — подвижные слова типа *рука*); *како сѣ ова приде* 281 (здесь подвижным является наречие); *нѣколко тѣ мужь паде* 256б, *за тѣ слово не нялися* 310б, *перевѣсище бѣ внѣ града* 50, *любѣ мѣ рѣчь ваша* 50б, *да сѣ оузрите* 99, *оубища тѣ расточи* 1111, *пержать а сѣ медѣ, а сѣ рѣбы* 123, — во всех случаях подвижное по своему ударению слово лишается иктуса в пользу соседнего; особенно наглядно это видно на последнем примере, в котором *сѣ* соединяется сначала с подвижным словом (*медѣ*), а затем с неподвижным (акутовая баритонеза: *рыба*).

В современных славянских языках и в акцентованных памятниках письменности находим некоторые колебания относительно акцентовки архаических форм. В частности, формы 2 и 3 л. ед. ч. аориста, образованные от окситонированных основ, могут давать оттяжку на префикс так же, как и образованные от подвижных основ: ср. *зѣнесе* (закономерная оттяжка у подвижной основы при форме *нѣсе*) и *дѣноси* (необычная оттяжка у окси-

¹² В. А. Дыбо. О фразовых модификациях ударения в праславянском. — Советское славяноведение, 1971, № 6, с. 79—80.

¹³ См.: В. В. Колесов. Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции. — В кн.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973, с. 251.

¹⁴ Список сокращений см. в конце работы.

тонирующей основы при закономерном ударе́нии *но́си*). Акцентовка второго типа не подтверждается всеми имеющимися в нашем распоряжении сравнительными и историческими данными, поэтому высказаны две точки зрения: для древнеславянского с некоторыми оговорками можно реконструировать оттяжку на префикс в типе *до́носи*,¹⁵ в праславянском типе *до́несе* противопоставлен типу *доно́си*.¹⁶ Вторая точка зрения представляется более верной, соответствующей реальному соотношению акцентной системы древнеславянского языка. Исключения могут касаться только глаголов с «еровым» корнем, которые довольно рано стали смешиваться с подвижными, ср. *по́иде* вместо ожидаемого *пой́де* и почти последовательно представленного в среднерусских источниках *поидѣ*.

Таким образом, всякое слово с подвижным ударением, несмотря на лексическую или грамматическую его важность в тексте, могло оставаться безударным и тем самым негативно участвовать в формировании ритма.

Особенно ясно это видно на третьем типе сочетаний, в которых представлено два лексически самостоятельных слова.¹⁷

В сочетании имени существительного с именем прилагательным (кратким) безударным является существительное («определяемое-энклимен»), ср. *вся́ка вла́сть, же́нская́ полоу́, в сы́рѣ́ дре́вѣ́*, и наоборот: *в мѣ́зи но́вы, дрѣ́во гни́ло, имя́ но́во*. Именно такая акцентовка адекватных словосочетаний представлена и в традиционных записях эпических текстов: *живи́ воду, седи́ голову, на крути́ горы, на сы́ру́ землю* и др. Уже тот факт, что подобное ударение возможно только в определенных падежных сочетаниях (вин. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч. имен женского рода; вин. п. ед. ч. имен среднего рода; дат. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч. имен мужского и среднего рода), доказывает исходное фонетическое распределение представленных в фольклорных текстах сочетаний: именно в этих формах и только в этих формах подвижные имена имели исконное накоренное ударение с нисходящей интонацией. Самое важное следствие подобного перемещения иктуса, необходимое для наших реконструкций, заключается в следующем: отсутствие фонологического ударения (т. е. постоянного ударения на одном и том же слоге с рефлексом новоакутовой интонации) в отдельном слове определяет возникновение фонологического ударения в словосочетании. Новоакутовая интонация срединного слога доказывается русским диалектным *через лес, середь моря* (на месте старого ударения *чѣрез, за лес, средѣ, у моря*, что во всех случаях указывает нисходящую интонацию на корневом слоге). Сама устойчивость традиционных акцентовок типа *молоди́ пору́*, сохраненных фольклорными источниками, указывает на присутствие новоакутовой интонации в подударном слоге: только такое ударение, как мы видели, является в русском языке устойчивым и неизменным.

Другой тип сочетаний касается двух имен существительных, ср. сочетания типа *мѣсто́ гра́да, чре́во бра́шнаго* и др.¹⁸ Такие акцентные со вмещения представлены не очень широко. Изучение их показывает, что в данном случае сохраняется исконное, достаточно древнее, но рано изменившееся ударение первого слова сочетания. В данном случае имена существительные *мѣсто* и *чрѣво* еще в праславянском перешли в баритонированный тип, а старое наконечное ударение этих слов сохранилось только

¹⁵ Chr. S. Stang. Slavonic Accentuation. Oslo, 1965, p. 130.

¹⁶ В. А. Дыбо. Акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. — ВЯ, 1971, № 2.

¹⁷ Списки примеров см.: В. А. Дыбо. О фразовых модификациях. . . , с. 77—84; В. В. Колесов. Интонация и ударение в древнерусском словосочетании. — В кн.: Исследования по грамматике русского языка, т. V. Л., 1973, с. 108—120.

¹⁸ См.: В. В. Колесов. Интонация и ударение. . . , с. 118—119.

в некоторых устойчивых сочетаниях, аналогичных приведенным.¹⁹ В реконструкции поэтического текста, следовательно, нужно особенно внимательно относиться к словам, с течением времени изменившим свой акцентный класс, и в качестве вариантной предполагать также исконную акцентровку данного слова.

Свои закономерности имела акцентуация сложного слова. Как правило, многосложные слова, совместно создававшие *composita*, сохраняли свое особое место ударения; в слове, следовательно, оказывалось «два ударения». Исключения касаются только тех сложений, первый элемент которых — имя прилагательное подвижного типа: в таких случаях оно могло лишаться своего словесного ударения. Ср. в качестве примера несколько случаев из текста летописи по списку Др. II: *пѣлковѣдецъ* 766, *чѣрнобѣрци* 2206, *соўхоядѣние* 398, *крѣвопролітіе* 616, *новоначальный* 416, *едіномысленны* 4376, *златопечатаннаго* 335, *чадолюбивый* 5006, *закбнопреступный* 532, *взя бѣлоберѣжіе* 5446, и др., но: *срамословія* 500, *сквернословія* 500, *иноплѣменникъ* 96, *доброхѣтовъ* 439 и т. д. Уже довольно поздно происходило акцентное обобщение одного ударения в качестве общего для всего сложного слова; такое ударение имело тенденцию закрепиться не на одном из прежде ударных слогов, а на срединном слоге нового сложного слова, — ср. старое ударение *челдбѣтьѣ* — и новое *челобѣтьѣ*.²⁰ Особенности акцентуации подобного типа сочетаний необходимы при реконструкции сложений типа *Новгорода*, *Ярославъ* и др., которые также представлены в «Слове о полку Игореве».

Все приведенные примеры и сопоставления показывают основную особенность древнерусского акцента: ударение, восходящее к новоаккутовой интонации, стабилизировалось на определенном слоге слова. Одновременно с этим образуются и позиционные условия организации новоаккутового ударения как средства, формирующего ритмическую структуру древнего поэтического текста. Именно новоаккутовое ударение создает основную акцентную решетку текста, выступая в качестве его опорного ритмического центра. Все прочие типы указанных выше подударных слогов были неустойчивыми в отношении йктуса и могли варьировать в пределах фонетического слова. Понятие фонетического слова, т. е. слова с одним ударением, применительно к древнерусскому языку является расплывчатым. Уже показано, что не только энклитики и проклитики, роль которых исполняли предлоги, союзы, местоимения, но в ряде случаев и полнозначные слова могли утрачивать свое самостоятельное ударение, передавая его соседнему, ритмически сильному слову. Те слова, которые в тексте оставались неакцентованными, в самостоятельном употреблении имели слабое ударение, восходящее к древней нисходящей интонации корневого слога. Эти слова характеризовались, следовательно, подвижным ударением и в некоторых многосложных сочетаниях могли выступать с побочным, дополнительным, йктусом неустойчивого характера. Один пример покажет, о чем идет речь.

В отрезке текста . . . *старыми словесы трудныхъ повѣстии* теоретически каждое слово могло иметь свое собственное словесное ударение. Однако — это р а з н о е ударение. Абсолютно сильным является ударение слова *трудоныхъ* — с новоаккутовой интонацией корневого слога. Сильным является ударение слова *старыми* — с аккутовой интонацией

¹⁹ Особенно последовательно в сочетании с «еровыми» предлогами *въ, съ, къ*, например: *къ зѣмли — по земай, въ гѣстѣхъ — о гостѣхъ*, и др. (В. В. Колесов. Ударение в древнерусском сочетании с «еровым» предлогом. — ВЛ, 1966, № 6).

²⁰ См.: Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. Л., 1929, с. 144.

корневого слога и (вплоть до настоящего времени) неподвижным ударением на корне. Эти два акцента организуют акцентную решетку фрагмента, они определенно устойчивы и в пределах данного текста, и во времени. Такая двойная их устойчивость и является ключом нашей реконструкции, хотя в некоторых деталях мы и вынуждены были прибегать к данным современных славянских языков, сохраняющих древние особенности ударения.

Ударение же двух других слов отрывка является неопределенным. Легко представить себе сочетания, в которых эти слова окажутся вообще безударными (ср. *бѣз повѣстии*); они могут и, очевидно, на самом деле имели вариации ударения, связанные с морфологическим оформлением (твор. п. мн. ч. мог дать не только форму *словесы*, но и *слбвы*), и т. д. В данном же случае положение затрудняется тем, что акцентовка представленных в тексте слабых форм является различной исторически и стилистически: *слбвсы* или *словесы*, *пдѣвстии* или *повѣстии* — и то и другое вероятно и регистрируется древнерусскими акцентованными рукописями как проявление контекстного ударения в зависимости от жанра текста (церковный или бытовой). По указанной причине в нашей реконструкции мы вынуждены передавать различие в характере акцентовки: опорное ударение, связанное с сильным слогом (отмечается знаком ^); перемное, скользящее ударение вспомогательного типа, которое также следует учесть в реконструкции, связанное со слабыми слогами (обозначается знаком `). В таком случае приведенный отрывок записывается следующим образом: *стѣрыми словесы трѣдныхъ повѣстии*.

По-видимому, вполне возможно в будущем представить и мелодическую структуру текста. Достаточно исчерпывающе и корректно разграничить разные типы акцентов (^ и `), соединив их и совместив с реконструкцией позиционных долгот. Однако это тема особого исследования и мы ее в данном случае не касаемся. Тем не менее некоторые предварительные наблюдения в этой области допустимы уже и сейчас.

Сопоставляя генетически различные отрезки текста, представленные в «Слове о полку Игореве», легко заметить принципиально разное отношение к количественным чередованиям в стихе. Разумеется, и попевка Бояна, представленная автором «Слова», и текст самого автора в известной мере являются реконструкциями. Тем не менее хронологическая граница различия и неразличия долгот падает как раз на время между творчеством этих двух поэтов. В середине XI в., в эпоху Бояна, количественные различия были существенны, во второй половине XII в. или позднее они уже не могли приниматься во внимание.

Таким образом, если учесть теоретически предполагаемые (и доказанные славянской акцентологией) количественные отношения периода XI в., попевки Бояна можно представить в следующем виде:

- (1) Тяжьѣ́ ти гдлоуѣ́ кроуѣ́ плечю́ ○○○○○○○○○○○○○○○○
 (А) зѣ́ло ти тѣ́леси кроуѣ́́ голоуѣ́ ○○○○○○○○○○○○○○○○
 (или: тѣ́лоу)

Форма *тѣ́лоу* безусловно вторична, для XI в. точнее было бы представить ее в исконном варианте *тѣ́леси*; все редуцированные имеют слоговое значение; введение союза *а* определяется другими аналогичными контекстами, представленными самим «Словом о полку Игореве».

В приведенном тексте нет ни одного долгого слога, ритмика строится только на чередовании основного (^) и второстепенного (`) ударения, которое, как уже выше сказано, можно было бы представить и другим образом, например: *кроуѣ́́ плечю́, кроуѣ́́ голоуѣ́́*.

Следующая попевка искажена переписчиками, обычно при реконструкции ее добавляют или, наоборот, убавляют за счет неясной средней части:

(2) Ни хытрú, ни горáзду, ни птíцю горáзду судá божи́и не мину́ти.

Ф. Е. Корш добавлял сочетание *ни звѣрю ни*, Л. А. Булаховский вместо *птицю* предлагал читать *пытцю* 'чародею'. Вот какие варианты дают эти конъектуры в ритмическом отношении:

Текст	У Ф. Е. Корша	У Л. А. Булаховского
— —	— —	— —

Не только перебивка в ритме, но (что важнее) и пресечение квантитативного ряда заставляют отказаться от предположения Корша; конъектура Булаховского дает лишний краткий слог во втором стихе (в слове *пытцю* изолированный *ъ* в середине XI в. уже не имел фонетического значения, тогда как в суффиксе *-ыц-* слова *пытцю* редуцированный *ь* должен был выступать в качестве слогового). Таким образом, мы останавливаемся на тексте, представленном в первом печатном издании, и обнаруживаем ритмичное чередование кратких и долгих слогов.

Положение изменяется, как только мы выходим за пределы текста, относимого к XI в. Для автора «Слова» важен ритм, соответствующий определенной поэтической заданности, ритм, организованный чередованием ударных и безударных слогов (ср. смену ритмов в отдельных частях текста).

Таким образом, в качестве основополагающего принципа для нашей реконструкции мы принимаем следующее: предварительную реконструкцию надежнее всего строить по опорным слогам, несущим сильное ударение. Мелодическое заполнение этой акцентной решетки — забота поэтической реконструкции. Последняя, в частности, может идти по линии, намеченной еще Н. С. Трубецким. Говоря о совпадении древнерусского (а также русского народного) и древнегреческого стихосложения, он фиксирует и различие между ними: и древнегреческое, и русское стиховое ударение «основано на сочетании словесного текста с музыкальным напевом, но в древнегреческом стихосложении словесный текст определяет собою количественные различия, а напев определяет ударения. В народном же стихосложении как раз наоборот: словесный текст определяет ударения, а напев — долготу или краткость слогов».²¹

Не все результаты нашей реконструкции имеют одинаковую силу. Можно различать три уровня относительно степени надежности представленных в тексте акцентов.

Основную группу представляют достоверные и надежные акцентовки, предполагаемые теоретически и вместе с тем засвидетельствованные рукописными памятниками; они обычно совпадают и с показаниями современных славянских языков и диалектов. Все такие случаи в комментарии особо не оговариваются.

Значительное количество форм представлено в акцентных вариантах. Причины подобной вариантности — разного происхождения. С одной стороны, возможность двойной акцентовки устанавливается из расхождений между данными поздних рукописных источников и данными современных славянских языков. Такое расхождение может объясняться позд-

²¹ N. S. T r u b e t z k o y. Three Phonological Studies. — Michigan Slavic Materials. 1963, n. 3, p. 5.

нейшими изменениями ударения, которые, вообще говоря, весьма значительны, особенно — ближе к нашему времени, и не всегда связаны с собственно акцентными изменениями. В таких случаях исходим из теоретически предполагаемого для древнего периода ударения с обязательной корректировкой по реальным данным. По степени надежности почти все такие акценты приближаются к предыдущей группе; колебания этого рода носят объективный характер, связанный только с недостатком материала для сравнения. Субъективный характер носит другой тип вариативности, который приводит к реконструкции акцентов, называемых условными.

В самом деле, возможность двоякого ударения может предполагаться самой системой или развитием этой системы в определенном направлении. В ряде случаев мы не знаем, какой из возможных дублетов был распространен во время создания текста или (поскольку речь идет о поэтическом тексте) какой вариант использовал автор в своих целях. Как правило, в реконструкции представлен наиболее архаический вариант условно принятого акцента, но в комментариях оговорены возможности выбора. Условный выбор варианта не указывает на условность самой реконструкции, которая и в данном случае всегда выведена на основании сравнительно-исторического изучения материала.

Так, еще Ф. И. Буслаев все контексты с употреблением форм имперфекта приписывал Бояну.²² Поскольку обычно в тех же фрагментах текста «Слова» упоминаются также и все древнерусские мифологические персонажи, поскольку определенно прослеживается изменение в ритмическом строении текста во всех подобных вставках, это мнение в целом можно признать обоснованным. С. П. Обнорский тонко заметил разницу в употреблении имперфекта и аориста в тексте «Слова»: почти все формы имперфекта — русские, со стяжением и с русским окончанием *-ть*, и, как правило, связаны с выражением предиката в бессубъектных предложениях, с подлежащим в неопределенно-личной форме, с подлежащим, далеко отстоящим от формы имперфекта;²³ в отличие от этого формы аориста, как обычно, встречаются в контекстах повествовательного характера. Для автора «Слова» имперфект — всего лишь поэтическое средство передачи неопределенного, длительного, связанного с прошлым действия; обращение к этой форме в «цитатах» из Бояна вполне оправдано. Однако в таком случае возникает трудность в интерпретации отдельных примеров: если имперфектные формы встречаются в «цитатах» из традиционного дружинного эпоса, в них следует предполагать и свойственное им исконное место ударения, весьма отличающееся от более позднего ударения, особенно у глаголов подвижной парадигмы (*въскладаше, пояше, говоряхуть* и т. д.). В тексте самого автора «Слова» эти формы уже могли иметь новое, обобщенное по наиболее продуктивному типу, ударение, потому что к концу XII в. имперфект исчез как грамматическая категория. В комментариях указаны обе возможности реконструкции, потому что не всегда ясно, какой текст принадлежит автору, а какой им цитируется. Аналогичных замечаний требуют и прочие формы, архаические по акценту для XII в., но вполне возможные в XI в. Например, в твор. п. мн. ч. *крѣлы*, но *вслы*, — в зависимости от характера корневого слога (долгий или краткий). Некоторые из таких случаев рассмотрены выше (*дѣноси — дѣнбси*), они связаны с характером интерпретации, разделяемой

²² Ф. И. Бусл а е в. Русская поэзия XI и начала XII века. — В кн.: Летописи русской литературы и древности, т. I. М., 1859, с. 22—23.

²³ С. П. Обн о р с к и й. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, с. 159.

тем или иным автором. Так, производные от слов с подвижным ударением можно реконструировать с конечным ударением формы (типа *рѣдѣкъд*, *тяжѣкъд*) или с подвижным ударением (и тогда, по мнению В. А. Дыбо, в данных формах должно быть *рѣдѣко*, *тяжѣко*); в пользу обеих точек зрения можно подыскать равновероятные доказательства, — все зависит от времени, к которому следует отнести результаты той или иной реконструкции. В XII в. уже вполне могли проявляться особенности второго типа, а это приводит к необходимости изменить реконструкцию: *тяжѣкъб ти*, *гдловѣ* на *тяжѣко ти*, *головѣ*. Все такие случаи учтены в комментариях и представлены как варианты, поскольку это может оказаться важным в последующем стиховедческом анализе текста. В целом же такого рода сложных случаев оказывается не очень много, не больше ста.

Наконец, последняя, самая малочисленная группа, форм по своей акцентровке может быть гипотетичной. Здесь отсутствует сравнительно-исторический материал, необходимый для расшифровки. Поэтому предлагается основанная на теоретических соображениях реконструкция.

В целом на 2121 ударение в тексте «Слова» имеем акут или новоакут — 1331 (то же на последнем открытом слоге — 301); перемещение акцента на клитики встречается 151 раз, нисходящее ударение на первом слоге, допускающее в известных случаях такое перемещение ударения, — 210 раз. Сочетание полизначных слов с обобщенным ударением встретилось в 116 случаях (типа *сегб_времене* — 59, в именах собственных — 57), тип *черес_злато* отмечен 5 раз, что весьма редко для такого обширного текста; 8 слов не удалось связать с определенным типом ударения. Таким образом, «устойчивое» ударение встретилось 1630 раз=77%, «рецидивное» — 361 раз=17%, «комбинированное» — 121 раз=6%.

В качестве дополнительного материала, но весьма осторожно, использованы данные древнерусских певческих рукописей XII в.; их показания, часто совпадая с теоретически ожидаемым ударением, вместе с тем позволяют ощутить просодическую атмосферу того периода, когда создавалось «Слово о полку Игореве».

В тех случаях, когда относительно характеристики формы в литературе имеются расхождения (например, *кнѣже* — зват. ф. или притяжат. прил.?), акцентный комментарий предлагается для обеих форм, но в реконструкцию включается та, которая более вероятна с грамматической точки зрения. При передаче восстановленного текста мы старались не злоупотреблять домыслами и конъектурами, хотя перебивы ритма и грамматически неоправданные слова (особенно служебные) так и требуют исправлений текста. Совмещение филологической разработки памятника с ритмической его реконструкцией — также дело будущего.

Вообще в последовательной реконструкции важное значение имеет проблема передачи письменного текста. Все известные просодические реконструкции представляют его не в той орфографии, что дана в первом печатном издании. Действительно, это издание передает рукописную копию с многочисленными следами второго южнославянского влияния, отчего даже само чтение затруднено. Есть полный смысл отказаться от поздних орфографических покровов, брошенных на древний текст. Что же касается собственно фонетических проблем древнего текста, то здесь особую важность приобретает вопрос о редуцированных гласных и о русском полногласии. Только эти вопросы имеют отношение к ритмической структуре текста.

Редуцированные гласные в исходном тексте должны быть представлены неравномерно, — независимо от того, когда он был сложен. Поскольку «Слово» не могло быть создано ранее 1185 г., мы должны исходить из реальных изменений редуцированных гласных к концу XII в.

К этому времени редуцированные гласные как различительные (фонемные) единицы на юге Руси уже не сохранялись, произошло «падение» слабых и, видимо, прояснение сильных редуцированных. Во всяком случае, безусловно верно, что в морфологически изолированной позиции (постоянно безударные *ь* и *ъ* в корнях типа *кѣльзь*, *мѣного*, в некоторых окончаниях) утратились и фонетически, они не произносились. Наоборот, в сочетании с плавными *р*, *л* и в некоторых окончаниях сильные редуцированные прояснились в гласные *о*, *е* уже к середине XII в., поэтому, например, написание *влькъмъ* следовало бы передавать как *волком*. Однако некоторые условности древнерусской орфографии требуют однообразия в передаче основных морфем, поэтому в данном случае мы последовательно отражаем прояснение сильного редуцированного только в окончании, но не в корне: *вълкомь* (*ь* на конце слова соответствует древнерусскому написанию); ср. также и другие корневые морфемы типа *плькъ*, в которых передается древнерусское следование звуков (*плькъ*, а не *плъкъ*, *полкъ* или как-нибудь еще). Прочие детали фонетического изменения редуцированных в конце XII в. известны мало. В некоторых сложных сочетаниях согласных редуцированные сохраняли свою гласность довольно долго (в исключительных случаях — вплоть до настоящего времени: *мудреца* вместо ожидаемого *мудрца*), поэтому такие формы, как *у Пльсьнска*, в фонетической передаче следовало бы дать с гласным: *у Пльсьнска*.

Русское полногласие и его отражение в тексте выходят за пределы собственно фонетической реконструкции текста. Последние исследования в этой области показывают, что дублетность полногласных и неполногласных форм широко использовалась и в стилистических целях (применительно к художественной речи) и уже проникала в литературный язык как средство семантической дифференциации (сравни современные *голова*—*глава*, с разным значением слов). Сама дублетность в русском языке основана была на некоторых просодических возможностях полногласных слов. Дублетность развивается только у тех слов, которые имели нисходящую интонацию корня, т. е. не выступали с фонологическим ударением, ср. *ворон* ~ *вран*, *город* ~ *град*, *голову* ~ *главу*, *сторону* ~ *страну*, *порох* ~ *прах*, *солод* ~ *слад(ость)* и т. д. Корни с восходящим тоном не выступали в качестве неполногласных и до сих пор (если не принимать во внимание поздних лжеславянизмов типа *блато*) не выступают, ср. *холод*, *сорбка*, *ворона*, *горбх*, *дорба* и др. Следовательно, любую попытку заменить в реконструкции древнего текста полногласную форму неполногласной, или, наоборот, произведенную без предварительного стилистического или семантического исследования этой формы в данном тексте следует считать покушением на творческий замысел автора. Любопытно в этой связи совпадение: сильное ударение, опорное для поэтического текста, всегда предполагает полногласную форму; слабое ударение своим скольжением сопровождается и вариантностью в числе слогов (встречается в слове с полногласным и неполногласным вариантом).

Правда, некоторые формы «Слова», искаженные переписчиками, действительно нуждаются в замене, но предварительно следует установить — какие именно. Трудность исполнения такой задачи можно иллюстрировать единственной стихотворной строчкой, оставленной Ф. Е. Коршем нерасшифрованной: *страны рады, гради весели*.²⁴

²⁴ «Возможно, что это место целиком заимствовано из какого-нибудь церковнославянского сочинения», поскольку слова даны здесь «в своем церковнославянском виде» (Ф. Е. К о р ш. Слово о полку Игореве, с. VII); однако можно предполагать и искажение текста, приведшее, например, к разрушению аллитерации: *гради ради, весели*.

Страны соответствует позднее обычному для русского языка значению этого слова (в отличие от слова *сторона*). Налицо семантическое расхождение слов. Однако такое же семантическое расхождение можно предполагать и для второго имени существительного, поскольку историки отмечают в древнерусских текстах расхождение между *городъ* 'городское поселение' и *градъ* 'крепость', 'городской кремль'.²⁵ Если принять такое толкование данных вариантов, наблюдается полное соответствие двух частей стиха: радуются *страны* (=державы) и *крепости*, а не *стороны* и *города*, не *страны* и *города*, не *стороны* и *крепости*. По-видимому, данное сочетание — авторское, и мы должны принять это во внимание, даже если это меняет ритмический рисунок стиха, ср. *стра́ны ра́ды, гра́ди вѣсели — стброны ра́ды, гброди вѣсели*. Аллитерация *рады — гради* также более соответствует поэтическому замыслу, чем экфонически размытое *рады — городи*. Учитывая все эти обстоятельства, в нашей реконструкции мы и сохраняем большинство чтений, предложенных первыми издателями. Спорные случаи оговариваются, причем в акцентологическом словаре к тексту предусматривается двоякая возможность акцентировки. Иногда оба варианта представлены в реконструкции текста (второй из них — в квадратных скобках; в квадратных скобках даны также чтения числовых обозначений текста и вставки первых издателей).

Текст «Слова» представлен в обобщенной древнерусской орфографии, характерной для русских текстов конца XII в., поэтому здесь нет последовательных совпадений ни с Мусин-Пушкинским списком, ни с Екатерининской копией с него. Пунктуационные знаки также условны — они совпадают с изданием «Слова о полку Игореве» в серии «Библиотека поэта» (Л., 1967), за исключением кавычек при прямой речи (они опущены).

Для восстановления ритмического рисунка текста большое значение имеет воссоздание цельного фонетического слова, т. е. сочетания нескольких форм, объединенных общим ударением: *а́ князю, оба́ полы, на́ себѣ, и́ отъ моря*. Дужка *⌒* соединяет отдельные части фонетического слова только в том случае, если такое слово состоит из ряда самостоятельных лексических единиц (типа *младѣ́ князя*); сочетания с предлогами особыми знаками соединения не обозначаются.

Слово о пѣлку Игб́ревѣ, Игб́ря, сына Святѣсла́вля, вну́ка Ольго́ва

Не лѣно лѣны бѣшеть, брѣ́тие, нача́ти ста́рыми сло́весе́и тру́дныхъ повѣ́стии о пѣ́лку Игб́ревѣ, Игб́ря Святѣсла́влича? Нача́ти же се тои пѣ́сни по бы́лінамъ сего́ време́не, а не по замы́шлению Боя́ню! Боя́нъ бо вѣ́щии а́ще кому́ хотя́ше пѣ́снь твора́ти, то роте́каше́сья мы́слию по́ древу, сѣ́рымъ вѣ́лкомъ по́ земли, сѣ́зымъ о́рломъ по́дъ о́блаки. По́мняшеть бо, рече́, пѣ́рвыхъ вре́мѣнь усоби́ць. Тогда́ пу́щашеть і́ [десять] соко́ловъ на ста́до лебеде́и, кото́рыи дотеча́ше, та предѣ пѣ́с[н]ѣ́ пояше́ ста́рому Яросла́ву, хра́брому Мстисла́ву, иже зарѣ́за Редѣ́ю предѣ́ пѣ́лky касо́вскими, кра́сному Рома́нови Святѣсла́вличю. Боя́нъ же, брѣ́тие, не [десять] соко́ловъ на ста́до лебеде́и пу́щаше́, и́ своя вѣ́щии пѣ́рсты на живы́ѣ стру́ны вѣ́склада́ше, о́ни же са́ми кня́земъ сла́ву рокота́ху.

По́чнемъ же, брѣ́тие, повѣ́сть си́ю отъ ста́раго Влади́мера до ны́нѣшнѣго Игб́ря, и́же истягну́ умь крѣ́постию́ своею́ и по́стри сердца́ своего́

²⁵ См.: М. А. Соколова. К истории слов *город* и *град*. — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка, VI. Казань, 1970, с. 19.

мужествомъ, напѣлнися рѣтнаго дѣха, наведе своѣ храбрыѣ пѣлки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорьъ взырѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою всѣ своѣ воѣ прикрыты, и рече Игорьъ къ дружинѣ своѣи: братіе и дружино! лѣщежъ бы потяту быти, неже полонѣну быти, а всядѣмъ, братіе, на своѣ бѣрзыѣ комони да позримъ сѣнего Дону.

Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступити искусити Дону великого. Хошѣ бо, — рече, — копие приломити конецъ поля Половецкого, съ вами, русици, хошѣ главу свою приложити, а любѣ испити шеломомъ Дону.

О, Бояне, солѣвию старѣго времени! абы ты сѣ пѣлки ущекоталъ, скача, славию, по мыслену дрѣву, летая умомъ подѣ облакы, свивая славы оба поля сегѣ времени, рѣща въ трѣпу Трояню чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣс[н]ѣ Игоревѣ, того [Олга] внуку. Не бѣря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бѣжатъ къ Дону великому. Чили взыпѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовъ внуке: комони ржѣтъ за Сулою — звѣнѣтъ слава въ Кѣевѣ, трубы трѣбятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стѣзи въ Путѣвли, Игорьъ ждѣтъ мѣла брата Всѣволода.

И рече ему бѣи туръ Всѣволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи, ты, Игорю, оба есѣ Святѣславлича! сѣдлаи, брате, своѣ бѣрзыѣ комони, а мой ти готѣви, осѣдлани у Курьска на передѣ; а мой ти куряни свѣдоми кѣмети: подѣ трубамѣ пѣвити, подѣ шеломы възлелѣяни, конецъ копий вѣскѣрмлени, путѣ имъ вѣдоми, яругы имъ знаѣми, лѣци ѣ нихъ напряженѣи, тѣли отворенѣи, сабли изѣострени, сами скачѣютъ, аky сѣрвы вѣлци въ пѣли, ищѣчи сѣбѣ чѣи, а князю славы.

Тогда вѣступѣ Игорьъ князь въ златѣ стрѣмень и поѣха по чѣстому пѣлю. Солнце ему тьмою пѣтъ заступаше, нѣщъ стонѣщи ему грозою пѣтичь убудѣи, свѣсть звѣринѣ вѣстазби, Дѣвъ клѣчетъ вѣрхѣ дрѣва, велѣтъ послѣпатѣ зѣмли незнаѣмѣ, Вѣлзѣ, и Помѣрию, и Посѣулю, и Су-рѣжу, и Корсѣню, и тебѣ, тѣмторѣканьскѣи бѣлванѣ.

А пѣловци неготѣвами дорѣгами побѣгоша къ Дону великому, крѣчатъ телѣгы пѣлуноци, рѣи, лѣбѣди распущенѣи. Игорьъ къ Дону воѣ ведѣтъ: ѣже бо бѣдѣ его пасѣтъ пѣтичь; подѣбѣиу вѣлци грѣзу вѣсрѣжати, по яругамъ ѣрли клѣтѣмъ на кости звѣри зовѣтъ, лѣсици брѣшѣтъ на чѣрленѣи пѣтитѣ. О Русская зѣмле! ѣже за шелѣменѣмъ еѣи!

Дѣлого нѣщъ мѣркнѣтъ, зарѣ свѣтъ запала, мѣгла поля покрѣла. Щѣкѣтъ славиѣи успѣ, гѣворѣ галичѣ убудѣи. Русици великая поля чѣрленѣи пѣтитѣ прѣгорѣдѣша, ищѣчи сѣбѣ чѣи, а князю славы.

Съ зарѣния въ пѣтѣкъ потѣпѣша поганѣи пѣлки пѣловѣцкѣи и, рѣссушасѣ стрѣламѣи пѣ полю, помчѣша крѣсныѣ дѣвкы пѣловѣцкѣи, а съ ними златѣ и пѣволокы и драгѣи оксамиты; орѣтѣмамѣи, и япончѣицами, и кожѣхы начѣша мѣсты мѣститѣ по болѣтомъ и грязѣивымъ мѣстомъ, и всѣкѣми узѣрѣчи пѣловѣцкѣи.

Чѣрленѣи стѣгъ, бѣла хорѣговѣ, чѣрленѣи чѣлка, сѣбренѣо стружѣи храбрѣому Святѣславличѣу! Дрѣмлетѣ въ пѣли Ольгѣво хорѣбрѣе гнѣздѣ, далѣчѣ залѣтѣло! Нѣ было онѣ обѣдѣ пороженѣо ни соколѣу, ни крѣчетѣу, ни тебѣ, чѣрныи вѣронѣ, поганѣи-пѣловчѣине. Гзакѣ бѣжитѣ сѣрвыи вѣлкомъ, Кончѣкъ ему слѣдѣ правѣтъ къ Дону великому.

Другѣго дни велѣми рѣно крѣвавыѣ зѣри свѣтъ повѣдаѣютъ, чѣрныѣ тѣчѣ съ морѣи идутъ [съ морѣи идутъ?], хотѣтъ прикрыти дѣ. (четыре) сѣлнца. А въ нихъ трѣпѣшѣтъ сѣнии мѣлнии, — быти грѣму великому,

итѣи дождю стрѣлами съ Дону великаго. Тѹ ся копьёмъ приламѣти, тѹ ся саблямъ потрѹчати о шеломы половецкыѣ, на рѣцѣ на Каяль, у Дону великаго. О Руская земле! уже не[-за] шеломенемъ еси.

Се вѣтри, Стрибѣжи внѹци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыѣ пѣлки Игоревы! Земля тутнѣтъ, рѣкы мутно текутъ, порося поля прикрывають, стязи глаголютъ, половци идутъ отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ сторонѣ. Рускыѣ пѣлки отступѣша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородѣша, а храбрии русици преградѣша чьрлеными щиты.

Яръ туре Всеволоде! стойши на борони, прыщещи на воѣ стрѣлами, грѣмлеши о шеломы мечѣ харалужными. Камо, турь, поскочѣше, своимъ золотымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежѣтъ поганыя голвы половецкыѣ; поскѣпани саблями калеными шеломы оварьскыѣ отъ тебе, Яръ туре Всеволоде! Кая раны, дорогѣ братия, забывъ чтѣ и животѣ, и града Чьрнигова отня златѣ стола, и своѣ милыѣ хотѣ, красныѣ Глѣбѣвны, свѣчая и обычая?

Были вѣци Тройни, минула лѣта Ярославля, были пѣлци Олговы, Ольга Святъславлича. Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу ковашѣ и стрѣлы по земли сѣяше. Ступѣеть въ златѣ стременѣ въ градѣ Тьмуроканѣ.

То же звонѣ слыша давныи великыи Ярославъ, сынѣ Всеволожь, а Владимиръ по всѣ утра [по всѣ утра] упи закладѣше въ Чьрниговѣ. Борѣса же Вячеславлича слава на судѣ приведе, и на Канину зелену паполому постлѣ за обѣду Олгову, храбра и младѣ князя [храбра и младѣ князя]. Съ тоѣ же Каялы Святопѣлкѣ полелѣ я[тѣи] отцѣ своего между угорьскыми иноходѣци къ святѣи Софѣи къ Киеву.

Тогда при Олзѣ Гориславлича сѣяшеться и ростяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбѣжа внѹка, въ княжѣхъ крамолахъ вѣци челоувкомѣ скратѣшась. Тогда по Руской земли рѣдко рѣтаеве кѣкахуть, нѣ часто врѣни граяхуть, трупя себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть [говоряхуть], хотѣтъ полетѣти на уѣдиѣ.

То было въ ты рѣти и съ ты пѣлки, а сѣцеи рѣти не слышано: съ зарѣня до вечера, съ вечера до свѣта летѣтъ стрѣлы каленыѣ, грѣмлютъ сабли о шеломы, трещѣтъ копыѣ харалужныя въ поли незнаемѣ среди земли Половецкыѣ. Чьрна земля подѣ копыты костымѣ была посѣяна, а кровью поляна; тугю въздыша по Руской земли!

Что мѣ шумѣтъ, что мѣ звенѣтъ давеча рано предѣ зорѣями? Игорь пѣлки заворбчаеть, жалѣ бо ему мѣла брата Всеволода. Бѣшася дѣнь, бѣшася другѣи, третьѣго дни къ полѹднию падоша стязи Игоревы. Тѹ ся брата розлучѣста на брезѣ быстрой Каялы. Тѹ кроваваго вина не достѣ, тѹ пирѣ докончѣша храбрии русици: свѣты попойша, а сѣми полегѣша за землю Рускую.

Пѣчѣтъ травѣ жалощами, а древо съ тугю къ земли преклонѣлось. Уже бо, братие, не веселѣя година вѣстѣла, уже пустыни сѣлу прикрѣла. Вѣстѣла обѣда въ сѣлахъ Дажьбѣжа внѹка. Вступѣла дѣвою на землю Тройню, вѣсплескала лебѣдыными крылы на сѣнѣмъ мѣри, у Дону плѣщучи, убудѣ жирнѣ времена. Усобица княземъ на поганыѣ погыбе, рекѣста бо братѣ брату: се моѣ, а то моѣ же. И начѣша князи промѣлое — се великое мѣлвити, а сѣми на себѣ крамолу ковати. А погании съ всѣхъ странѣ приходяху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече заидѣ сокѣль, пѣць бѣя, къ мѣрю, а Игорѣва храброго пѣлку не крѣситѣи.

Зá_нимъ кликну Карна и Жля, поскóчи по Рýскои зéмли, смáгу мýчучи въ пламянѣ рóзѣ. Жены рýскыѣ въсплáкапась, аркучй: ўже намъ своихъ мýлыхъ лáдѣ ни мýслию смýслити, ни дýмою сдýмати, ни очýма сýглядати, а златà и сребрà ни мáло того притрепáти! А_въстóна_бо, брáтне, Кýевъ тугóю, а Чьрнiговъ напáстми; тоскà розльяся по Рýскои зéмли, печáль жирнà тече срьдъ землѣ Рýскыѣ. А_князи сáми на_себе крамолу коваху, а_погáнии сáми побѣдами нарищуще на Рýскую зéмлю, ёмляху дáнь по_бѣлѣ отъ двора.

Ти_бó два_хрáбрая Святъслáвлича, Игорьъ и Всéволодь, ўже лжү убудй[ста], котóрую [то] бйше успйль отецъ ихъ Святъслáвъ грозныи великыи кýевскыи. Грозой бйшетъ притрепетáль своими сйльными пѣлки и харалужными мечй, наступй на_землю Половецкую; притоптá хълмы и яругы, взмүти рѣкы и озёры, иссуши потòкы и болòта, а погáнаго Кобяка изъ_лукý_моря, отъ желѣзныхъ великыхъ пѣлковъ половецкыхъ, яко_вiхрь, вытòрже, и пáдеся Кобякъ въ градѣ Кýевѣ, въ грiдници Святъслáвли. Ту нѣмцй и венецици, ту гръци и морáва поють слáву Святъслáвлю, кáютъ князя Игоря, йже погрузи жиръ въ днѣ Каялы, рѣкы_половецкыѣ, рýскаго златà насыпаша. Тү Игорь_князь высѣдѣ изъ_сѣдлá_злата, а_въ_сѣдло кощйево. Уныша бо градóмъ забрáлы, а_веселье_по_ниче.

А_Святъслáвъ мутёнъ сóнъ видѣ въ Кýевѣ на горáхъ. Сйночь съ_вечёра одѣвáхъте_мя, — рече, — чѣрною паполóмою, на кровáти тiсовѣ, Чьрпáхуть_ми сйнее вино съ_трудóмъ смѣшено, сйпахуть_ми тóщими тулы погáныхъ тьлковинѣ великыи жемчүгъ на_лоно и нѣгуютъ_мя; ўже дъскы без_кнѣсá_въ_моёмъ_теремѣ_златовѣрсѣмъ. Всю_ночь съ_вечёра бóсуви врáни възгрáяху, у_Плѣсньска на_болони бѣша дѣбрь Кыйню: [и] нё сошлю къ сйнему мóрю.

И_ркоша бояре князю: ўже, княже, тугà ўмъ_полонйла; се_бо_двá_соколá слетѣста_съ_отня_столá_злата_поискáти_градá_Тьмуторóкани, а_любó_испйти_шелóмомъ_Дóну. Ўже соколóма крйльца припѣшали погáныхъ сáблями, а_самаю_опустóша_въ_пүтины_желѣзны.

Тёмно_бо_бѣ_въ_т[ретей]_день: два_сълнцá_помѣркоста, óба_багрйная_стѣлпá_погáсоста_и_съ_нимá_молодáя_мѣсяца, Олегъ и Святъслáвъ, тёмю_ся_поволокóста. На_рѣцѣ_на_Каялѣ_тёмá_свѣтъ_покрыла: по_Рýскои_зéмли_прострóшася_полóвци, акы_пардүже_гнѣздó, и_въ_мóре_погрузйста, и_великое_буиство_подáсть_Хынови. Ўже_снѣсеся_хулá_на_хвалу, ўже_трѣсну_нүжда_на_волю, ўже_вѣржеся_Дiвѣ_на_землю. Се_бó_гóтскыѣ_красныѣ_дѣвы_въспѣша_на_брезѣ_сйнему_мóрю. Звоня_рýскымъ_златóмъ, поють_время_Бусово, лелѣютъ_мѣсть_Шарокáню. А_мы_ўже,_дружйна,_жáдни_веселий.

Тогдá_великыи_Святслáвъ_изрони_златó_слово_слезáми_смѣшено_й_рече: о, мой_сынóвча, Игорю_и_Всéволоде!_ранó_естá_началá_Половецкую_зéмлю_мечй_цвѣлйти, а_себѣ_слáвы_искáти. Нѣ_нечьстно_одолѣсте, нечьстно_бо_крѣвь_погáную_прольяете. Вáю_хрáбрая_сърдцá_въ_жестóцѣмъ_харалужѣ_скованá, а_въ_бүести_закаленá. Се_лй_створйсте_моёй_срѣбренѣи_сѣдинѣ? А_ўже_не_вйжду_влáсти_сйльного_и_богáтого_и_многовóи_брáта_моёго_Ярослáва_съ_чьрнiговьскыи_былými, съ_могуты, и_съ_татрány, и_съ_шель_бiры, и_съ_топчáкы, и_съ_ревүгы, и_съ_ольбёры. Ти_бó_бес_щитóвъ_съ_засáпóжники_клькомъ_пѣлкы_побѣждáютъ, звонячй_въ_прадѣднюю_слáву. Нѣ_рекóсте:_мужáимѣся_сáми,_прѣднюю_слáву_сáми_похйтимъ,

а_за́днюю ся са́ми подѣлимъ. А_чи_дѣво ся, бра́тие, ста́ру помолоди́ти? Ко́ли соко́ль въ ма́техъ быва́еть, вѣсо́ко пти́ць възбыва́еть, не да́сть гнѣзда́ своего въ оби́ду. Нѣ_се_злѣ_княже ми_не_посѣбие, на_ничь сѣ_годины обрати́ша. Се_ури́мъ крича́тъ подѣ са́блями полове́цкыми, а Во́лодими́рь подѣ ра́нами. Туга́ и тоска́ сы́ну Глѣ́бѣву! Вели́кыи кня́же Всѣ_володе! не мы́слию ти прелегѣ́ти изда́леча, ѳ́тня злата́ стола́ поблюсти́? Ты_бѣ_можѣши Вѣ́лгу веслѣ́ роскро́пити, а_Донѣ_шелѣ́мы вѣ́льяти. А_же_бѣ_ты_бы́ль, то бы́ла_бы чага́ по нога́тѣ, а ко́шѣи по рѣ́зани. Ты_бѣ_можѣши по́суху живѣ́ми шерешѣ́ры стрѣ́ляти, уда́лыми сы́нѣи Глѣ́бѣвы.

Ты, бу́и Рю́риче, и Давы́де, не_ваю_ли_злаченѣ́ми шелѣ́мы по_крови пла́ваша? Не_ваю_ли_хра́брая дру́жина ры́кають, а́кы гу́ри, ра́нени са́блями кале́ными, на_поли не́знаемѣ́? Всту́пита, господа́на, въ злата́ стре́мен[а́] за оби́ду сегѣ́_времени, за_землю Ру́скую, за_ра́ны Иго́ревы, бѣ́его Свя́тсла́влича!

Га́личкы Осмо́мысле Я́росла́ве! вѣ́со́ко сѣ́диши на своѣ́мъ златоко́ваннѣ́мъ столѣ́. Подперѣ́ горы Уго́рскыѣ́ свои́ми желѣ́зными пѣ́лкъ, заступѣ́въ коро́леви пу́ть, затвори́въ Дуна́ю ворота́, мечѣ́ б[е]рѣ́мены чрѣ́сь_обла́кы, судѣ́и рядѣ́ до Дуна́я. Гро́зы твоѣ́ по землѣ́мъ теку́тъ, отвори́вши Кы́еву врата́, стрѣ́ляеши сѣ́ ѳ́тня злата́ стола́ салтани за землѣ́ми. Стрѣ́ляи, господа́не, Конча́ка, погана́го ко́щѣя, за_землю Ру́скую, за ра́ны Иго́ревы, бѣ́его Свя́тсла́влича.

А_ты, бу́и Рома́не, и Мсти́славе! хра́брая мы́сль но́сится ва́шь у́мъ на дѣ́ло. Вѣ́со́ко пла́ваеши на дѣ́ло въ бѣ́ести, ѣ́ко соко́ль на вѣ́трѣхъ ши́ряясь, хо́тя пти́цю въ бѣ́иствѣ́ одолѣ́ти. Су́тъ_бѣ_у_ваю_желѣ́зны[и]_паворо́зи подѣ шелѣ́мы лати́нскыми. Тѣ́ми трѣ́сну землѣ́, и мно́гы стра́ны: Хы́нова, Ли́тва, ятвѣ́зи, дер[е]мѣ́ла, и по́ловци су́лицы своѣ́ повѣ́ргоша, а_главы своѣ́ покло́ниша по́дѣ [ты́]мъ мечѣ́ харалу́жныѣ́. Нѣ_у́же, кня́же, Иго́рю утерпѣ́ сълицѣ́_свѣ́тъ, а_древо_не_бологомѣ́_ли́стивие срѣ́ни: по Рѣ́си, по Су́лѣ́ гра́ды подѣ́лиша, а Иго́рева хра́браго пѣ́лку не_крѣ́сити! Донѣ́_ти, кня́же, кли́четь и зо́ветъ кня́зи на побѣ́ду. Олгови́чи, хра́брии кня́зи, до_спѣ́ли на_брань. Ингва́рь и Всѣ_володѣ́ и_вси_три Мсти́славичи, не худѣ́ гнѣзда́ шестокры́лци, непобѣ́дными жребѣ́и собѣ́_вла́сти росхѣ́тите? Ко́е_ва́ши златѣ́и шелѣ́мы и_су́лицѣ́_ля́цкыѣ́ и_щиты́! Загоро́дите по́лю_ворота́ свои́ми ѳ́стрыми стрѣ́ла́ми за_землю Ру́скую, за ра́ны Иго́ревы, бѣ́его Свя́тсла́влича.

У́же_бѣ_Сула́ не_тече́тъ срѣ́брены́ми стру́ями къ гра́ду Пере́ясла́влю, и_Двина́ боло́томъ те́четъ о́нымъ гро́знымъ по́лочаномѣ́ подѣ_кли́комъ погана́ныхъ. Еди́нъ же Иза́славъ, сы́нъ Васи́льковъ, по́звони свои́ми ѳ́стрыми мечѣ́и о шелѣ́мы литѣ́вскыѣ́, притрепа́ сла́ву дѣ́ду своѣ́му Всесла́ву, а_са́мъ подѣ_чы́рленными щитѣ́и на_кря́вавѣ́_травѣ́ притрепа́нъ литѣ́вскы́ми мечѣ́и. И_сѣ_хотѣ́ю на_крово́атъ, и_рекѣ́: дру́жину твою́, кня́же, пти́ць_кри́лѣи_прио́дѣ́, а_звѣ́ри_кря́въ_полиза́ша. Не_бы́с[т]ѣ́_ту_брата́_Брячи́слава, ни_друга́го_Всѣ_волода; еди́нъ же_изрони_жемчю́жну_ду́шу изъ_хра́бра_тѣ́ла, чрѣ́сь_злато_оже́релие. Уны́ли_го́лоси, пони́че_весельѣ́. Тру́бы_тру́бятъ_горо́дѣньскыѣ́. }

Я́росла́ве и_вси_вну́ци_Всесла́вли! у́же_пони́зите_ста́гы_своѣ́, вонзѣ́йте_своѣ́_мечѣ́_вереже́ны; у́же_бѣ_вы́скочѣ́сте из_дѣ́днѣи_сла́вы. Вы_бѣ_свои́ми_крамолѣ́ми_начѣ́сте_наводи́ти_погана́ны́ на_землю Ру́скую, на_жи́знь_Всесла́влю. Ко́торое_бѣ_бѣ_ша_наси́лие_отъ_землѣ́_Полове́цкыѣ́. На_сѣ́дѣмомъ_вѣ́цѣ́_Тро́яни_вѣ́рже_Всесла́въ_жребѣ́и_о_дѣ́вицю_са́бѣ_любу́. Тѣ́и_клю́-

ками подьпёрся о кони и скочи къ граду Кіеву, и дотчеся стружиёмъ златà стола кыевского. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣрёмъ въ полночѣ из Бѣлграда, обѣсися сини мѣглѣ, утѣрже вазни с три кусы: отвори врата Новуграду, рѣшибе славу Ярославу, скочи вѣлкомъ до Немігы съ Дудутокъ. На Немізѣ снопы стѣлють головáми, молотятъ чѣпн харалужными, на тоцѣ живѣтъ кладутъ, вѣютъ дѣшу отъ тѣлá. Немізѣ крѣвавѣ брезѣ нѣ бологомъ бѣхутъ посѣяни, посѣяни костымѣ рѣскихъ сынѣвъ. Все-славъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ в ночь вѣлкомъ рыскаше: из Кіева дорискаше до куръ Тьмутороканя; великому Хѣрсови вѣлкомъ пѣть прерискаше. Тому въ Полотскѣ позвоніша заутреню[ю] рано у святѣхъ Софѣхъ въ колоколы — а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша. Ащѣ и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянъ и първѣе припѣвку смысленни рече: ни хытрѣ, ни горáзду, ни пытьцу горáзду судá божия не минѣти. О! стонáти Рѣской зѣмли, пѣманувше първѣю годіну и първѣхъ князѣи. Тѣго старáго Владімера нѣльзѣ бѣ пригвоздѣти къ горáмъ кыевскимъ; сегѣ бо нынѣ стáша стѣзи Рюриковы, а друзи Давідовы, нѣ розно́ся имъ хѣботы пашутъ, копия поѣтъ на Дунаи.

Ярославнынъ гѣлосъ слышитъ, зегзіцею незнаема рано кычетъ. Подлечю, — рече, — зегзіцею по Дунаеви; ѣмочю бѣбрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, ѣтру князю крѣвавѣхъ его раны на жестѣцѣмъ егѣ тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ въ Путівли на забралѣ, аркучи: о вѣтре, вѣтрило! чему, господіне, насильно вѣеши? чему мычѣши хыновскѣхъ стрѣлкѣи на своѣю не трудною крѣлцю на моѣхъ лады воѣ? мáло ли ты бѣшѣтъ горѣ подѣ облакѣи вѣяти, лелѣючи кораблѣ на сини мѣри? чему, господіне, моѣ веселіѣ по ковѣлию розвѣя?

Ярославна рано плачетъ Путівлю гѣроду на заборѣлѣ, аркучи: о Днѣпре Словѣтицю! ты пробѣлѣ еси каменныѣ гѣры сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялѣ еси на себѣ Святославли носáды до пѣлку Кобякова. Възлелѣи, господіне, моѣ ладу къ мнѣ, а бѣхѣхъ не слáла къ нему слѣзъ на море рано.

Ярославна рано плачетъ въ Путівли на забралѣ, аркучи: свѣтлѣе и тресвѣтлѣе сълнцѣ! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господіне, прѣстре горячію свѣю лучю на лады воѣ? в пѣли безвѣднѣ жажѣю имъ лѣкы съпрѣже, тугѣю имъ тулы затѣ.

Прысну море полуночи, ѣдутъ смѣрци мѣглами, Игѣреви князю богѣ пѣть кажетъ из землѣ Половецкѣхъ на землю Рѣскую, къ ѣтню злату столѣ. Погасѣша вечеру зѣри, Игѣрь спитъ, Игѣрь бдитъ, Игѣрь мыслию полѣ мѣрѣитъ отъ великаго Дѣну до мáлаго Донцá.

Комѣнъ въ полуночи, Овлѣръ свѣс[т]ну за рѣкою, велѣтъ князю розумѣти. Князю Игѣрю не бѣтъ! Клікну, стѣкну земля, всѣшумѣ трава. Вѣжѣ сѣ половецкѣхъ подвѣзаша[сѣ], а Игѣрь князь поскѣчи гѣрнѣстаемъ къ трѣстиѣи и бѣлымъ гѣголемъ на воду.

Вѣвѣржѣся на бѣрзѣ комѣнъ и скочи съ него бѣсымъ вѣлкомъ, и пѣтече къ лѣугу Донцá, и полетѣ соколѣмъ подѣ мѣглами, избивáя гѣси и лѣбѣди зáвтраку и обѣду и ѣжинѣ. Коли Игѣрь соколѣмъ полетѣ, тогдá [О]влѣръ вѣлкомъ потече, трусѣ собѣю студѣную рѣсу, прѣтѣргѣста бо свѣя бѣрзáя комѣня.

Донѣцѣ рече: княже Игѣрю! не мáло ти велѣчия, а Кончáку нѣлюбия, а Рѣской зѣмли веселія. Игѣрь рече: о Дѣнче! не мáло ти велѣчия,

лелѣвшу князя на вълнахъ, стлѣвшу ему зеленѹ травѹ на своихъ срѣбренныхъ брезѣхъ, одѣвшу его теплыми мѣглами подѣ сѣннио зеленѹ древу, стрежашѣ е[го] гоголемь на водѣ, чаицами на струяхъ, чьриядьми на вѣтрѣхъ.

Не тако ли, рече, рѣка Стугна, хѹду струю имѣя, пожьрши чѹжи рѹчи и стругы, рѹстрена к ѹсту? Уношу князю Ростиславу затвори Дѣвирь темнѣ березѣ. Плѣчется мѣти Ростислава по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣти жалобѹю, и древо с тугѹю къ зѣмли прѣклонило.

А не сорѹки втроскотѣша — на слѣдѹ Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граяхуть, галицѣ помѣлкоша, сорѹки не троскотѣша, полозию ползѹша только, дятлове текѹмъ пѹть къ рѣцѣ кажутъ, соловей веселыми пѣс[н]ьми свѣтъ повѣдають.

Мѣлвить Гзакъ Кончакови: ажѣ соколъ къ гнѣздѹ летѣтъ, соколича рострѣляевѣ своими злечеными стрѣлами. Рече Кончакъ къ Гзѣ: ажѣ соколъ къ гнѣздѹ летѣтъ, а вѣ соколца опѹтаевѣ красною дѣвицею. И рече Гзакъ къ Кончакови: ащѣ его опѹтаевѣ красною дѣвицею, ни нама бѹдетъ соколца, ни нама красны дѣвицѣ, то почнуть наю птицѣ бити въ поли половецкомъ.

Рекъ Боянъ и Ходына, Святѣславля пѣс[н]творца, старѣго врѣмене Ярославля, Ольгова коганя хѹти: тяжкѹ ти гѹловѣ кромѣ плечю, [а] злѹ ти тѣлу кромѣ гѹловы, Рѹскои зѣмли без Игоря.

Сьляцѣ свѣтитсѣ на небесе — Игорь князь въ Рѹскои зѣмли.

Дѣвици поютъ на Дунаи, вѣютъся гѹлоси чрѣсь море до Кыева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощеи. Страны ради, гради весели. Пѣвшѣ пѣснь старымъ княземъ, а потѹмъ молодымъ пѣти. Слава Игорю Святѣславличю, бѹи туру Всеволоду, Владѣмиру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарѣя за христѣяны на поганыхъ пѣлкы! Княземъ слава а дружинѣ. [Аминь].

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ К РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕКСТА¹

Словарь построен следующим образом. Все формы одного слова и все производные от одного корня указаны в общей для них словарной статье; не выделяются, таким образом, приставочные глаголы от бесприставочных или суффиксальные имена от исходных корней. В качестве словарных обычно показаны: инфинитив, именительный падеж имени, краткое прилагательное; наречия и вспомогательная лексика выделены особо. Самый общий принцип нахождения нужного слова — по корню. Редкие исключения определяются характером материала, их выделение всегда понятно (ср. *аркучи* — причастие в сочетании с союзом *а*). Если слово в тексте встречается в одной-единственной форме, эта форма может быть вынесена в заголовок статьи.

Формы частотных слов не всегда перечисляются исчерпывающе, однако комментарий к соответствующему «корню» учитывает все нужные для комментирования формы слова. При пользовании словарем следует иметь в виду традиционное для славянской акцентологии распределение слов по трем акцентным парадигмам: *б а р и т о н и р о в а н и а я* — с постоянным ударением на одном и том же слоге (корня или суффикса), *о к с и т о н и р о в а н а я* — с постоянным ударением на тематическом гласном (применительно к XII в. — на окончании двусложного, на корне или на окончании трехсложного слова или формы), *п о д в и ж н а я* — с колебанием ударения между крайними слогами слова (в зависимости от падежной формы, которая всегда указывается). Указания об ударении отдельных заимствованных слов противоречивы, и потому в данной реконструкции некоторые из них не определяются. Порядок следования слов по современному алфавиту (с учетом «*ятя*»); для краткости «Слово о полку Игореве» обозначается сокращением СОПИ.

¹ При подготовке работы к печати я пользовался критическими замечаниями, поправками и дополнениями, сделанными В. А. Дыбо. Приношу ему свою благодарность за ценные советы, позволившие улучшить работу. По-видимому, и последующие обсуждения помогут дальнейшему уточнению некоторых деталей этой реконструкции.

А, союз в различных значениях, который выступал как клитика (Дыбо. О фразовых, 82). Поэтому в сочетаниях он мог перетягивать на себя ударение (ср. *а́ древо, а́ злата*) или оставаться безударным (ср. *А Игбрия, а са́ми*). В сочетаниях с *бы* и *же* — положение аналогичное: *а бѣи ты... ущекоталъ, аже бѣи ты бѣиль*; труднее судить о свободном сочетании *аже* (например, *аже соколь*), поскольку в текстах, имеющих в нашем распоряжении, оно не представлено. Теоретически можно предполагать *ажѣ*, в таком случае останется неясной редукция в современном русском *аж* (может быть, вторичного происхождения). Высокая частотность союза (около 70 раз) в различных словосочетаниях способна существенно отразиться на реконструкции ритмического строя текста.

Акы, союз с постоянным ударением на первом слоге, ср. сербск. *ако* и редукция последнего слога почти во всех славянских языках, сохранивших этот союз (*ак, як, як ж*). Новая форма *ако* в сербских говорах может выступать с различным акцентом, в том числе и как клитика, ср. у Вука Караджича *ако, акй би*, в записях косово-метохийского говора *ако бѣ да*, и т. д.

Аркучи см. *речи*.

Аще, союз-клитика, ср. в Ч.: *аще же 72^а* (в более поздних текстах, утративших всякую связь с древними фразовыми акцентами, именно такое ударение приводится как единственно возможное, ср. *аще Грек, 35*), но *аще бѣ 114^а, 119^б, 133^в, 146^а, аще бо бѣ 144^а, аще бы первыи он был непорочень, не бѣ второму искался мѣсто 145^в, аще ли 128^б, 32^в, аще же 114^б, 114^в, 118^а*, и т. д.

Багрян : оба *багряная стѣлапа*. Ударение краткого прилагательного по рукописям колеблется, ср. *багрѣнь* Хр. 174б, *хламида багряна* Соф. 107, *кружало... цѣвтом багрянѣ* Л. 202, им. п. мн. ч. *багряны* Др. II 299б и *багрянѣ* Др. II 657. Славянские языки указывают накоренное ударение, которое может быть вторичным (ср. укр. *багор*, белор. *багра* и старорус. *з багрѣмъ* П. 37, что отрицает во всяком случае баритонезу); ударение *багрѣнь, багрянѣ* дают наиболее ранние рукописи, в таком случае *багрянѣй* — исконное ударение.

Бобр : *бебрѣнь* как производное от окситонированного имени (Колесов, 179, 180).

Берег, слово подвижной парадигмы, поэтому оттяжка на предлог: *на брезѣ* Ч. 52^б, 74^а, Др. II 784, Фл. 147 и даже *прѣ новом окончани на брегу* Шум. 871. Отмеченная в рукописях акцентировка на *брезѣ* Г. 98б, Соф. 450б, Д. 122б вторична (по аналогии с ударе-

нием на *берегу* Ав. 211, на *брегу* Д. 14). В сочетании с предшествующими словами возможно перемещение акцента: *кравѣи брезѣ и темнѣ березѣ*, в местн. п. мн. ч. исконное наконечное ударение, поэтому *прѣ брезѣтъ* Х. 629, также на *брѣзѣтъ* — церковнославянские в средне-русских источниках (Колесов, 15б).

Беремь, вин. п. мн. ч. *беремени*, с новым для этой формы окончанием, при исконной флексии отражается с ударением *беремѣнѣ* Кор. 217, Ш. 264, но в самом старом источнике Ч. — только на корне: дат. п. ед. ч. *беремени* 78^в, вин. п. ед. ч. *брѣмѣ* 124^б, местн. п. мн. ч. *брѣменѣх* 33^в, что точнее соответствует предполагаемой баритонезе этого слова, ср. еще русское ударение *беремѣ*, подтверждающее это.

Бити, в ряде форм (*бити, бѣя, бишася, пробиль*), ср. *убиша* Др. II 11 при сербск. *бише се*, также *побиль* Пс. 697, Др. I 249, Г. 901, *убиль* Др. I 394, 407, и др.; накоренное ударение восстанавливает и Хр., Станг (Станг, 142).

Блюсти, *поблюстѣи* во всех источниках (ср. Дом., ПВ., Сб. VI, Фл.).

Бог, с целым рядом производных, ударение которых определяется подвижностью существительного (*Богорѣдица, богѣты*), в том числе и возможная безударность самого имени (типа *богѣ нѣтъ кажетъ* — рядом с новоаккутовым слогом; такое смещение акцента возможно в поэтическом тексте несмотря на инверсию: субъект и объект не отделены сказуемым); по той же причине ударение прилагательного наконечное (*божий*).

Болван, ср. дат. п. мн. ч. *болвѣномъ* Курб. 161б, Уст. 64.

Болого, подвижного типа, поэтому с оттяжкой в твор. п. ед. ч. *нѣ бологомъ*.

Болонь, старого подвижного типа, ср. рус. *болонь* или (в другом морфологическом классе) *болонѣ*; в нашем случае ожидается ударение на *болонѣ* (Колесов, 81 и сл.).

Болото, во всех формах с ударением на корне (единогласные свидетельства всех письменных источников и славянских языков).

Борз, в древнерусских источниках отражает подвижность, ср. близкое по форме и равное по значению сочетанию в СОПИ *идѣ в борзѣ* Нв. 448, 468, Др. I 717, Шум. 337, Пч. 67, также *борзо* Нв. 610, Др. II 231, Шум. 972, Сб. 0 19, *на борзѣ* Воскр. 14б; поэтому реконструируем ударение с оттяжкой на предлог. Формы полного прилагательного — с закономерным наконечным ударением, которое сохраняется и современными русскими говорами (ср. вин. п. мн. ч. *борзѣе* Нв. 405).

Борис и **Борисович**, как единственно возможные в среднерусских источ-

никах ударения (в летописных текстах).

Бос, в неполном члени *босымъ влькомъ* принимает значение 'босой'; в таком случае следует восстанавливать накоренное ударение в полном прилагательном, ср. современные русские говоры с акцентовкой *ббсыи*, также укр. *босий*, сербск. *ббси*, в рукописях колебание: *босого* Д. 236 но чаще *босого* Щ. 166б, и др.; в пужной форме рукописи дают только один пример нового акцента (*босымъ* Кор. 167); *ббсуи врани* по традиции относим сюда же.

Бояре, как обычное ударение во всех рукописных источниках.

Брань : *стоиши на борони, достѣли на брань*; в обоих случаях должна быть отяжка ударения на предлог, ср. *на брань* Пс. 211, X. 625, Лапг. 35, Г. 160, *на брани* Пс. 631, Хр. 96, 159, и др.

Брат, во всех формах, в том числе и суффиксальных (*братьи*), с постоянным ударением на корне, по единогласному свидетельству всех исторических источников и современных славянских языков

Брехати . *брѣшуть*, в 3 л. мп. ч. ожидается ударение на корне, поскольку слово входило в окситонированную парадигму.

Брячислав, ударение, предполагаемое Коршем (Корш, XXVIII) и, очевидно, наиболее вероятное для данных образований (в акцентованных рукописях зарегистрированы *Ростиславъ*, *Станиславъ* и др.), хотя и не исконное, поскольку акутовая баритонеза второго корня прежде предполагала самостоятельное ударение. *Брячи-славъ*.

Будити, в форме аориста *будѣи* или *убѣи*, если верно рецессивное ударение в русском *будѣишь*, *будѣи*; колебание связано с разными точками зрения на акцентовку данной формы у окситонированных глаголов.

Буесть, *буи*: *въ буести*, *буи туръ*. Производящий корень относится к баритонированным (Колесов, 205, ср. 208), хотя не исключена и подвижность; в рукописях всегда ударение на корне: *бѣго*, *бѣиство*, *бѣесть* Зап. 176, *бѣяца* Сб. VI 159б, *бѣевище* Нв. 634б, *бѣевища* Нв. 635, *бѣиши* Пт. 56б, *брѣтья бѣя* Уот. 15, но от подвижных возможны были бы акцентовки типа *въ бѣиствѣ*, что уже маловероятно для XII в., поскольку и современные славянские языки как будто подтверждают раннюю баритонезу.

Былъ : *съ черниговскими былями*, принимаем толкование П. М. Мелиоранского (Мелиоранский, 286), что это заимствование из тюркского; в таком случае, как предполагал и этот ученый, ударение *былями* (в тюркском — окситонеза; форма им. п. ед. ч. *быля*, а не *быль*).

Быстрыи, с последовательным ударением на корне, ср. *быструю* Лапт. 114, *на быстром* Др. II 48, *быстрыхъ* Леч. 100б, и др.

Быти, в спряжении как *есѣ*, *есѣѣ*, *суть бо* и т. д., по всем известным источникам (ср. особенно *есѣѣ* Щ. 195б, М. 38), хотя в сочетании с причастной формой в границах перфекта связка может и урочивать свое ударение (*пробилъ еси*), *было* Др. II 372, Ст. 176б, также *не было* Др. II 140, Хр. 483, и др., *была* Ч. 71^а, Шум. 60б и др., что отрицает возможность отяжки на клиника (следовательно, *была бы*), акутовый корень исключает отяжку ударения и в инфинитивной форме *не быти*; из других форм, представленных в СОПИ, ср. *будеть* I. 99, Дом. 103, *бѣста* Сим. 46б, *бѣху* СО 25б, и др.

Бѣда, в формах род. п. ед. ч. *бѣды* Др. I 327, Пв 81, вин. п. мп. ч. *бѣды* Др. II 177, Нв. 419, Пв. 36, и др., постоянно.

Бѣлгород, а также производящий корень *бѣл-*, с исконной окситонезой, которая сохранилась до сих пор, ср. в рукописях *от власа бѣла* Зап. 75, *видѣ брата бѣла дѣушю* М. 81б, и др., в косвенных формах, не сохраненных современным склонением; следовательно, *по бѣлѣ от дворѣ*. В топониме обычное соединение акцентов с возможным дополнительным ударением, т. е. *из Бѣлграда* или *из Бѣлграда*, ср. *въ Белградѣ* П. 96б.

Бѣе : *дѣти бѣсови*, что закономерно для производного от подвижного имени (Дыбо Акцентология, 165 — 166).

Бѣчи, в форме аориста с исконным ударением на корне, т. е. *бѣбѣши*, ср. сербск. *пбѣгоше*; рус. *прѣбѣши* Лапт. 643б и подобные вторичны и появляются в связи с утратой форм аориста.

✓ **Вазнь**, в род. п. ед. ч. *вазньи*, слово собственно русское и очень редкое, в акцентном варианте пока не встретилось. Можно предполагать разные этимологические связи (Фасмер, 1 — *вазь* и *вась*), но независимо от характера этих предположений ударение скорее всего следует восстанавливать на корне: подвижность сомнительна при исконно долгом корне, а окситонеза не свойственна данным образованиям уже с праславянского периода (суффиксальные на -*нь* дают баритонезу).

Василько : *сынъ Васильковъ*, ср. *Василько* Никон. 153, 170б, но *Борисъ Васильковичъ* и *Глѣбъ Васильковичъ* Никон. 32б, — древнее второе, так как соответствует ударению производящего имени (*Василько*, *Васильи*).

Ваш, и его производные с постоянным ударением на корне во всех памятниках, что подтверждается и современными славянскими языками.

Велес : *Велесовъ внуше*. В грамоте Варлаама Хутынского монастырю (ок. 1192 г.) написано *Вълесъ*, что уже само по себе передает ударение на втором слоге, ср. и *Волбса скѣтѣя бога* Н. 616.

Велик, во всех формах представлено с ударением на втором слоге, ср. в Др. II: *велика сила* 1066, 750, *пещера велика* естъ 312, *поле велико и чисто* 826 и т. д., также *величѣя* и другие производные.

Вельми, с исконным ударением на корне, ср. *вельми* Др. II 198, Шум. 606, Г. 2296, Лапт. 5226, и мн. др., ср. и укр. *вѣлми*; только в рукописях с XVI в. появляется новое ударение *вельмѣй* (в тех же томах Лицевого свода отражено очень редко: Др., Г., Шум.),

Велѣти, если верно чтение *повелѣя* (*тѣй*), ударение на окончании в данной форме (Станг, 130), ср. также обычную акцентовку *велѣтъ* для подвижного глагола.

Венедичи, ср. *венедѣици* и *фрѣзи Сим.* 332, также в сокращенной форме *зеновици* и *венѣици* Др. II 296 (по-видимому, для писца затруднительно было расшифровать эту форму, но исконное ударение ее он передал верно), ср. также в *Римъ* и в *Венецѣю* Шум. 411; указанное ударение совпадает с сербск. *венедѣичкѣй* (у Вука Караджича) и сербск. диал. (косово-метохийская) *венедѣичка*.

Вергти, в ряде форм (*повръгоша*, *въръжеса* и др.). Глагольный корень относился к числу баритонированных, поэтому исконно ударение на корне, ср. *вѣргоша* Ч. 70^b, *привѣргохом* Ч. 73^b, *свѣрге* Др. II 4746, 708, *извѣрге* Сим. 103, также сербск. *вѣрге*, *пдѣргоше*. Ударение типа *свергѣша* Сим. 100 появляется довольно поздно, как результат обобщения ударения в архаических формах, уже неизвестных разговорной речи.

Вередити : *мечи верезѣни*. Такое ударение единогласно предлагают все акцентованные русские рукописи (*верезѣни* Др. II 479^b, *врезѣдѣны* Г. 892, и др.), хотя исконное ударение для подвижного корня должно быть *верезѣнѣй*; *верезѣни* — выравнивание по форме с новоаккутовым ударением *верезѣнѣ* (ср. *не верезѣнѣ* Св. 1956).

Весел, основа подвижного типа (Колесов, 218), следовательно, исконным должно быть наконечное ударение *весельѣ*; оно и сохраняется в сербск. *весѣле* (сербск. пославск. *veseljē*), словенск. *veseljē*, и др., ср. также *съ весельѣмъ дающа* Пч. 43 (в русской рукописи 1640 г.); в болгарских рукописях XIV—XV вв. *веселѣе* с обычной для таких памятников оттяжкой с конечного слога. Акцентовка *весѣле*, также *весѣлѣй* — относительно новая, ее не следует принимать во внимание в нашей реконструкции; однако рукописи исконное ударение полной формы сохраняют

редко (*веселѣмъ сердцемъ* Каз. 104), в современных русских говорах *веселѣй* и пол. — обычное ударение.

Весло, в твор. п. мн. ч. *веслы* Ун. 108, что ожидается и теоретически (без оттяжки на краткостный корневой слог).

Вести, в аористных формах предпологает оттяжку на префикс: *прѣведе*, *нѣведе*, поскольку это — образование от подвижного глагола, с этим совпадает сербск. *нѣведе*, *прѣведе*; в одном случае форма могла стать безударной, поскольку ударение переходило на соседний (новоаккутовый) слог: *на судѣ прѣведе*. Это подтверждается акцентовками типа *сѣ прѣведе* Н. 2136, — в рукописи, сохраняющей древние ударения в пределах сочетания.

Весь, местоимение окситонированного класса, что обеспечивало ему особое место и в ранних изменениях корневого редуцированного (всегда в слабой позиции: *всѣ*, *всѣго* и т. д.), и в диалектном обобщении формы им. п. ед. ч. мужского рода (псковск. *всѣ*, а не *весь*); русские рукописи только с XVI в. указывают на клитичность местоимения (*по всѣ*, *за всѣ*), до этого времени местоимение постоянно является подударным (*и всѣ три*, *всѣ своя*, и *всѣ вѣдѣе*).

Вечер, в сочетаниях *до вечера* и *съ вечера*, также в беспредложном locative *погасоша вечеру зари*. В первом случае одинаково возможны ударения *дѣ вечера* и *до вечерѣ* (Колесов, 167), хотя древнейшим безусловно является *дѣ вечера* (отмечено уже в Ч. и в других ранних акцентованных текстах), которое характерно и для современных архаических говоров; во втором случае, напротив, только *съ вечерѣ* (Сим. 726, 2476 и др.). Беспредложная форма во всех известных нам источниках обычно сохраняет исконное ударение *вечере* Св. 1176, 1806, Л. 516, Леч. 586, 706, 122, 136, также в *вечерѣ* Пв. 159, хотя при предлоге и возможно уже наконечное ударение (*рано в вечерѣ* Леч. 1566, 187, что для XII в. вероятно). Вполне допустимо для текста СОИИ восстанавливать исконное ударение на втором слоге независимо от характера сочетания.

Видѣти, баритонированной парадигмы, следовательно — с постоянным ударением на корне в любой форме, в том числе и в аористной, ср. *видѣ* и сербск. *видѣ*.

Вити, причастные формы от этого подвижного глагола следуют восстанавливать как *свивѣя* и *повиты*.

Владимер, в СОИИ представлено несколько падежных форм; по мнению Корша (Корш, XXIII), исконное ударение исходной формы и форм косвенных различалось следующим образом: *Володимѣръ* — *Володимѣтра*. Ударение на первом слоге безусловно исключается написаниями типа *Вълодимира* (Кормчая 1284 г.), *Влодимиру* (список Пророче-

ских книг Упира Лихого 1047 г.). В акцентованных русских рукописях, действительно, обнаруживаем колебание: *Володѣмьрѣ* Пр. 207, Лапт. 8316, Никон. 3676, *Володѣмеромъ* Н. 56, но в производных — в *Волдѣмьрѣ* Никон. 365, *Володѣмьричь* Никон. 1876, *въ градѣ Володѣмирѣ* Пр. 364, *Владѣмьрича* Др. I 4226, *Володѣмьричу* Никон. 1876, *Юрьѣ Владѣмьричь* Лапт. 19, с *Владѣмьричем* Лапт. 426, и др. Такие колебания указывают на исходную подвижность всего сочетания и, следовательно, на возможное чередование ударения, определенное Ф. Е. Коршем.

Внук, во всех рукописях слово представлено с постоянным ударением на корне, чему соответствуют сравнительные данные.

Вода, на *водѣ* Пв. 48, Ав. 3096, П. 1406, М. 307, и др., на *воду* Пс. 154, Дом. 94, Зап. 5, *по воду* Ав. 2706, Сг. 556, и мн. др.

Водѣти Др. I 5146 и др. постоянно, что дает акцентовку *наводѣти*.

Вои, слово входило в окситонированный тип, поэтому исконным является наконецное ударение в форме вин. п. мн. ч. *вой*, *воѣ*. Оно и сохранилось довольно хорошо даже в поздних источниках, ср. *собрать вой многи* Соф. 3866, *распусти вой своя* Каз. 1026. Окситонеза подтверждается и ранними рукописями: дат. п. мн. ч. *воемъ* Ч. 63^a, также *воемъ* Пт. 332, Воскр. 276, и др.; подтверждается она и ударением производных: *войну* Н. 39, 186, Сим. 131, *войною* Сим. 345, о *войнѣ* Шум. 392, Сим. 132, *войскаго* Фл. 234, *войские* Пал. 219. Напротив, в сложном слове *многовой* такое ударение уже невозможно: в *composita* одно (новое) общее ударение не может сохраниться на конечном слоге, скорее всего — возникла новоакутовая интонация на втором корне: *многовой*.

Волга, современное неподвижное ударение на корне скорее всего вторично, памятники указывают на подвижность, ср., например, *ста на мѣсу... меж Волгѣ и Костромѣ* Соф. 4206. Тем не менее обе представленные в СОПИ формы в любом случае должны были выступать с ударением на корне, ср. дат. п. ед. ч. *к Волгѣ* Г. 906, вин. п. ед. ч. *в Волгу* Н. 22.

Волость, власть, в род. п. ед. ч. *власти* как единственно возможное ударение во всех акцентованных русских рукописях (в том числе и в русской огласовке: *волости* Сб. VI 181, В. 1646, 284, Пт. 466, Каз. 3566, и др.), что характерно для поздней подвижности именно в генетивном значении (Колесов, 75—76, также 94); вин. п. мн. ч. *власти* с теми же данными (*власти* Ч. 94^a, также *власти* Др. II 165 и др., с последовательной оттяжкой на предлог: *за волости* Др. I 421, *на власти* Г. 8726, Об. 277, *на волости* Нв. 5206). Подвиж-

ность в последней форме может оказаться важной в реконструкции фразового ударения.

Волк, в твор. п. ед. ч. теоретически можно ожидать древнейшее ударение на окончании (*волкъм*), однако в русских акцентованных источниках представлено только ударение на корне (Колесов, 132), что характерно для корневой «плавного сочетания» типа *тѣтъ*. Независимо от этого ударение в форме им. п. мн. ч. *вѣлци*.

Волочи, *поволокбста* (аорист от окситонированного глагола).

Воля, акцентовка на *волю* представляет собою один из затруднительных случаев. Новоакутовая интонация корня и, следовательно, неподвижное ударение на корне очень рано стало обычным в древнерусских текстах, отражается почти всеми рукописями, имеющими данное слово. Поэтому мы должны были бы восстановить ударение на *волю*. Однако самый древний источник — Ч. указывает на подвижность имени (Колесов, 20), а сопоставление с балтийскими языками для самого древнего периода предполагает окситонезу.

Вонзѣти, в форме императива *вонзѣте*, поскольку подвижность в данном случае исключена.

Ворон, им. п. мн. ч. *врѣни*, ср. *ворони* Др. II 76, *врѣны* Пв. 112, им. п. ед. ч. *воронѣ*, по свидетельству славянских языков.

Ворота, *вратѣ* Ч. 158^b, то же ударение в некоторых рукописях XVII в., в том числе и в Нв. (*воротѣ* 520); ударение на корне также в достаточно древних текстах, прежде всего — во всех томах Лицевого свода XVI в., также *ворота* Нв. 394, Зап. 108, Лет. 188 и др., что подтверждает новоакутовую интонацию корня. Иногда говорят об исконной дублетности ударения в этом многозначном слове (Иллич-Свигыч, 123), хотя окситонеза несомненно древнее. Ударение в глагольной форме *заворбчатъ*.

Время, исконное ударение на окончании сохраняется и самая ранняя из русских акцентованных рукописей, ср. *врѣмя* Ч. 62^a, 66^a, также Каз. 70, Сб. VI 816, и др.; род. п. ед. ч. *до временъ* Ч. 142^a и *врѣмени* Ч. 103^a, *до временъ* Ч. 121^a, со старой флексией также *без временѣ* Зап. 58, но *без врѣмени* Зап. 5, 19, *до времени* Зап. 1706. Все случаи беспредельного употребления дают ударение на корне, поэтому можно предполагать достаточно древнее разграничение отложительного и генетивного значений этой падежной формы. Следовательно, самым надежным будет предположение об акцентовке *себѣ врѣмене*, *старого врѣмене*. Ударение остальных форм, представленных в СОПИ, хорошо известно: в древнерусских источниках

временъ, *временъ* как единственно возможное ударение.

Всеволодъ, в Успенском сборнике XII—XIII вв. *Всеволодъ*, что двузачно, поскольку, например, в Лапт. отражено двойное ударение имени: *Всеволода* 843б и *Всеволода* 342, с колебанием интонации в корневом слоге, поэтому *Всеволодъ* можно читать и как *Всеволод*. В производных ударение однообразно, ср. *Иванъ Всеволодичъ* Др. II 644, Лапт. 445, 795, Г. 307, *Всеволодича* Никон. 207б, Лапт. 171б, *Всеволодичем* Никон. 187, и др. (отмечено одно исключение: *Всеволодичъ* Лапт. 828). Ф. Е. Корш (Корш, ХХIV) предполагал ударение *В(ъ)севолодъ*, с чем соотносится и ударение производных (*Всеволодичъ*), и общее правило ударения в сложном слове, один из корней которого имел нисходящую интонацию. В притяжательном *Всеволодъ* рефлекс новоаккутовой интонации; *Всеславъ*, напротив, сохраняет исконное ударение на акутовом корне, указывая на возможность устранения ударения в местоименной форме. Ср., впрочем, *посли, ать Всеслава блюдутъ* Н. 121 (если здесь оттяжка на клитику, а не механический пропуск акцентного знака). Косвенно такое распределение подтверждает исконность акцентовки *Всеволодъ*.

Венк, могло выступать в разных акцентных вариантах, в рукописях с XIV в. находим конечное ударение как обычное (*всѣякъми*), однако возможна и исконная акцентовка на суффиксе *всѣякъми*.

Вы, в местоимении подвижного типа очень ранние расхождения: *вѣю, съ вѣми* Ч. (середина XIV в.), но *вад* Евг. 1534 г. (ГПБ, Софийск., 11), ср. *оу васъ* Н. 78б; Ч. указывает ударение другой формы, необходимой нам: *вы бд не взоидте* 12^г, *вы бд на свободу званн бысте* 124^а, *вы бд ц(ъ)ркы б(о)га* 118^в, *вы бд подражатели бысте* 133^а, и т. д.

Высоко, довольно раннее колебание в акцентовке этого наречия по говорам и в славянских языках; в древнейшем русском источнике — Ч. колебание между *высоко* и *высокод*, акцентовка *высоко* наиболее проблематична для XII в. (возникла по аналогии с полным прилагательным довольно поздно).

Вѣдати, в причастной форме *вѣдоми* ударение по нашим источникам колеблется: *вѣдоми* Сб. II 12б, *вѣдомо* Г. 418б, Пв. 14, *невѣдомое* Об. 311б, но *вѣдоми* *вѣмъ* Др. II 54, *вѣдомы были ему* Шум. 88б, словацк. *svedomie* указывает накоренное ударение и, возможно, позволяет расшифровать все сочетание *вѣдоми кмети* как 'войны чести' (*svedomie* 'совесть', 'честь'). Акцентовка личной формы *повѣдаютъ* объясняет причину колебания в ударении. В рукописях такое же колебание *повѣдати* Др. II 77,

Шум. 884, *исповѣдати* Лапт. 544б, *исвѣдати* Пв. 23, но в другом значении ('возвещать', 'предсказывать'), которое в «Словаре-справочнике к СОПИ» предполагается именно в нашем тексте, ударение на суффиксе, ср. *видѣние повѣдати* Пр. 109б, также 246б, *потребно естъ вѣдати* Зап. 220.

Вѣжа : *вѣжи ся половецкнн*, по-видимому, в праславянском слово относилось к подвижной парадигме, однако некоторые рукописи дают и наконецное ударение (Колесов, 15), которое является исконным для данного слова. Форма употреблена в испорченном переписчиком тексте, который можно восстанавливать как *вѣжѣ ся половецкыѣ подвижаша* или *вѣжѣ половецкыѣ ся подвижаша* (Обнорский. Очерки, 163); первое соответствует бы древнейшему порядку слов в предложении, второй более характерен для древнерусского, хотя и представленный вариант *вѣжи ся половецкнн подвижашася* также возможен уже в русских рукописях XI в. (Адрианова-Перетц, 179). Поэтому в зависимости от реконструкции текста ударение распределится следующим образом: *вѣжѣ ся, вѣжѣ половецкыѣ* (в случае подвижности, что менее вероятно) или *вѣжѣ ся, вѣжѣ половецкыѣ* (в случае более вероятной для XII в. окситонезы).

Вѣн : *на седьмомъ вѣцѣ*, поскольку во всех сочетаниях рукописи дают накоренное ударение в этом слове подвижной парадигмы (Колесов, 132). Примеров ударения формы им. п. мн. ч. в нашем распоряжении нет, но по правилу оно должно быть на корне; в виц. п. мн. ч. представлено колебание *вѣкы* (также *на вѣкы*) и *вѣкы* (Колесов, 142, 143).

Вѣтр, с последовательным ударением на корне во всех доступных изучению источниках, ср. *на вѣтрехъ* Хр. 154, X. 469, Л. 236б, *вѣтрило* Зап. 137, Ас. 7 (такое ударение производного сохранилось до конца XIX в.), и т. д.

Вѣщнн, с последовательным ударением на корне, как это и ожидается у производного от баритонированного *вѣд-*.

Вѣяти, с накоренным ударением во всех формах у баритонированного глагола, ср. *вѣющу вѣтру* Сим. 230б.

Вячеславлич, по предположению Ф. Е. Корша (Корш, ХХIII, ХХVIII), ударение *Вячеславичъ* (также *Вячеславъ* — *Вячеслава*), однако исходное ударение слов, составляющих это имя, препятствует такой реконструкции. Акутовая баритонеза обоих корней заставляет предполагать акцентовку *Вячеславличъ* с обобщением в *Вячеславличъ* в этом вторичном производном с притяжательным суффиксом.

Галица, в акцентованных текстах это слово не встретилося, но сопоставление современных славянских языков приводит к реконструкции неподвижного ударения на корне.

Галичъны, последовательное ударение на корне, ср. *Галичъ* Лапт. 624, 1 381, *до Галича* Пр. 64, *галичане* Сим. 49 с *галичаны* Сим. 50, и т. д.

Гаснути, в формах аориста должно быть представлено с ударением *погасоуа*, *погасоста*, ср. рус. *гаснуть*, сербск. *гаснути*, *гаснѣм*, словенск. *gásniti*, *gásnet*; в русских источниках с XVI в. представлено новое ударение типа *угасиша* Др. II 343 Пр. 53 (другого глагольного класса).

Гибнути, в формах прошедшего времени — *погибе* Др. II 442, 565, 683 Шум. 75 351, Г. 301, 1956 Сим 270, Н. 228, Об. 58 *изгибе* Г. 996 и др., сербск. *погибѣм*, *погинути*, 2 и 3 л. аориста *ги́ну* также указывают на актуоты корни, поэтому реконструируем акцентовку имперфектной формы *погибашеть*.

Глаголють Об. 154, 170, *глаголять* Курб 16 также *глаголет* Об. 147, Сб. VI 160, и др., но только в поздних источниках в самом раннем из русских — следы подвижности: *глю́ ти* Ч. 4^г, 10^а, и *глю́тѣ* 13^а, *глемыи* 24^а (ср. Дыбо. Акцентуация, 95, 96), что соответствует некоторым данным внешнего сравнения, ср. чешск. *hlágol*, *hláholiti* с краткостью корневого слога. Для славянского вообще характерно раннее устранение подвижности во всех типах на -де, в том числе и у глаголов (Станг. 121), но для древнерусского следует восстанавливать только *глаголють*.

Глѣбов, **Глѣбовна**, ср. *Глѣба* Лапт. 5046, но *Глѣбовичъ* Никон. 2346. Существуют различные этимологии этого имени (Фасмер, 1, 411), но подвижность имени с самого начала исключается, как в заимствованном. Долгота корневого слога также могла оказать свое влияние на обобщение пакоренного ударения (Дыбо. Акцентология, 166).

Глядати, *стггладати* Ч. 122^б, Пр. 3196, Ас. 123 Пч. 2376, и др., ср. сербск. *гледати*.

Гнѣздо, с постоянным конечным ударением во всех формах ср. *гнѣздѣ* Пс. 48 Пв. 1146, Пал. 616, *гнѣзда* Х. 3426, Сийск. 18.

Говор, с очень ранним обобщением ударения на первом слоге (Колесов, 167), в форме *говоряхуть* ударение на суффиксе вторично, поскольку сербск. *говораху* указывает на чтение *говорахуть* (сербск. *говораху*, *говорахе* совпадает с древнерусскими *говоряхуть*); следует иметь в виду, что и сербское ударение вторично, поскольку есг основание предполагать для праславянского акцентовку данной формы как *говораху* (подвижны глагол от основ на -и) (устное

сообщение Дыбо), в таком случае вопрос заключается в том, насколько архаичными могли быть формы имперфекта для автора СОПИ — по-видимому, все-таки архаичными и тогда следует допускать обобщение акцентных типов в этой форме (*говорахуть*).

Гоголь, с ударением на первом слоге в формах ед. ч., ср. *гволя* Др. II 670.

Година, в этом производном от подвижного имени закономерное ударение на суффиксе, отражено во всех древнерусских источниках, ср. в Ч.: *година* 42^а, *годины* 43^б, *в годину* 43^б, 152^б.

Голова, вин. п. мн. ч. уже в Ч. *главы* 152^г, такое ударение сохраняется во всех источниках, колебание отмечено только в полногласном варианте. *положь под головы жемѣ* Леч. 1636, *на наши голбы* Фл. 1236, *голыы положимъ* Нв. 585, также 610, Сим. 13. Отяжки ударения на предлог нигде не отмечено, что заставляет предполагать вторичность ударения *голыы*. Вопрос, следовательно, заключается в том, будем ли мы реконструировать и фонетический состав русского слова (с полногласием), т. е. покусимся ли на стилистическую сферу авторской речи (если она верно донесена позднейшими переписчиками), потому что выявляется двойная возможность: *главы* или *голыы* (*голыы*). *Головами* Сим. 477, Г. 1003, Нв. 5946, также *главами* Ч. 15^г, В. 1606, и мн. др., постоянно. В припевке Бояна рядом употреблены формы род. и дат. п. ед. ч., что под рукою переписчиков привело даже к совпадению флексий. Ударение род. п. ед. ч. *голыы* подтверждается архаичными русскими говорами (примеры: Обнорский. Склонение 1, 264), что учел в своей реконструкции уже и Корш (Корш, XXXIV). То же ударение сохраняет нам местный севернорусский топоним, ср. *к граду Медвѣжьей главь* Лапт. 7336 *поидоша Медвѣжье Гблове* Нв. 4936, а также характерное колебание Ав: *кто дастъ глѣвъ мойи воду* 218, все прочие тексты, имеющиеся в нашем распоряжении, дают типичное для церковнославянского языка ударение *главъ*. Род. п. ед. ч. *главы* как обычная в древнерусских рукописях акцентовка, также (очень редко по употреблению: Ав., Пв. и Шум.) и *голыы*. Наряду с эгим в уже указанном топониме *из Медвѣжьей Головы* Г. 292, Нв. 5006, ср. 10 же сочетание и в других падежных формах: *Медвѣжьей Голову* Г. 2926, в *Медвѣжьей Головъ* Нв. 5286, — очень интересное совпадение, если учесть, что именно в данном топониме на основании своих данных В. Р. Кипарский видел пример перехода подвижного ударения в конечное, типа *Медвѣжьей Голову* (Кипарский, 199), и что на самом деле отражает всего лишь колебание ударения подвижного слова в зависимости от

сочетания. В нашем случае, например, важна зависимость от предыдущего слова, имеющего окончечное ударение: согласно правилу синтагматического ударения, следует восстанавливать акцентовку всего сочетания как *кромѣ воловы*.

Голос, в форме им. п. мн. ч. *голосы* Вел. 1703, 86 (три раза), также *гласи* Г. 838, Сб. VI 1136, Кав. 204, *гласове* Пр. 6, и др.

Гора, в рукописях последовательное ударение на *горѣхъ*, но относительно формы вин. п. мн. ч. имеются колебания (Колесов, 44, 48): *горы*, *на горы* уже в ранних рукописях (*на горы* Ч. 23^б, Г. 124, и др.), но в беспредложном употреблении возможно и ударение *горы* (X. 447, Зап. 1326, Пч. 1596). В рукописях только *горѣ* (*горѣ*).

Горазд, с обычным в акцентованных текстах ударением на втором слоге: *гораздо* Ав. 2356, *горазди* Др. II 151, и др.

Гориславлич, в соответствии с реконструкцией Ф. Е. Корша (Корш, XXVIII).

Горностай, ср. *горносталя* Кав. 138 при древнечешск. и словацк. *hranostaj*, по-видимому, точнее всего указывает на древнее ударение, тогда как современные рус. и укр. *горноста́й*, рус. диал. *горноста́ль* — вторичны.

Город: *градъ Тьмуторканя*, исконное ударение формы род. п. ед. ч. окончечное; оно и встречается во многих рукописях, ср. *из града* Др. I 642, Шум. 856, 397, *а города* Шум. 606, *из Нбѣя города* Шум. 74, Соф. 245, 3096, Нв. 472, 476, *проводити до города* Шум. 2136, *Новѣ града* Лет. 10, *противъ города* Шум. 517, *от города* Шум. 4106, Ст. 13, и др., хотя одновременно может быть и новое ударение *града*, *города*; в сочетании с предлогом следует предполагать оттяжку, вроде представленной в случаях *об града* Др. II 143, *оу града* Др. I 674, *об города* Сим. 548, *оу города* Др. II 153, Сим. 3386, и др., следовательно, *и града*; в свободном употреблении предпочтительно окончечное ударение. *Къ граду* Пв. 179, Зап. 176, *Пал.* 72, Кав. 60, и др., но эта акцентовка является церковнославянской (перенос ударения на предлог *къ*), поэтому ее трудно предполагать для оригинала СОПИ, ср. русскую форму сочетания *к городу* Др. II 153, Шум. 201, Сим. 17, Г. 3686, Лапт. 931, Пв. 181, Соф. 402, и т. д.; в сочетании с именем возможны варианты: *Путьялю городу* или (что точнее) *Путьялю городу*. *Въ градѣ Киевѣ* — самым распространенным по памятникам типом акцента является ударение *об градѣ* (также *въ градѣ*), — примеров можно привести сотни, тогда как обозначения *въ градѣ* единичны; зато эти последние встречаются в самых ранних акцентованных списках, прежде всего в Ч. (*въ градѣ* Ч. 30^б, 66^а, 120^а, и др.), а именно это и решает вопрос в пользу исконности такого ударения,

тем более что в полногласном варианте возможно только оно, ср. *в городѣ* Др. II 2156, Шум. 85, Сим. 156, 213, 550, Воскр. 13, 77, Лапт. 820, Лет. 266; исконное окончечное ударение формы в сочетании с «еровым» предлогом представлено редко (*въ градѣ* Соф. 4616, Шум. 606, Г. 745, X. 385), поэтому его не следует принимать во внимание при реконструкции ударения в СОПИ, Им. и вин. п. мн. ч. во всех источниках представлены с ударением на корне, в том числе в самых ранних источниках (*грады* Ч. 30^а, 32^б, 69^г, 93^а), и притом именно в полногласной форме (*городы* Шум. 4196, 5716, 6926, Г. 3266, Лапт. 4826, 650, Сим. 252, Нв. 401, и др.), в вин. п. мн. ч. с оттяжкой ударения на предлог (*на грады* Пс. 164, X. 832, Г. 348). В форме дат. п. мн. ч. *городомъ* и *градомъ* как обычное ударение в акцентованных рукописях; *по есмъ градомъ* Ч. 69^б является редким исключением, которое не указывает на исконное место ударения (при наличии в этом памятнике акцентовки *по градомъ* Ч. 73^а, а также при отсутствии переноса ударения на предлог в сочетании *по градомъ*, несмотря на широкое распространение подобных сочетаний). Ударение *городенские* восстанавливается в соответствии с «законом акцентного подобия»: *городня* дает акцентовку *городньскъ* с последующим обобщением *городенскъ*. Аористные формы *преградѣша*, *преградѣша* обычны для глаголов с подвижным ударением, ср. также сербск. *преградѣше*, которое подтверждает нашу реконструкцию.

Горяч, причастие от подвижного корня (см.: *Торжбкъ есь пгорѣ* Н. 254), поэтому теоретически ожидается окончечное ударение, которое и подтверждается для краткой формы всеми старыми акцентованными рукописями (*горяча*, *горячъ*, *горячи*); полная форма представлена только рукописями XVII в., и здесь она дает уже только новое ударение на суффиксе (*горячую* Леч. 93), что отражает переход причастия в прилагательное. В СОПИ следует восстанавливать исконное отношение, т. е. акцентовку *горячую свою лучю*.

Господин, с последовательным ударением на суффиксе, ср. *господина* Уст. 53, *господину* Кав. 1376, и т. д.

Готов, с последовательным ударением на втором слоге, ср. им. п. мн. ч. *готовви* Др. II 4376, Лапт. 426, Г. 6656, И. 996, Фл. 1876, и др.

Гряти: *гразуть*, накоренное ударение подтверждается сербск. *grjati*, *grjēj*, *grjāju*.

Гремѣти, в формах мягкой основы постоянное ударение на корне независимо от исконной принадлежности к той или иной парадигме (т. е. *грѣмѣть* и *грѣмѣши*) при возможном в акцентованных памятниках ударении для другой основы как *възгремѣть* Пс. 525, и др.

Греци, во всех рукописях последовательно баритонировано, ср. им. п. мн. ч. *грѣци* Шум. 344, Сим. 171, *грѣки* Лапт. 541, Нв. 1316, но в Др. II 308 также *греци*, что может быть и опиской, и сохранением древнего ударения в заимствованном слове (из *грѣхѣс*); новое ударение на корне объясняют вовлечением латинского произношения этого слова (Фасмер, I, 455), невозможным в XII в.

Гридница, ср. в *гридници* Н. 97, что ожидается и теоретически.

Гроза, вып. II, ед. ч. *грьбу* по всем акцентованным рукописям, отражающим это слово (Колесов, 44), также твор II *грозбу* (на месте исконного, праславянского *грозодъ*); в им. п. мн. ч. возможно колебание в одном и том же тексте (по равным спискам), ср. *грьбы* Ун. — *грозы* Кул., из них второе является вторичным и отражается очень редко. Исконное ударение прилагательного поэтому — *грозный* Др. I 6426, *грозный* Пт. 1586, *грозная* Нв. 615, *грозную* Нв. 578, но ср. *грозное* Др. II 5516 (такое ударение становится обычным для русского языка с XVII в., но является вторичным, ср. укр. *грѣзний*, но укр. диал. *грѣзний*).

Гром: *быти грѣму великому*, с обычным для древнерусского и восточнославянских диалектов ударением (Колесов, 116).

Грузити, в соответствии с правилом, ударение подвижного типа в формах аориста должно дать *погруzysta*, *погрузи*.

Грязив, прилагательные с данным суффиксом обычно обобщали ударение на суффиксе независимо от исконного ударения производящего слова, ср. по памятникам не только *прѣдвѣ*, но и *правдѣвѣ*, и т. д. Осторожнее всего было бы восстанавливать акцентовку *грязивымѣ*, поскольку образования от окситонированных имен (к числу которых можно отнести и слово *грязь*, см. Колесов, 94) все дают ударение на суффиксе (*лѣвийѣвѣ*, *сонливѣ* и др.).

Гуси, Ар. 1026 в вин. п. мн. ч., также *зѣ гуси* Ар. 1066.

Давеча, с ударением на корне, ср. рус. *давѣ*, укр. *давѣ*, словенск. *dáve* 'сегодня утром'.

Давыд, **Давидов**, с обычным для заимствованных имен колебанием ударения, ср. *Давыдовича* ВП 138, *Давыдовичѣ* Лапт. 446, и *Давыдовича* Лапт. 1716, *кн(я)зь Юрь Д(а)в(ы)довичѣ* Г. 244, что может указывать на подвижность производящего и, следовательно, на акцентовку *Давыдѣвѣ*.

Далече Др. I 7726, Соф. 3386, Пч. 27, и др., постоянно (*издалече*).

Дати, в форме *подать*, что соответствует ожидаемому ударению в реконструкции *datъ* (Станг, 127).

Двигати: *подвизашася*, ср. сербск. *подвизаше се*.

Двина, в Никон.: *Дейна* 40, по *Дейнѣ* 40, 41, в *Дейны* 3966, о *Дейнѣ* 6766, и др., также и производные (*двинянь*); в томах Лицевого свода (XVI в.) колебание в ударении (возможно, кроме указанного, еще и наконецное), а акцентовка (*от*) *страны Двиньскыя* Уст. 161 указывает на подвижность производящего имени существительного.

Дерево, **дрѣво** Ар. 265, Леч. 132, *древд* Леч. 1306, следовательно, в СОПИ *ѧ древо*; в род. п. ед. ч. только на корне (*дрѣва* Л 1266, 2956), с оттяжкой на предлог: *ѧ древа* Дом. 776, *ѧ древа* Х. 738, — это новое ударение слова, ср. *такого древесѣ* Д. 92 в старой форме; так как в СОПИ новая флексия, то должно быть *вьрху дрѣва*. В дат. п. ед. ч. также только накоренное ударение с возможной оттяжкой (*къ дрѣву* Пс. 579), следовательно, реконструировать следует *нд дрѣву*, *зелену дрѣву*, по *мыслену дрѣву*.

Дождь, относится к окситонированному типу, поэтому закономерен в дат. п. ед. ч. *дождѣ* (ср. Уч. 198). Однако агот пример из Уч. относится к 1647 г., само же слово попадает в число странных исключений, связанных с тем, что окситонированное слово с редуцированным гласным в корне входило в мягкий тип склонения. Совпадение всех этих трех условий привело к расхождению между разными славянскими языками и к вариантности в границах отдельных славянских языков. В сербском, словенском, украинском и русском, чешском и словацком одинаково возможно отражение подвижности и окситонезы (Дыбо, Верхне-лужицкий, 81); говоря о русском, имеем в виду диалекты, которые сохраняют старое ударение *дѣжду* (Обнорский. Склонение, I, 159 и 245), украинский и в XVII в. дает *дождѣ* и *дѣжду*. Аналогичные колебания в ударении дают и другие формы склонения, ср.: *дождѣ* Ч. 68^a — *не бысть дѣжда* Шум. 9506, *дѣждѣмѣ* Нв. 394 — *с дѣждѣмѣ* Хр. 336, им. п. мн. ч. *дождѣ* Др. I 6116 — *дѣжди* Др. I 195, и др. Поэтому, признавая для приведенной в СОПИ формы закономерное ударение *дождѣ*, не следует исключать и другой возможности ее акцентовки.

Долго, Нв. 4976, Др. II 323, Ст. 5, и др. (Колесов, 205).

Днѣпр, в рукописях обычна баритонеза: *к Днѣпру* Нв. 4726, *Днѣпромѣ* Курб. 696, и др., но при любом варианте в авторительной форме ожидается акцентовка *Днѣпре* (также в чтении *днѣ при*).

Дон, относится к подвижному типу, ср. *ѧ Дону* Др. II 5236, *ѧ Дону* Нв. 5486, *по Дону* Пал. 266, *зѣ Днѣ* Др. II 113, 121, Лапт. 6486, Г. 24, *на Днѣ* Др. II 2556, и др., поэтому закономерны акцентовки *синего Дѣну*, *къ Дѣну*, *съ Дѣну*, *ѧтъ Дона*, *ѧ Дону*, *ѧ Днѣ*; в производном от него имени — *Днѣць*, *Днѣче*.

Дорог, слово подвижной парадигмы (Колесов, 213 и сл.), в СОПИ дважды употреблено в форме зват. п. мн. ч. среднего рода (*дорога братие*) или им. п. ед. ч. женского рода (*дорога братия*), — независимо от этого ударение в обоих случаях на окончании, хотя это и приводит к перебиву ритма (*дорога́ братия*).

Доски, в форме им. п. мн. ч. *дски* Пр. 119, Др. II 321, Зап. 336, Сг. 906 (новое ударение отражается с XVII в.: *дбски* В. 1896, Пал. 77, и др.).

Друг, в полной форме обычно передается с наконечным ударением во всех формах, т. е. *друго* Лапт. 761б, 811, Г. 1876, *друге* Об. 34б, И. 37б, и т. д.

Дружина, производные от имен использовали акутовый суффикс *-ina* (Дыбо. Акцентология, 174, 194), что давало постоянное ударение на суффиксе и что отражается всеми акцентowanными источниками.

Дрѣмати, окситонированной парадигмы, поэтому *дрѣмать*.

Дума, вероятнее всего, исконная баритонеза в этом заимствованном слове, поэтому *думю сдумати*; однако разные славянские языки не совпадают в показаниях относительно акцентовки этого слова (Колесов, 9, 16, 18), указывая и на окситонезу (которая возможна), и на подвижность (совершенно невозможна как исходное ударение).

Дунай, с колебаниями: ср. к *Доунаю* Никон. 731, что вторично при сербск. *Дўнај*, *Дўнаг*; Ф. Е. Корш предполагал акцентовку *Дунай*, *Дўнај* (Корш, XXIX).

Дух, в форме род. п. ед. ч. *дўха* как единственно возможное ударение во всех акцентованных источниках (Колесов, 134).

Дѣва, относится к исконному типу с постоянным ударением на корне; производные должны сохранять такое ударение (*дѣвицы*), чего на самом деле нет; Дыбо (устное сообщение) предполагает прилагательное *дѣ(ый)* с подвижным ударением, откуда закономерное *дѣвица*, отмеченное уже в ранних славянских рукописях как вариант к *дѣвица* (последнее только в русских говорах).

Дѣдний: из *дѣдней славы*, как обычное ударение в этом производном от баритонированного имени (Колесов, 105).

Дѣло, Ч. 68^б, Др. II 17, и др., без оттяжек ударения на предлог в форме вин. п. ед. ч.

Дѣлити, славянские языки отражают накоренное ударение в формах презенса, однако восточнославянские акцентованные источники иногда передают и наконечное ударение типа *делѣтся* Сб. IV 143б, *раздѣлѣтъ на двое* Сб. IV 61, *делѣтъ* Ар. 123б, 125б, 126б, *дѣлѣтъся* Азб. 57, 68, и др.; в форме аориста *подѣлиша*, ср. сербск. *подѣлише*; сказанное определяет неуверенность в отношении причастной формы: *дѣляче* как рефлекс подвижности или *дѣляче* (или *дѣляче*, что сомнитель-

но) как рефлекс окситонезы (что вероятно).

Дѣти, в форме им. п. мн. ч. могло уже иметь новое ударение на корне, хотя исконным является наконечное (Колесов, 91—92, 204); в сочетании *дѣти бѣсови* наиболее вероятно столкновение акцентов, относящихся к обоим словам, но только как мелодический вариант.

Дятел, в им. п. мн. ч. *дятлове*, как слово баритонированной парадигмы, ср., например, дат. п. мн. ч. *дятломъ* Об. 23б.

Жажда, по-видимому, старой окситонированной парадигмы (Колесов, 14), что заставляет предполагать акцентовку *жаждѣю* (верна даже в случае подвижности; баритонеза исключена), в любом типе производное дает ударение *жа́дни*.

Жаль, словенск. *žal*, *žali*, совпадение чешск. *žal* и словацк. *žial'* указывают на подвижность, которая подтверждается ударением производных: сербск. *жа́лост*, местн. п. ед. ч. *жа́лости*, род. п. ед. ч. *бѣз жалости*, ср. также литовск. *gėlā* 'горесть' (четвертой акцентной парадигмы, которая не соответствует славянской баритонезе). Принимая все это во внимание, восстанавливаем подвижность, а следовательно, и акцентовку *жа́ль бѣ* в СОПИ. В других образованиях от этого слова рукописи, как правило, дают ударение на корне: *жа́лость*, *жа́лоба*, хотя имеются и отклонения, указывающие на исконное ударение этих образований, ср. *жалобникъмъ* Шум. 137, *жалбсть* Кар. 71б, следовательно, и *жа́лба* как исконное ударение слова.

Желѣзаны, в полной форме с последовательным ударением на втором слоге по всем известным источникам.

Жемчуг Сийск. 15б, Каз. 59, М. 237б, так же последовательно во всех косвенных формах и в производных: з *жемчужными* В. 32.

Жеребеи, *жребии*, как производное от подвижных дает в вин. п. ед. ч. *жѣребей* Нв. 561, Леч. 156б, и др., во мн. ч., кроме им. и вин. п., — наконечное ударение, т. е. *жеребѣямъ* У. 232б, твор. п. мн. ч. *жеребѣи*, и т. д.

Жерти, в форме причастия *пѣжршии*, ср. *пѣжруть* Пс. 393 и аналогичные переносы ударения при этом «еровом» корне.

Жесток, краткое прилагательное в рукописных источниках последовательно отражено в двух акцентных типах: постоянно на первом слоге или постоянно на окончании; полное прилагательное также выступает в двух вариантах (*жѣстокое*, *жестобкое*); наиболее древний тип (встречается в Ч.) — *жестокѣ*, *жестобкое*.

Жив, *живѣи* Пт. 10, *живые* Гз. 94б и постоянно во всех формах.

Живот, обычно наконечное ударение во всех формах как специфически русская акцентовка этого образования, но

уже в Ч. возможно колебание: *животѣ* 44г, 59г, по вин. п. ед. ч. *живот* 44г; более поздние рукописи отражают выравнивание ударения по форме им. п. ед. ч.: *живота* как *животъ* (Колесов, 167).

Жирен, у производного от подвижного имени (*жирь*) окончательное ударение в обеих, представленных СОПИ, формах, независимо от подвижности или окситонезы суффиксального прилагательного.

Жля, может быть испорченным от *желя*, ср. *жѣла велика* Пт. 554, такое же ударение *жѣля*, *жѣля* и в других источниках.

Забрало Уст. 2276, Каа. 2426, мп. ч. *забрала* Пч. 62, по *забраломъ* Х. 14436, Пал. 115, на *забралѣхъ* Фл. 1156, и др. при словацк. *zábradlie* 'перила' демонстрируют исконное место ударения всех форм слова; следует предполагать акутовую интонацию в *заборло*, хотя поздние русские рукописи (аналогия с *заборъ*?) представляют новое ударение: *чреаъ заборолы* Лапг. 141, с *заборолъ* П. 284, на *заборолъ* (Кормчая XVI в., ГПБ, F. II, 87, л. 3886), также с *заборолъ* Н. 289, с *забралъ* Х. 1122, 1124.

Завтрак, в форме дат. п. ед. ч. *завтроку* двусмысленно: ожидается *заутрокъ*, но славянские языки по все отражают рефлекс такого ударения, написанию *заутроку* вместо *зауטרъку* также указывает на акцентовку *завтрбуку*, закономерно в производном от подвижного (Колесов, 194; Дыбо настаивает на ударении *завтроку*).

Задний, производное от подвижного имени с ожидаемым окончательным ударением (*заднѣю*), однако в рукописях только *зѣдний*, что соответствует сербск. *zǎdњи*, словенск. *zǎdnji* и что указывало бы на исконное ударение (Дыбо. Акцентология, 219).

Заря, Шум. 442, Сб. VI 54, Зап. 896, и др., им. п. мп. ч. *зѣри* Воскр. 156; возможна исконная барионеза (Колесов, 52—53).

Звати, как подвижный глагол, дает закономерное ударение *зовѣтъ*, *зовѣуть*.

Звонити, в аористных формах ожидается ударение *позвони*, *позвонѣша*, в причастных — *звѣдя*, *звонячѣ* (Спанг. 138).

Звѣрь, в форме твор. п. ед. ч. *звѣремъ* Ч. 156г, Х. 452, М. 9, но также *звѣрѣмъ* Кр. 2446, — последнее, по-видимому, соответствует исходному ударению подвижного имени, каким является это слово; наоборот, им. п. мп. ч. только в цовой форме *звѣри* (исключением лишь в XVII в. в автографе Авакума: *звѣри* Ав. 212), с возможной отяжкой на проклитику (в СОПИ *ѣ звѣри*). Прилагательное следует восстанавливать с окончательным ударением, в данном случае *саистъ звѣрѣнь*.

Здрав, в форме им. п. мп. ч. последовательно в рукописях *здрѣви* Др. II 6016, Шум. 525, Г. 474 (с акутовой интона-

цией в корне, что подтверждается русской формой *здоровъ*).

Зегайда, при укр. *зегѣця*, с древним ударением слова, если предполагать праславянскую форму **zegъzd* (Фасмер, II, 91).

Зелен, прилагательное относилось к окситонированной парадигме (Колесов, 219), поэтому во всех формах, приведенных в СОПИ, следует восстанавливать окончательное ударение (также *зеленѣ древу*), русские рукописи только с XVII в. дают новую подвижность как результат ее обобщения в предикативных формах, ср. в Леч. *водѣ зеленѣ* 139 — *воду зелену* 179; южнославянские языки указывают на подвижность, поэтому и данные отношения могут восходить к праславянской системе (устное сообщение Дыбо).

Земля, слово с колебаниями ударения в древнерусских и вообще во всех древних текстах (Колесов, 51—52); в форме род. п. ед. ч. обычно окончательное ударение при новом окончании (*земли*), тогда как архаические тексты с исконным окончанием (в церковнославянском варианте) представляют ударение на корне, ср. *посрѣде зѣмля* Пт. 366, *от нашей зѣмля Московская* Сим. 4416, *ѣ земля* Псл. 112, ударение *от земли*, *дѣ земли* характерно также для современных русских говоров, поэтому восстанавливаем акцентовки типа *ѣз земли*, *серѣдѣ земли*, а в свободном употреблении — окончательное ударение, хотя вполне возможно, что, кроме столкновения русского и церковного произношения этого слова, значение имело воздействие со стороны накоренного ударения в формах дат. и вин. п. ед. ч., а также старое расхождение между отложительным и гетивным значениями самого род. п. Во всяком случае, в самом древнем русском источнике — Ф *земля* Ч. 142г. В форме дат. п. ед. ч. (особенно часто в сочетании по *Руской земли*) ударение закономерно должно быть на корне, таким оно и представлено во всех старых акцентованных рукописях, — в свободном употреблении (ср. *зѣмли Русской* Лапг. 665, 967, *поборници суще зѣмли Рустей* Др. II 1406, Воскр. 756, по *всей зѣмли* Лапг. 7376, Пс. 10), также в *зѣмли* и *по земли*, ср. Пс. 107, Г. 751, Кор. 168, Псл. 209; новое окончательное ударение появляется только при новом окончании (*землѣ*). Аналогичные замечания можно сделать и к форме вин. п. ед. ч.: *зѣмлю* как обычное ударение (также *нѣ землю*, ср. в Ч. и др.), в том числе и в нашем сочетании *Рускую землю* Др. II 444, 484, 545, Др. I 2886, 3236. По-видимому, во всех этих формах имя существительное могло выступать и в безударном варианте, если входило в некоторое устойчивое сочетание. За *землями* — обычное в акцентованных рукописях ударение (отяжка на предлог отсутствует, что подтверждает достаточную древность такого ударения).

Знати, глагол баритонированной парадигмы, поэтому все образованные от него формы должны иметь накоренное ударение; исключений нет; ср. *знаемыми* Дом. 1186, *знаемъ* Дом. 24, *знаемых* Дом. 1216 и др.

Золото, обычное ударение в форме род. п. ед. ч. *злата*, *зблота*; в сочетании, представленном и в СОПИ, возможно выравнивание ударения по окситонированному типу, ср. *а златъ и сребръ* Соф. 444б. Аналогично в форме твор. п. ед. ч. *рускимъ златомъ* — как единственное ударение, представленное акцентованными источниками. Крайне прилагательное, в зависимости от сочетания, в которое оно входит, дает колебание ударения, в некоторых случаях вовсе его утрачивая: например *изъ свѣдѣл злата*, *изрони злато слово*, *чръсъ злато ожерелье*. В полной форме прилагательного закономерное ударение на окончании, ср. *златый* Ч. 139^б, *златые* Гр. 945, П. 51, Каз. 61, и др.; в причастной форме *заченными шеломы* ожидается накоренное ударение, которое и представлено в некоторых рукописях (Корш, LI), однако довольно рано на основе акцентного выравнивания появляется и новый рефлекс новоакутовой интонации корня, ср. *двери золотены* Н. 230б.

Зрѣти, формы, представленные в СОПИ, должны реконструироваться как *зѣрѣ* и *да пѣзрѣмъ*, поскольку с этого подвижного корня возможны только такие отяжки (в русском не на «еровый» префикс), ср. с этим *зѣрѣти* 3 л. ед. ч. в Ч. 89^г, и сербск. *ѣзрѣ*, которые безусловно совпадают с подобной реконструкцией.

І. И, очень частый в тексте СОПИ союз, обычно он безударен, но в сочетании с другими клитиками может переносить на себя ударение, ср., например, *ѣ древо*, *ѣ града*, *ѣ рече*, *ѣ потече*, *и всѣ три*, возможно также *ѣ отъ моря*; ср. с этим акцентовки, представленные в древнейшем русском источнике Ч.: *ѣ в д[е]нь 42^а*, *ѣ должны соут всѣ 83^б*, также *и всѣ*, *ѣ мы*, и др.

ІІ. И, местоимение, см. Он.

Игорь, Г. 101, 139б Лапт. 502, 641б, 652, Никон. 36, 485, Н. 65, и др., *Игоря* Никон. 486, 716, 1836, с *Игоремъ* Лапт. 423, также *Ингарь* Лапт. 669б; современное *Игорь* появляется довольно поздно (*Игорь* Пр. 1516), ср. греч. Γγωρ с тем же ударением, которое скорее всего восходит к скандинавскому (в древнерусском полударный слог обычно соответствует греческой долготе, т. е. и в данном случае — *Игорь*); ср. еще *вѣнку Игореву* Пр. 206б в том же позднем источнике, что необычно в притяжательном прилагательном.

Идти, в форме 3 л. мн. ч. ударение на корне (ср. *пойдутъ* Пс. 459, *прійдут*

Пс. 526 и др.), но в форме аориста оттяжка на предлог вряд ли возможна, ср. сербск. *иде* (поэтому *заидѣ*, *взыдѣша*).

Иже, ср. *Иже послѣдѣ бысть* Уст. 195, также в Ч. (Дыбо. О фразовых, 80).

Издальча, Хр. 532 Др. II 147, Фл. 88б, Леч. 163, также в *дальча* Ч. 24^б, хотя северные рукописи дают также *издальчѣ* Нв. 549б, Пч. 184, М. 16, 81, 224б.

Изяславъ, Н. 122б, *Изяславъ* Н. 93 и колебание при переносе *Изяславъ* Н. 7, ср. также *Изяславичъ* Лапт. 976, 160б.

Имати: *ѣмляху дань*, ср. сербск. *јѣмати*, *јѣмаху*.

Имѣти, поэтому воссганавливается форма *имѣя*.

Искати, но *ѣщуце* Др. II 31б, П. 93б, Пт. 4б, Пал. 277б.

Искусѣти, см. сербск. *искусити*.

Казати, ударение на корне во всех формах, ср. *кажемъ* Сим. 20б, *прикажу* Сим. 540, *оукажет* И. 4, *откажемъ* Нв. 617б, и др.

Калити, современные славянские языки дают расходящиеся результаты: в русском подвижная (*калю* — *калийшь*), в сербском окситонированная (*калѣти* — *калѣм*) парадигма. В зависимости от исходной ситуации следует реконструировать *калѣные*, *калѣными*, *закалѣна* или *калѣные*, *калѣными*, *закалѣна* (первый вариант предпочтительней).

Каменныи, производное от баритонированного имени (Колесов, 190), поэтому ударение постоянно на корне, ср. *камениемъ* Хр. 401.

Камо Лапт. 159б, Пт. 128, и др., ср. *оуже намъ нѣ камо ся дѣти* II. 59б, что указывает на подвижность наречия.

Канина, независимо от реконструкции текста (*Канинь* = *Каневъ* или *тъканину*) с баритонезой, т. е. с ударением на корне.

Каяля, трудное место: если это действительно топоним тюркского происхождения (Фасмер, II, 21б) от *kajaly* 'скалистый', то ударение не на среднем слого.

Каяти, баритонированной парадигмы, поэтому *каяти*, *кають*.

Киев, производное от баритонированного имени (Фасмер, II, 230), поэтому во всех случаях ожидается ударение на корне. Существует и другая этимология слова, возводящая его к славянскому корню *кѣа* 'вихрь', *кѣа*- 'песчаный холм' (Т. Лер-Сплавинский). Еще раз о названии города *Киев*. — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 197—198). Сопоставления славянских языков относительно акцентной этого корня (ср. сербск. *кијати*, *кијам* 'чихать') указывают на первоначальность окситонезы; следовательно, *Кѣевъ* — ударение, которое дольше всего должно было сохраняться в многослож-

ных производных (ср. доказывающее это ударение из рукописи XVI в. князя Киевского II. 62); такое ударение сохраняется только у производных от окситонированных корней с долготой (*Быковъ* — *Быковский*, *Жуковъ* — *Жукбеский* и др., см.: Дыбо. Акцентология, 166).

Кикати, при рус. *кѣкать*, *кѣчу* 'кричать (по-птичь)', укр. *кѣкати* 'куковать' ожидается *кѣчьть*, *кѣказуть*; ср. с этим сербск. *кѣкати се*, *кѣкѣху* 'таскать друг друга за волосы, драться', которое указывает ударение на суффиксе.

Класти: *кладѣтъ* Пв. 1356, Леч. 94, в формах имперфекта *въскладѣше*, *закладѣше* ударение, возможно, на суффиксе, ср. сербск. *кладѣшѣше*, однако имперфект от подвижного глагола в качестве исходного дал бы ударение *въскладѣшѣ*, *закладѣшѣ*.

Клекот, слово окситонированной парадигмы, поэтому в форме твор. п. ед. ч. восстанавливается акцентовка *клекѣтъ*.

Клик, слово баригонированной парадигмы, в памятниках представлено ударение производных (с *кликаньем* Фл. 2506, на *кликание* Кч. 1326, и др.), которое совпадает с ожидаемым ударением на корне. В соответствии с этим и глагольные формы восстанавливаем с накоренным ударением, ср. *кликѣтъ* Сб. IV 501, *кликѣша* Лапт. 8026, *въскликѣнуша* Сим. 127, также сербск. *кликну*, и др.

Клонити, с ударением на суффиксе в причастных формах *прѣклонѣло*, *преклонѣлось*, ср. сербск. *преклонѣло*, *поклонѣше*.

Клюка, с постоянным ударением на корне (Колесов, 10).

Кмет, с постоянным ударением на корне, ср. сербск. *кмет*, словенск. *kmèt* — *kměta*.

Кнѣ, исключительно сложное для анализа слово, имеющее специально для СОПИ несколько толкований и этимологий; независимо от действительного значения его возможна двойная акцентовка: *без кнѣса* или *без кнѣса*.

Князь, встречается в нескольких формах. В форме им. п. ед. ч. исходящая интонация корневого слога (Колесов, 162, 164), отсюда и ударение *ѧ князь Ярославъ* Лапт. 763; следовательно, в сочетании *Всеславъ князь* второе имя существительное энклитично, так же, как энклитично оно и в других формах, ср. примеры из акцентованных рукописей: *рѣша же дрѣвяне: се князя оубѣхом рѣскаго* Н. 50, в дат. п. ед. ч. *ѧ князю*, в вин. п. ед. ч. *младѣ князю*. В форме им. п. мн. ч. колебания в древнейших текстах, сохранявших это слово: *кнѣзи* и *кнѣзѣи*, вин. п. мн. ч. *кнѣзи*, но с отсутствием оттяжки ударения на предлог, что подтверждает древность наконечного ударения (все остальные формы мн. ч. иногда сопровождаются оттяжкой на

предлог: Колесов, 162), хотя род. п. мн. ч. *кнѣзи* представлено как единственно возможное ударение (Др. II 16, Шум. 250, Г. 949, и др.). Ср. также в рукописях XII в.: в Стихираре ГПБ, Q. п. I. 15 *князь нашего* 23, 256, но *кнѣзю* 11. Прилагательное прилагательное сохраняет наконечное ударение (на *кнѣжѣмъ* поле Пал. 826), в краткой форме выступающая и с оттяжкой на предлог, ср. *на кнѣже дворѣ* Др. I 419, *на кнѣже* поле Пал. 80, 826; поэтому реконструкция *въ кнѣжѣхъ крамоуѣхъ* является самой вероятной исторически.

Кобѣк, по реконструкции Ф. Е. Корша (Корш, XXVIII), ср. тур. *кѣбѣк* 'собака'; в косвенных формах Корш предполагал ударение на первом слоге: *Кѣбака* и т. д., как уже собственно русское ударение.

Ковати, глагол подвижной парадигмы, поэтому *ковѣше*, *ковѣшу*, хотя сербский отражает новое ударение *кѣвѣше*; причастная форма *скована* в двойственном числе не зарегистрирована в акцентованных рукописях, формально сходные с нею род. п. ед. ч. мужского рода и им. п. ед. ч. женского рода *скованѣ*, но в формах мужского рода колебание: *скованѣ* Каз. 676, Ав. 215 — *покованѣ* Сб. V 123 (ср. еще *окванѣ* Уст. 61, и др.). Накоренное ударение вполне может быть вторичным, хотя неизвестно, насколько рано оно появилось в русском языке.

Коѣ, ср. *орѣшки знати коѣ зеленѣи* Зап. 164.

Кожух, с постоянным ударением на втором слоге, ср. *кожѣховѣ* Др. II 554, так же и современные славянские языки (сербск. *кѣжух*, *кѣжука*), в том числе и восточнославянские.

Коли Шум. 214, 2306, Соф. 435, Дом. 716, Пв. 19, Ав. 190.

Колокол, в форме вин. п. мн. ч. *въ кѣлоколѣ* с двойной возможностью: *в кѣлоколѣ* X. 627, Г. 7536, Сим. 338, Нв. 4586, 554 — *в колоколѣ* Соф. 4456, *колоколѣ* Шум. 30, 43, 295, Г. 9606, Соф. 4456, также *колоколѣ* Соф. 3876, Пал. 50, 986; аналогичное колебание и в других формах мн. ч., в ед. ч. ударение возможно только на корне: *кѣлоколѣ*, *кѣлокола*, также *на колоколѣ* Нв. 618. Для СОПИ следует предполагать при «еровом» предлоге ударение *въ кѣлоколѣ*, оставляя возможность для наконечной акцентовки как вариантной.

Кому Др. I 760, Шум. 886, Пв. 86, но сербский указывает иное ударение, ср. *кѣм*, *кѣм*, *кѣм*; по-видимому, для русского характерно наконечное ударение, но в тексте СОПИ само сочетание *аще кому хотѣше* предполагает равные возможности акцента: *аще кому* или *аще кому*.

Комонѣ, в форме вин. п. мн. ч. *комѣни* Н. 576.

Кончак, из тур. *кочѣк* 'молодец'; Ф. Е. Корш допускал русское ударение

ние косвенных форм *Кбнчака* (Корш, XXVIII).

Кончати, в форме аориста *дожнчаша*, ср. сербск. *дожднчаше*, др.-рус. *кончаша*.

Конь, в форме вин. п. мн. ч. о кони, ср. *конй* Ч. 152^г, Др. I 2346, П. 118, Г. 886, 9196, Сб. 0 1266, Соф. 248, В. 1386, на *конй* Др. I 6606, Нв. 489, Пал. 103, на *коня* Пч. 386, 976, Зап. 966, 996, Фл. 223, и др.; *кбни* вторично, хотя изредка отражается уже рукописями XVI в. (Нв. и Г.), *на кони* Нв. 519 — исключительно редкий, уникальный пример (Васильев, 114). Таким образом, если текст СОПИ расшифрован правильно, следует предполагать о *конй*.

Копыто, с постоянным ударением на втором слоге (баритонированная парадигма) во всех источниках, рефлексы долгот и интонаций в славянских языках подтверждают праславянский характер такого ударения, ср. также *копыто* Л. 116, *копыта* Л. 124, и др.

Копье, во всех формах следует восстанавливать окончное ударение, ср. *копид* Га. 1786, Кав. 516, X. 5836, *копиемъ* Кав. 646, Сб. V 4846, Пс. 170, Ст. 276, и др. (так же в певческих рукописях XII в.); на такое же ударение указывает акцентовка производных, ср. *копейный* Фл. 96, *копейный* Др. II 1316, *копейники* Хр. 271, Фл. 1806.

Корабль, в форме вин. п. мн. ч. в *корабли* Ч. 44^б, что соответствует ударению греческого слова (*καράβιον*), хотя для древнерусского больше характерна окситонеза (в том же памятнике находится более 20 примеров окончного ударения).

Кормити : *въскбрмлени*, у глагола окситонированной парадигмы (Колесов, 112) должно быть ударение на корне, ср. *кбрмлены* Нв. 6286, *воскбрмлени* Н. 111; и в случае исконной подвижности акцентовка данной формы также очень рано стала накоренной.

Король, в дат. п. ед. ч. *королёви* Лапт. 496, 52, 546, *кролёви* Курб. 82, 1816, при обычном для рукописей ударении с другой флексией *королю*.

Корсунь, в *Корсунь* Никон. 406, производное *курснянина* Г. 94, Пр. 215 подтверждает постоянное ударение на втором слоге.

Кость : на *кости* *звѣри зовуть*. В рукописях отражается только новая акцентовка на *кбсти*, хотя исконным в данном сочетании является ударение *на кости* (Колесов, 96), которое и следует восстанавливать для XII в., поскольку движение ударения в пределах сочетания для этого времени еще актуально. В форме твор. п. мн. ч. только *костьмй* Пал. 1306, Сг. 214, Нв. 461, и др.

Котора 'вражда', в русских акцентованных источниках дает новоаккутовую интонацию на втором слоге (*котбрамъ*

Сб. 0: 416) и, следовательно, постоянное ударение на этом слоге (Колесов, 26).

Который, по ударению совпадает с ударением в современном русском языке (ср. *кто́рого* Лапт. 138, и т. д.).

Кошей, возводят к тюрк. *koşci* 'невольник', что указывало бы ударение *кошей*; однако в древних заимствованиях с двумя краткими слогами часто отражается перенос ударения: *кбщей* (но *кошйево*).

Крамола, с постоянным окончным ударением, как показывает уже древнейший источник Ч. (Колесов, 26), ср. еще *крамолд* Соф. 4016, *крамолъ* Пч. 1766, *крамолми* Лапт. 734, так же ударение производных *кормоблники* Шум. 3966, *кормоблниковъ* Шум. 421, и др.

Красен, в сочетании *краснб_еси*, ср. *краснб* Д. 50, 95, Кр. 1746, Сг. 16, Нв. 4306, Леч. 1576, и др. (в полной форме всегда ударение на корне: *красный*); однако это ударение может быть и вторичным, поскольку теоретически (подтверждается и южнославянскими источниками) исконным следует признать *красно*, *красны*.

Кратити : *скратйшашь*, глагол явно не баритонированной парадигмы, поэтому в данной аористой форме реконструируется исконное для нее ударение.

Кречет, в дат. п. ед. ч. *крѣчету*, ср. *крѣчаты* Ав. 2116, Зап. 86, но *два кречатъ* Шум. 1456, что указывает на подвижность ударения в этом слове.

Кричать Ш. 23.

Кровать Пв. 1146, на *кровоитехъ* Пв. 736, Пч. 106, и др., что соответствует ударению в греч. *κράββατι(ο)ν*.

Кровь, слово подвижной парадигмы (Колесов, 74, 76), поэтому возможна отяжка ударения на предлог и окончное ударение в некоторых формах; из числа встреченных в СОПИ см.: *по крови* Лапт. 3056, Св. 3356, Пал. 122, *за кровь* Лапт. 9306, М. 316, *на кровь* Пв. 1426, М. 2916, и др.; в форме тв. п. ед. ч. довольно рано обобщается ударение на корне (*крóвью* Ч. 146^б). Ударение краткого прилагательного скорее всего было подвижным, ср. ударение на корне в формах *крóваву* З. 1536, *крóваво* Г. 399, Уст. 143, М. 866, *крóвавы* Кав. 646, X. 1239, и др.; в таком случае полное прилагательное должно выступать с окончным ударением, что и подтверждается наиболее древними источниками, ср. *кровоными животными* Ч. 142^г, *кровоаые* Др. II 996, Леч. 806, 95, Сб. 0. 134, 1346, *кровоавымъ* Леч. 92, *кровоавыми* X. 11896 (такое ударение сохраняется до середины XVIII в. и отмечается еще в одах Ломоносова).

Кромъ Ч. 7^а, 48^а, 51^г, 78^а, и др., последовательно до XIX в.

Крыло, в форме твор. п. мн. ч. представлено только с исконным окончным ударением (*разумными крыльи* Пч. 46, *крыльми* Др. II 78, и др.),

соответственно чему в производном ударение на корне (*крыльце* > *крыльце*).

Крыти, во всех формах ударение на корне, ср. *скрѣлъ еси* Пт. 1, *покрыта бысть* И. 38, *покрыто* Дом. 89, 616, Д. 112 (но в суффиксальном образовании *прикрывають*).

Крѣпость, в форме твор. п. ед. ч. ожидается акцентовка *крѣпостѣю* (Дыбо. Акцентология, 160), однако в древнерусском XII в. уже возможно обобщение ударения на корне, которое и отражается во всех (поздних) источниках.

Крѣсити, на основе сравнения современных славянских языков (словенск. *krēsiti se*., чешск. *křísiti*, словацк. *kriesiti*, польск. диал. *kryśić*) восстанавливаем с акцентовкой на теме: *крѣсити*.

Кур: *до куръ Гматороканя*. В этом неясном месте исходим из предположения, что *куръ* — 'петух'; слово входило в баритонированную парадигму и потому никогда не переносило ударения на предлог.

Курьск, куряне, от названия реки *Куръ* (по новейшим этимологиям — от фин. *курья* 'залив'), впрочем, накоренное ударение ожидается при любой этимологизации; ср. *иде Курьску* Н. 1416.

Кус, в сочетании с *три кусы* в форме вин. п. мн. ч., имя подвижной парадигмы (Колесов, 134, 139) с возможной оттяжкой ударения на предлог (ср.: *кирпѣчь... избѣй на кусы* Сб. II 334б), что допускает акцентовку с *три кусы*.

Куст, в сочетании *рострена к усту или ростре на кусту*; независимо от чтения ударение должно быть конечным: *на кустѣ* с новым для этого типа склонения всегда подударным окончанием; при втором чтении, которое грамматически (для XII в.!) и текстологически представляется более обоснованным, конечное ударение определяется окситонезой имени *усто* 'устье', всегда представленного с конечным ударением в древнерусских текстах.

Лада, с постоянным ударением на корне в баритонированной основе.

Лебеди Сим. 140, Ав. 2116, *лебедѣй* Ав. 235б, от подвижного имени прилагательное с акутовым суффиксом должно было бы дать насуффиксное ударение (*лебедѣйными крылы*), однако в рукописях соответствующие примеры не встретились.

Лелѣяти, во всех формах, представленных в СОПИ, должно иметь ударение на втором слоге, и только сербск. *лелѣјѣм*, *лелѣјати* предполагают ударение *лелѣјати*, *лелѣјашу*, *вълелѣјани*.

Летѣти, употреблено в СОПИ в нескольких формах: *прилѣтѣти* Гз. 127б, откуда аористные формы *полетѣ* и *слетѣста*, ср. сербск. *улетѣсте*, *полѣте*; в презенсе обычная акцентовка *летѣти* II, 3б, *лѣтѣши* Сб. VI 68, 69б, и др., что позволяет восстановить и ударение в форме 1 л.: *спдлечю* Станг, 110).

Лечи и лежати, первое окситонированной, второе — подвижной парадигмы, ср. в Ч.: *лѣжу* 128^а — *лѣжѣмъ* 133^а для второго случая; поэтому для СОПИ *лежѣтъ*, ср. Пс. 210, Шум. 295б, Пт. 163б, и др., но *полегбша*, ср. сербск. *полегаше*.

Ли, энклитическая частица и союз, дававшие сложные модификации ударения в древнем тексте (Дыбо. О фразовых, 79—81); в СОПИ должно быть *не лбо ли*, *се ли*, *мало ли тѣ*, *не тако ли* и др.

Лизати: *полизѣша*, ср. сербск. *полизаше*.

Лисѣца, производное от подвижного имени, по единогласному свидетельству всех славянских языков — с ударением на суффиксе.

Листвие Об. 294, Зап. 103, Леч. 70, и др., постоянно.

Литва, литовскыи, восходят к литовск. *Lietuva* с акутовой подвижностью, что на русской почве могло давать либо неподвижное ударение на первом слоге (последовательно представлено в Никонской, в Погодинском списке Псковской летописи и др.), либо подвижность, которая встречается в более ранних источниках; ср. в томах Лицевого свода *Литву* Др. II 222—в *Литвѣ* Др. II 666б (при возможных уже колебаниях), здесь же *литовской землѣ* Г. 635, и др. Точных данных о древнерусском ударении нет, но по аналогии с другими случаями соответствия литовского ударения древнерусскому скорее можно предполагать подвижность в древнерусском.

Лияти, как глагол (условно) подвижной парадигмы дает ударение *полянѣ* и *розлясѣ*, ср. сербск. *ливен*, *ливѣна*, *лѣјати* (др.-рус. *излиянѣ* Пср. 3б, и др.), но *пролиясте*; краткость корня обеспечила длительное сохранение указанной акцентовки в русском языке.

Ложити, в инфинитиве *приложити*, ср. *положити* Ч. 109^б и др.

Лозие или **полозие**: *полозие ползоша только* (по *лозию ползоша только*). В обоих случаях производное от подвижного имени закономерно давало бы конечное ударение, т. е. *по лозѣю* или *полозѣю*. Однако в акцентованных памятниках находим *лбзие* Сб. VI 450, *лбзием* X. 44б, Пт. 109, Каз. 18б, и др.

Лоно, окситонированной парадигмы, поэтому на *лонѣ* Ч. 36^б, М. 272б, Нв. 38б, и др.

Луг, подвижной парадигмы, поэтому *по лугу* Лапт. 2б, как закономерное ударение, которое не распространялось в древнерусском на сочетание с 'еровым' предлогом: *къ лугу*.

Лук (оружие), в представленных СОПИ формах: им. п. мн. ч. *лѣчи* Воскр. 59, Пс. 7б, Псл. 4б, М. 258, вин. п. мн. ч. *лѣки* Пс. 41, Ав. 238, Псл. 149б, и др.

Лук (лука) 'излучина', в форме род. п. дв. ч.: *изъ лукѣ моря*, окситонированное имя перед подвижным в границах одного сочетания (Колесов, 30).

Луча, с окончечным ударением, ср. *лучи* Г. 10336 мн. ч.: *лучи* Шум. 442, Уст. 188, *лучами* Др. II 4636, и др., поэтому в СОПИ *горячю лучю*.

Лучше, наречие, как прежняя форма краткого прилагательного, представленного с накоренным ударением: *лучшихъ* Шум. 4076, и др.

Льпо, в сочетании с энклитикой отдает ударение; см. в Ч.: *льпо ли* 112^г, *льпо ми* 35^а, однако в СОПИ сочетание более широкого плана, *не льпо ли ны бльше*. *Ны* в текстах постоянно клитично (*на ны* Пс. 19, 45, 338, X, 20, и мн. др., также *помилова бб ны* Н. 92), т. е. выступает в функции, свойственной всем местоименным энклитическим формам, в частности *ся*. Между тем такие клитики могут не участвовать в распределении фразового ударения, ср. последовательное распространение фразы в Ч.: *щажю* 111^а, *не потажю* 121^б, *щажю же ся* 120^г, также другое сочетание с конечным *ся* — *сдержю же ся* 128^а и др. Именно такое ударение синтагмы и следует восстанавливать для СОПИ, не придавая значения более позднему, обобщенному на корне ударению этой формы типа *льпо быти* Шум. 7076, *не льпо ми есть* Фл. 68, и др.

Льто, баритонированной парадигмы, с постоянным ударением на корне (Колесов, 192).

Люб, исконной окситонированной парадигмы (Колесов, 209), поэтому в СОПИ окончечное ударение в любом случае: *дъвицю себѣ любѣ*, *а любѣ испити*, но в сложном слове только *нелюбие*.

Люди, в дат. п. всегда представлено накоренным ударением, ср. *людемъ* Ч. 65^а, 67^б, 104^а, Др. II 51, Шум. 898, Дом. 28, также *по людемъ* Дом. 79, Сг. 182, и т. д.

Лют, исконно окситонированного класса, поэтому в полном прилагательном ожидается ударение на корне (подтверждается и древнерусским материалом); отклонения типа *лотымъ гнѣвомъ* Г. 599 могут быть вторичными, хотя в загадочной по образованию форме твор. п. такая акцентовка вполне могла сохраниться и как исконная, так же и в некоторых других формах, ср. с *лотаго* Шум. 352 (Станг, 101).

Ляцкыи, производное *о ляда*, которое в разных славянских языках отражает различное акцентное изменение: окситонезу или подвижность. В древнерусском — окситонеза, поэтому прилагательное следует восстанавливать с ударением на корне: *ляцкыи*.

Мал и наречие *мало*, баритонированной парадигмы, с последовательным ударением на корне (Колесов, 205, 207).

Мати, Сб. IV 256, Сб. VI 79, Пр. 61, В. 229, и другие последовательно, что соответствует исконному ударению этого слова.

Межю, Ч. 43^а, 46^б, 66^а, 69^а, Др. II 273, 3886, Нв. 4126, 5276, и мн. др. (также *междю* Г. 599, Ав. 213, и др.), последовательно до XVII в., когда наряду с этим в тех же памятниках появляется новое ударение *мѣжь ими* (Нв. 4116).

Меркнути, баритонированной парадигмы, поэтому последовательное ударение на корне, в том числе *меркнетъ*, *помѣркости*, ср. *помѣркъте* Пр. 81, сербск. *мѣркнѣ*, *пѣмркости*.

Метати, окситонированной парадигмы, следовательно — *мечѣ*.

Меч, с постоянным ударением на окончании, в том числе и в формах, представленных в СОПИ: *мечемъ* Др. II 280, Соф. 4, Пс. 1016, и др.; вин. п. мн. ч. *под мечи* Фл. 141, Нв. 415, *мечеве* Хр. 280, *мечѣ* 312, Фл. 1866, Св. 2016, и др., твор. п. мн. ч. *мечи* Нв. 413, 5026, Каз. 227, М. 98, Пал. 1466, Фл. 1596 (последовательно сохраняется благодаря краткости корневого слога), и т. д.

Мил, прилагательное баритонированной парадигмы (Колесов, 206), поэтому все формы СОПИ безусловно должны быть представлены с ударением на корне.

Минүти, Хр. 1456, Пал. 58, Фл. 2826, *минүла* И. 66, Ш. 976, *не оминүла* Пв. 140, и др., хотя относительно второй формы возникают известные сомнения: поскольку глагол относился к подвижной парадигме, в XII в. следует ожидать окончечного ударения в форме *минула*, не сохраненного уже в рукописях после XV в.

Мои, притяжательное местоимение 1 л., в акцентованных рукописях выступает в самых разных вариантах, но на основе внешнего сравнения можно предполагать исконную принадлежность к окситонированной парадигме, ср. сербск. *мѣгег*, *мѣдем*, *мѣдѣ*, *мѣде* и т. д. Следовательно, в СОПИ должны быть следующие акцентовки: *моѣго* (ср. *моѣго* Сим. 113, 1126), *въ моѣмъ* (ср. *въ моѣмъ* Пт. 16), *моѣй* (ср. сербск. *мѣдѣ*), *на моѣя лады вои* (хотя *мѣтре моѣя* Зап. 295, — если это не описка, — указывает на сближение с подвижным типом в XVI в.), *моѣ ладу* (хотя сохраняется и рефлекс подвижности: *печаль мою* Др. II 39 — если это не случайная описка) также в сочетаниях с клитиками: *а мой ти, се моѣ, ѿ то моѣ же* (ср. сербск., хотя Ав. — *в селѣ моѣ* 2006).

Молвити, баритонированной парадигмы (Колесов, 13), отсюда *молвитъ* Нв. 6196, Пв. 1096, *молвятъ* Н. 1246, Д. 86, и др. (исключение: *что ни промолвитъ* Соф. 4246).

Молкнути: *помлѣкоша*, ср. *оумолкѣша* Пс. 73, как новое ударение.

Мблнии, как обычное ударение, хотя некоторые севернорусские рукописи XVI—XVII вв. дают форму им.-вин. п. мн. ч. *молниѣ*, *молньный* (примеры см.: Колесов, 22).

Молод, **молоди**, прилагательное подвижной парадигмы, поэтому возможно перемещение ударения в краткой форме (*младѣ князя*) и окончное ударение в полной форме, ср.: *молодымъ* Леч. 176, Сг. 1286, *младымъ* Шум. 233, П. 83, и др., *молодые* Нв. 491б, Леч. 93, Сг. 34б, Дс. 170б, и др.; некоторые северные источники предлагают накоренное ударение полной формы (*младыи, молодые*), — такое ударение более свойственно и современным северным говорам, так что можно предполагать достаточную древность такой акцентовки, хотя она и является безусловно вторичной; в инфинитиве закономерно *помолодѣти*.

Молѣтять, Г. 902, что соответствует ожидаемому ударению слова.

Морѣва Н. 177б.

Море, с исконной подвижностью, что доказываега окончным ударением некоторых форм (например, род. п. ед. ч.: *от моря* В. 327, Д. 576, 112, *но того моря* Д. 86б) и оттяжками ударения на предлог: *от моря* Пт. 123, *до моря* Пс. 216, *из моря* Х. 785б, *по морю* Хр. 468б, 874, *на море* Ч. 151г, *за море* Др. I. 43б, *чрез море* Сб. IV 171б, но при «еровом» предлоге *въ море* Др. II 287, Шум. 545, Сб. IV 222, и мн. др. Это определяет акцентовку слова во всех сочетаниях, представленных в СОПИ; интерес представляют сочетания типа *из лужу моря, съ моря идуть* и др.

Мост, с исконной подвижностью, поэтому в форме вин. п. мн. ч. можно ожидать ударение на корне, хотя для данного акцентного типа такое ударение и может быть не исконным (Колесов, 144, 146); *мдсты мостѣти*.

Мочити, глагол окситонированной парадигмы, поэтому в СОПИ следовало бы реконструировать ударение *омочѣю*. Однако в древнерусском глаголы *-и-основ с кратким корнем рано перешли в подвижный тип, поэтому вполне вероятно предположение об акцентовке *омочю*. Сложность интерпретации опять-таки заключается в неясности того, к какому древнерусскому говору принадлежал автор.

Мочь, в СОПИ дважды форма *можеш*, которая может быть представлена с двумя акцентами. Инфинитив *моцѣи* уже в Ч. (*моцѣи* 17^а) представлен с ударением, характерным и для подвижных (*лечѣи, речѣи, волочѣи, беречѣи* и др.), в противоположность глаголам типа *клябѣчи*; действительно, в ранних рукописях находим подвижное ударение и в формах настоящего времени, ср.: *можетѣ* Ч. 45^г, 112^б, *могутѣ* Ч. 66^б, *премѣжеш* Пс. 338 и *мбжеш* Пс. 139), *возможеш* Об. 357б и *чбжеш* Об. 340), *могутѣ* Сб. IV 198б, Уст. 24, и др., при обычном для поздних русских источников ударении окситонированного типа (т. е. *могѣи, мбжеш, мбгутѣ*), ср. также сербск. *можеш*. Учитывая характер сочетания в СОПИ (*ты бо*

можеш) для этого текста следует предполагать именно подвижность, представленную в Ч — в самом раннем русском акцентованном источнике: *ты бѣд можѣши*.

Мстислав, Ф. Е. Корш предлагал акцентовку *Мьстислабѣв, Мьстислава, Мьстѣславичь* (Корш, XXVIII), что относительно косвенных форм должно быть, и верно (обобщение ударения на окончание императивной формы). В рукописях обычно ударение *Мстислабѣ* Н. 93, но также отмечены формы *Мстиславѣи* Лапт. 37, 90б, *Мстиславѣем* Никон. 184б, *Мстиславѣча* Никон. 195б (один раз также *Мстиславѣи* Никон. 196, что отражает более раннее ударение этого слова). По видимому, самым верным будет предположение об акцентовке именного корня: *Мстислабѣу, и всѣ три Мстиславици*.

Мужество, Сб. 0 396, *мужество* Сб. 0 43б, *мужестѣу* Зап. 140б, *мужествомъ* Псл. 86, как исконное ударение этого производного от подвижного имени.

Мутен, мутити, производные от подвижной основы, поэтому теоретически следует предполагать акцентовку *мутѣнъ сонѣ, мутнѣ текутъ*, ср. сербск. *мутан*, также *мутнѣ* Л. 63, Кор. 102, и др.; однако в русских рукописях довольно рано обобщается ударение на корне, ср.: *мутни* Об. 53, *мутны* Фл. 285б, *смутно* Об. 295б, и др. В аористной форме для древнерусского более характерно ударение *въмутѣи*, хотя в сербск. *узмутѣи*, — в древнерусском оттяжки на слабый редуцированный не было.

Мыкати, глагол баритонированной парадигмы, поэтому *мычлочи, мычеш*.

Мысль, баритонированной парадигмы (Колесов, 71), что предполагает ударение на корне во всех формах и производных; в древнерусских источниках именно такое ударение.

Мыть, в неясном контексте СОПИ возможно двоякое толкование: 'время линьки у птиц' или 'даны', 'подать'. В первом случае следует предполагать ударение на корне, во втором — на окончании (*мытѣ* — с постоянным ударением на окончании, что последовательно представлено еще в источниках XVII в.).

Мѣрить Пс. 145, Ар. 175, *мѣрится* Пв. 48б, Сб. VI 183, и др.

Мѣсто, в древнейших текстах с ударением на корне (Колесов, 194).

Мѣсяц, с последовательным ударением на первом слоге, ср. на *новѣ мѣсяцѣ* Пт. 4б, *в мѣсяцѣхъ* Курб. 151, *мѣсячныхъ* Сг. 43, *по мѣсячному времени* Псл. 132б, также сербск. *мјесѣц*, словенск. *měsec*.

Мѣшати: *смѣшено*, производное от окситонированного корня, поэтому ожидалось бы ударение на корне; однако в рукописях колебание: *смѣшено* Хр. 432б, Г. 614, Л. 289, Леч. 68б, *замѣшено тѣсто* Кр. 365б, *смѣшена* Леч. 60б, 61, *смѣшенѣ* Леч. 62б, 80, но в Пс.: *помѣ-*

шано 676, помѣшани 454, смѣшенных языкъ 703 (ср. и колебание в Курб.: с плачемъ смѣшеннымъ 986—медь смѣшенный 164). Как показывают примеры, колебание ударения могло зависеть от смещения производных с разными суффиксами.

Наниче = *наничь*, восходит к подвижному имени *ниць* (ср. рус. *ничкомъ*, *навьзничъ*, сербск. *никъ*, чешск. *нѣс* и др., что в своей совокупности подтверждает подвижность производящего слова), — в таком случае, учитывая характер сочетания, следует реконструировать акцентровку *наничь* *ся* *годины* *обратѣша*.

Напастыми Сим. 32, 44, Пв. 115, Зап. 16, Пч. 81, и др.

Начати, глагол, который благодаря особенностям чередования в праславянском языке входил в разные акцентные типы: в окситонированный (презенсная основа) и в подвижный (инфинитивная основа) (Дыбо. Акцентные типы, 76); это обусловило колебание в сербском (*начети*, *начнемъ*) и в других славянских языках, в том числе и в древнерусском. Все формы, представленные в СОПИ, восходят ко второй основе, поэтому для них естественно ударение *началъ*, *начасте*, *начаша* и т. д. Особого обсуждения требует инфинитивная форма: наряду с обычным ударением *начати* здесь возможно и новое ударение *начатъ* П. 1396, — Ф. Е. Корш связывал его аналогией со стороны инфинитива *ятъ* (Корш, XLV). Такой акцент безусловно вторичен, но в сочетании с энклитиками его возможность следует учитывать как вполне вероятный вариант.

Небо, в форме местн. п. ед. ч, ср. *на небеси* Др. I 826, 370, Об. 1706, *на н(е)б(е)си* Пс. 82, Др. II 609, Шум. 9176, и др.

Неже, сочетание с наконечным ударением, ср. в Ч.: *кто же* — *нѣ кто*, указывающие на клитичность *же* в сочетании с *не* — *неже*.

Нельзѣ, ср. *ходити нельзе* Д. 36.

Нелюбие, ср. *нелюбья* Шум. 2596, *нелюбье* Сим. 391, Н. 3196, и др.

Нести, подвижный глагол, поэтому в СОПИ *занесе* (или *соколы*, *занесе*), *снесесея*, ср. сербск. *занесе*, *снесесе*, в форме мн. ч. *несбшася*.

Низити, ср. *низится* Пв. 151.

Ничати, в форме *ничить* следует предполагать наконечное ударение (см. *наниче*), однако в аористой форме мы не встречаем ожидаемого переноса ударения на приставку (*пониче на землю* Сим. 306, сербск. *понице*), следовательно, ожидалось бы *пониче веселие*, однако более древним является ударение *понице*.

Новоград, независимо от того, какую исходную акцентную парадигму предполагать для *нов* — подвижную или окситонированную, в род. и местн. п. ед. ч. должно быть наконечное ударение:

ноаѣ, *новѣ*. Такое ударение действительно и встречается, в том числе и в сочетании *Новѣгородѣ* и *Новѣгородѣ*, иногда представляя акцентровку только одного из компонентов этого сочетания, ср. *въ Новѣгородѣ* Др. I 215, 2256, 2446, Г. 901, *в Новѣгородѣ* Др. I 215, 2506, 646, Г. 933, *в Новѣгородѣ* Др. I 221, 251, 560, Г. 956, и мн. др. Сложнее обстоит дело с формой дат. п. ед. ч.: в случае подвижности *нов-* (Колесов, 214) мы ожидали бы акцентровку *Нѣвоугороду*. В действительности же такого ударения в рукописных источниках мы не находим, в старших рукописях только к *Новугороду* Соф. 3476, *Новугороду* Соф. 4126, 4196, 4466, к *Новугороду* Соф. 2966, Нв. 4236, — последний вариант предположительно и для СОПИ, поскольку он отражает правило обобщения словесного ударения в составе сложного слова (Колесов. *Италолатин и ударение*, 116).

Ногата: *по ногатѣ*, как заимствованное из тюркского, с исконным ударением на первом слоге. П. Меллиоранский предполагал, что уже на тюркской почве ударение могло быть перенесенным на второй слог, а в древнерусском только такая акцентровка (на долготном слоге) и возможна.

Носад, в ином написании все рукописи последовательно дают устойчивое ударение на втором слоге: *насадѣ* М. 324, *насады* Нв. 181, *насадом* Зап. 1736, и др., ср. также сербск. *насад*.

Носити, глагол окситонированной парадигмы, ср. в Ч.: *ношѣ* 94^а, 124^в, *ношисии* 71^а, почему и *носить*, как наиболее вероятная (и подтверждаемая акцентрованными источниками) форма. *Носѣ* Ч. 23^г, 39^а и *носияще* Ч. 17^б также отражают исходное ударение окситонированных глаголов (см.: Станг, 138).

Ночь, подвижной парадигмы, поэтому *на ночь* Шум. 397, Лапт. 301, Фл. 251, Леч. 89, и др., но обязательно *въ ношѣ* Пр. 466, 48 и др., также *полуношный* Л. 2366, Леч. 172, ср. также рус. диал. *се ночи* и гуцул. *сѣночь* 'вчера вечером', что дает основание для реконструкции акцентровки *сѣ ночь*, *всю ночь* и т. д.

Нужда, исконное ударение слова, сохраняющееся (во всех формах) в источниках вплоть до XVIII в. (Колесов, 14—15).

Нынѣ, по-видимому, восходит к подвижному имени (сопоставления см.: Фасмер, III, 91), но в данной форме, судя по чередованию форм *ныне/нынѣ* и *ноне/нонь* в восточнославянских языках, употреблялось наконечное ударение (*нынѣ*). Спорным является акцентровка прилагательного: теоретически ожидается наконечное ударение (оно подтверждается и средневековыми источниками: *на ны* [н] *нбшнѣ* Ав. 258), но, как уже указано в комментариях к слову *преднюю* (см. **Перед**), диалектно могло обобщиться на-

коренное ударение в мягкой основе. Отдавая предпочтение ударению *ны́ншнѣго*, не следует забывать и о второй возможности акцентовки.

Нѣгують мя, как форма баритонированной парадигмы.

Нѣмец, современное ударение этого слова вряд ли является исконным и вряд ли справедлива двойственная реконструкция Ф. Е. Корша: им. п. ед. ч. *нѣмѣць*, мн. ч. *нѣмѣци* (Корш, XXVI). В этом производном от подвижного имени (Колесов, 214) теоретически ожидается ударение *нѣмѣцъ*, которое и подтверждается сербск. *немац* — *немица*, словенск. *netes*, др.-рус. *нѣмко* Пал. 139, 139б, 140, 142б, 143, ср., впрочем, *немецкой митрополитъ* Соф. 415б, что указывало бы на подвижность производящей основы (неясно только, *нѣмъ* или *нѣмѣць*). Современное рус. *неме́цкий* лучше отражает исходное ударение произво. ящ. основы. Неясна также этимология слова, в частности, если верна этимология Г. А. Ильинского (от **не́та* 'пасбище', ср. Ильинский, 148), то следует предполагать исходную акутовую баритонезу и, следовательно, постоянное ударение на корне. Акцентованные русские рукописи свидетельствуют против такой возможности.

Оба, с ударением на корне, ср. рус. *оба*, сербск. *оба*, словенск. *oba*; в сочетании с клиткой возможно перенесение акцента на окончание: *оба полы*, ср. аналогичную отяжку в «Толковом словаре» В. И. Даля (*оба пол, оба полы*).

Обида, во всех формах представлено с ударением на втором слоге, ср. *обида* Др. II 754б, Шум. 509б, Дом. 37, *обиду* Др. II 384, Сим. 212 Дом. 40, о *обидѣ* Дом. 88б, и др.

Облако, слово почв. парадигмы и в обоих сочетаниях, представленных в СОПИ, должно передавать ударение предлогу (*под облакы, чрез облакы*). В рукописях зарегистрировано ударение твор. п. мн. ч. *облакы* Пс. 199, но придавать ему особого значения не стоит, так как именно в этой рукописи отражена последовательная оксигонеза этого слова (также им. п. мн. ч. *облацѣ* 237б, дат. *облакомъ* 105), чего нигде более не находим. В форме вин. п. мн. ч. только *облакы* Др. II 198, Пс. 127, Псл. 141, Пч. 180, и др.

Обратитися, в СОПИ в форме *обратиша*, ср. сербск. *обратише*.

Обычай, слово представлено с колебанием в ударении. уже в Ч.: *обычай* 21^б, 88^в, *обычая* 142^в, но *обычѣю* 70^б, такие же колебания отражаются и в более поздних русских рукописях, и в современных русских говорах, и в южнославянских языках (ср. сербск. *обичај* и словенск. *običaj*), что более точно отражает исконное ударение; основываясь

на ударении данной формы в Ч., реконструируем *обычаю*.

Обѣд, с постоганным ударением на втором слоге, ср. *обѣда* Др. II 215, Шум. 410б, *к обѣду* Дом. 8б, и т. д.

Обѣсити, в форме аориста *обѣсися* ударение на корне, поскольку такая акцентовка обычно отражается в рукописях (даже в формах мн. ч., ср. *повѣшаша* Лапт. 701б), хотя вряд ли оно является исконным для приставочного глагола.

Овлѣур, ударение устанавливается на основе варианта написания: *Влуръ*.

Одѣн, ср. *ѣдѣнъ* Пр. 42, с новоаккутовой интонацией корня в данной форме (исконно окситонированный тип, что подтверждается и ударением производных, ср. *одѣнѣць* В. 30, 337).

Одѣвати, сопоставление с сербск. *приоде, одѣвах* указывает на акцентовку *приоде одѣвахъте*, также *одѣвашу*, поскольку это причастие образовано от той же основы; в таком случае странной является акцентовка в Сгхираре 1157—1163 гг. — *одѣвается* 30б и сопосещение с акутовым корнем *дѣти*.

Ожерѣлие Об. 53, П. 127, *ожерѣлье* В. 154.

Озеро, в форме вин. п. мн. ч. колебания по памятникам. Самые древние из них дают *в ѣзера* Пт. 73, Псл. 160, *на ѣзера своя* Др. II 779б, *ѣзера* Др. I 750б или *во ѣзера* Пс. 70, 74б, 119б, 153б, и др.; ударение *озѣра* вторично, оно связано с новоаккутовой интонацией, возникшей в ряде форм (род. п. мн. ч. *езѣръ*, также прилагательные типа *глубина езѣрная* Пч. 79б). Наоборот, наклонное ударение может быть исконным, хотя оно и отражено довольно поздно (примеры см. Колесов. Ударение, 33—34). В одном из томов Лицевого свода находим сочетание, совпадающее с контекстом в СОПИ: *езѣры и болѣта* Г. 984.

Око: *очѣма съглядати*, ср. *очѣма* Пс. 6, Пт. 175, Сим. 88б, и др.

Оксѣмита Сим. 384, твор. п. мн. ч. *жаловати оксѣмиты* Шум. 747б, что соответствует греческому ударению в слове *εξέμιτος*.

ОлеГ, Ольгово, Ольгович, имя заимствовано из др.-сканд. *Helgi* и в древнерусских текстах передается как *Ольгъ, Ольга*, — следовательно, с ударением на первом слоге. Действительно, в акцентованных рукописях находим (в Др.): *ОлеГъ* II 27, 113 и мн. др., *Олга* II 695, 281 и др., *Олеу* II 30 и др., *за Олга* II 662б и др. постоянно (исключения редки: *ОлеГъ* II 69б, 63б), ср. колебания в Лапт.: *ОлеГъ*, 220б — со *Олгомъ* 297б, также в Нв.: *ОлеГъ* 46б и *ОлеГъ* 559, но на *ОлеГ* 559б. В ударении производных колебаний нет, ср. в Никон.: *Олговичъ* 18б, *Олговичю* 180б, *Олговичи* 178, 175, *отъ Олговичевъ* 176б; во Фроловском списке НІVЛ (I ПБ, F.IV.235, XVI в.) находим: *дѣнь возложи ббле Олговѣ* 19.

Он, местоимение, по некоторым формам совпавшее со старым местоимением *и* (относилось к подвижной парадигме). Сербские (особенно диалектные) факты указывают как на исконное на ударение *нѣга*, *нѣму* (в литературном также и *нѣга*, *нѣму*, что совпадает с современным русским *еб*, *ему*), также в певческих рукописях XII в. (ср. *на немъ, отъ нѣго, къ нѣму* и т. д.). Подвижность подтверждается и оттяжками, зарегистрированными в более поздних рукописях, ср. *прѣд нимъ* Х. 4056, Фл. 2156, *оу него* Хр. 1118, Др. II 503, *не ними* Дом. 856, *на нихъ* Хр. 3476, Лапт. 358, *б немъ* Х. 1269, *к нѣму* Пр. 976, и др. Все такие примеры позволяют более или менее точно реконструировать многочисленные сочетания, в состав которых входит одна из форм данного местоимения.

Онѣи, с окончательным ударением в форме дат. п. мн. ч. *онѣмъ*, что исконно для этого местоимения окситонированной парадигмы (ср. в кайкавском беднянском говоре дат. п. мн. ч. *епѣт*), в Ч.: вин. п. мн. ч. *онѣ* 73^а, но *сѣта оногд* 75^б, что вторично.

Орел, окситонированной парадигмы, но в интересующих нас формах по памятникам представлено с колебанием ударения: *брѣлмъ* и во мн. ч. *дрѣи* (Колесов, 165).

Орътѣмѣи, уже написание указывает ударение в этом заимствованном из тюркского слове.

Остр, во всех источниках с постоянным ударением на первом слоге (также *вострый*), что подтверждает новоаккутовую интонацию корневого слога, в причастной форме ожидалось бы ударение *избстрѣи* (Станг, 148), которое и следует восстанавливать для СОПИ, но при изменении корневого согласного при краткостном корне оказалось возможным обобщение окончательного ударения (*изоощрѣи* Пс. 87, *брѣтва изощрѣна* Пт. 22, *стрѣлы изощрѣи* Пт. 856, и др.). В аористной форме ожидалось бы ударение *побстри* или *поостри*.

Отворяти, **отворити**: *отворѣиши*, как акцентовка исходной формы, в остальных случаях возникают известные сомнения, поскольку праславянская окситонеза в древнерусском рано дала подвижность (которая и обобщилась во всех восточнославянских языках). Для СОПИ принимаем подвижность, следовательно — акцентовку *отворѣи*, *отвори*, ср. *сотворѣи* Пт. 736, *затворѣи* Зап. 16, 196, Курб. 124, *двери отворѣи* Ав. 252, и др.

Отѣц и **бтѣвь**, как обычное в акцентованных памятниках ударение.

Паволоки Хр. 13726, Н. 40, 54, 60, Пр. 176, и др.

Павороз, а также искаженное при переписке *папорозъ*, с ударением на корне, ср. с *поворбозю* Н. 173, Нв. 4916.

Палати, в аористных формах *запалѣ*, *спалѣ* от подвижного глагола; в данном случае соглашаемся с чтением А. И. Соболевского (Соболевский, 212), согласно которому эти формы образованы от глагола *палати* 'пылать'; в традиционном чтении — ударение на корне (см. Пасти).
Паполома, ср. *простерше папѣлѣму* Св. 345.

Пардусъ М. 3086, *пардуса* Хр. 2806, дат. п. мн. ч. *пардусомъ* Д. 75, несмотря на исходное ударение в греч. *пάρδος*; следовательно, и притяжательное прилагательное с ударением *пардусѣ гнѣздѣ*.

Пасѣтъ Пв. 426, 110, ср. и сербск. *пасѣм*.

Пасти, **падати**, с акутовым корнем, поэтому во всех формах, представленных в СОПИ, ударение на корне, т. е. *пáдеса*, *пáдоша*, ср. сербск. *пáдесе*, *пáдоше*, также *пáде* Ч. 18^а, 20^а, *напáде на нь* Ч. 65^а, *пáде* Др. II 404, Сл. 343, Н. 264, *напáдоша на . . .* Ч. 71^а.

Пашуть Дс. 95, 956, Азб. 41, и др.

Первыи, в наречном употреблении *первѣ* Х. 4166, также в *первѣ* (*лѣто*) Зап. 109, 1526, 224. Наконечное ударение широко представлено всеми древнерусскими источниками, отражающими это слово, хотя славянская подвижность вторична (восходит к баритонезе). Учитывая древность окончательного ударения полных форм и широкое распространение такого ударения в современных говорах, для СОПИ можно восстанавливать акцентовки *пърѣю*, *пърѣйтъ*.

Перед, в сочетании *напередъ*, см. *впередъ* Пв. 157, *напередъ* Др. II 255, Курб. 153, Фл. 116, поэтому для производного от подвижного имени следовало бы ожидать окончательное ударение (*преднѣю*); последнее нигде не отмечено и вообще сомнительно при наличии мягкой основы, восстанавливаем поэтому ударение *пърѣню*.

Перети: *пѣдперъ*, *пѣдперся* как формы подвижного ударения.

Переяславъ Г. 2556, Никон. 396, в *Переяславѣ* Никон. 375, Сим. 1616, 3206, Лапт. 826; реконструируемое Ф. Е. Коршем ударение *Переяславю* (Корш, XIII) отмечено в Н. (*Переяславъ* 2666).

Перст, в форме вин. п. ед. ч. *пърсты*, как возможное ударение при исконном *пърсты* (Колесов, 117).

Печаль, как единственно возможное ударение (Колесов, 72).

Пир, в форме вин. п. ед. ч., см. *напиръ* Хр. 402, 4026, 5626, и т. д.; следовательно: *тѣ пиръ*.

Пирогобая, ср. в *Пирогобци* Г. 81, (для сравнения: на *Видогоци* Др. II 8316, о *Радогоце* Никон. 748).

Плавати, баритонированной парадигмы (ср. сербск. *плавати*, *плавѣм*), с последовательным ударением на корне.

Плакати, баритонированной парадигмы (сербск. *pljкати*, *pljчѣм*; также Станг, 138), чему соответствует акцентовка и в древнерусских источниках: *плѣчю* Гв. 32, *плѣчѣм* Пс. 202, *плѣчете* Хр. 30, *плѣчют* Лапт. 260, и др.

Пламень, в рукописях неполногласная форма последовательно отражается с накоренным ударением (*плѣмень*, *плѣмене* и т. д.), что отражает исконную принадлежность слова к баритонированной парадигме. Однако в украинских рукописях с XVI в. находим акцентовку *пламѣнь*, в русских говорах — *пблomia*, в рукописях — *цѣвтом пблomia* Л. 197, — все это в соединении с сербск. *нѣ пламѣн* заставляет предполагать ранний переход в число подвижных, и, следовательно, возможна акцентовка *въ пламя-нѣ_розѣ* в СОПИ; настаивать на этом варианте нельзя ввиду долготы корня, — такие слова подвергались аналогии со стороны подвижных позже всего, во всяком случае, после XII в.; таким образом, для СОПИ наиболее вероятно реконструкция *въ пламя-нѣ_розѣ*.

Плескати, в форме *плѣщучи* (для окситонированного глагола).

Плѣснѣньск, если восходит к слову *плесна* (плосна), то ударение на корне (ср. *всю плеснѣу раздробиша* Пал. 1436, что указывает на окситонезу производящего имени).

Побѣда, с первоначальным наконечным ударением, ср. *побѣда* Ч. 115^а, Шум. 666, *побѣдѣ* Г. 1000, *побѣдбю* Др. II 327, Нв. 622, Г. 1019, *о побѣдѣ* Ч. 88^в, вин. п. мн. ч. *побѣды* Кул., а также и в форме, представленной СОПИ: *побѣдѣми* X. 7836; исконное ударение прилагательного, таким образом, *побѣднѣй*, глагола — *побѣждѣютъ*, они и представлены в акцентованных рукописях.

Повѣсть Пс. 543, Др. II, 15, 136, 467, Г. 4056, Курб. 6, 746, также *нѣ повѣсть* в сборнике XVII в. (Васильев, 41), — распространённое, но не единственно возможное в русских акцентованных рукописях ударение, наряду с ним возможно и *повѣсть* (им. п. ед. ч.) Лапт. 128, *повѣсть* (вин. п. ед. ч.) Сб. IV 78; не исключено, что и в более ранних источниках могли быть акцентовки, связанные с положением в закрытом слоге; наоборот, в форме род. п. мн. ч. только *повѣстей* (Св. 247, 310б, и т. д.).

Поганѣй, с постоянным ударением на втором слоге во всех источниках заимствование из лат. *paganus*).

Пойти: *попойша*, ср. сербск. *попдише*.

Поль 'половина' (см. *оба*), *нѣ полы* Хр. 8036, 13586, *обнѣ поль рѣкы Ижеры* Н. 1976.

Поле, имя, представленное в нескольких формах. Оно относилось к числу подвижных и в ряде форм переносило

акцент на предшествующее слово, ср. *дѣ поля* Пс. 609, *пѣ полю* Пс. 645, Хр. 5606, *нѣ поль* Хр. 1217, но при «еровом» предлоге: *въ пѣль* Др. I 107, Дом. 101, *в пѣли* Шум. 448, Сим. 568, Лапт. 221, и др. В форме вин. п. мн. ч. колебание: *пбля* X. 1219, *видѣша польи пбля* Шум. 8476, *наполю кровию пбля* Хр. 2716, также 335, но и *поля* Др. II 4746, Пв. 1356, Пал. 43, Фл. 150 (ср. сербск. *пбля*), ср. еще и в Пт.: им. п. *пбля* 1066, но вин. п. *поля* 636; при наличии проклитики следует восстанавливать акцентовку *черѣс_поля_конѣць_поля* и т. д.

Ползти: *ползбша*, ср. сербск. *плѣзати*, *плѣзаше*.

Полк, в этом древнем заимствовании из германского языка неясна ни исконная акцентовка, ни первоначальная грамматическая характеристика; многие ученые предполагали исконность накоренного ударения, но этому противоречат все славянские данные в своей совокупности (неясно, например, появление нисходящей интонации в сербск. *пѣк*, *пѣка*). В древнерусских акцентованных источниках возможна двоякая акцентовка почти любой формы, представленной в СОПИ. В род. п. ед. ч. *пблку* Сим. 12, *плѣка* Воскр. 1686, но *полкѣ* Др. II 956, Зап. 516, и мн. др.; в современных говорах не только *пблку*, но также и *ис полку* (Обнорский. Склонение, 1, 312), что указывает на возможность накоренного ударения. В местн. п. ед. ч. *в болшоѣ пблку* Шум. 524, 625, 625б, 6576, 659, *в сторожевоѣ плѣку* Воскр. 66, *в малѣ плѣцѣ утекуш* Сб. IV 378, и др., наряду с наконечным ударением (в Пч., Пв., Каз., Курб. — рукописях XVII в.). Примеров накоренного ударения в формах им. и вин. п. мн. ч. исключительно много (особенно в томах Лицевого свода XVI в., предпочтительно в традиционной военной терминологии), тогда как в форме твор. п. мн. ч., напротив, предпочитается наконечное ударение (но в Шум. также *с пблки* 195); такое расхождение между формами им., вин. п. (*пблци*, *пблкы*) и твор. п. мн. ч. (*полкѣи*) предполагал еще Ф. Е. Корш (см.: Архив АН СССР, Ленинград, ф. 134, оп. 3, № 723, л. 76); в род. п. мн. ч. отмечается только *полкѣвѣ*. Приходится исходить из истории слова: как заимствованное из германского (в последнее время и это подвергается сомнению), оно должно было иметь исходное ударение на корне; в древнеславянском оно было дублетным по грамматическим характеристикам: входило и в *-*о*-склонение, и в *-*й*-склонение, что могло вызвать и расхождение в акцентуации (во второй тип склонения входили подвижные имена). В наших реконструкциях осторожнее всего было бы исходить из баритонезы имени, в некоторых случаях устанавливая наконечное ударение (прежде всего — в формах род. и твор. п. мн. ч.).

Полнити, в причастной форме *наполнився* ср. *исполнився* Др. II 5026, Г. 391, также сербск. *напунився*.

Половец (и производные от него), восходят к славянскому *полов(ый)* — слову окситонированной парадигмы, отсюда акцентовка *половѣц*, в косвенных формах — *полвца* и т. д. (из *половѣць*, *половѣца*). Только эти два варианта, обобщившие в пределах парадигмы тот или иной тип ударения, и отражаются в акцентованных рукописях, ср. *полвци* Н. 156, Пв. 465, 466б, 469, *полвѣцѣв* Нв. 466б, с *полвци* Нв. 474б — в северных рукописях; *половѣць избиша* Лапт. 852, к *половѣцѣмъ* Лапт. 277, и др. — в томах Лицевого свода, написанного в Москве. В СОПИ следует предполагать исконное ударение *полвци*, также *полвчине*. Ударение полного прилагательного, таким образом, определяется как *половѣцкий* (оно и отражается в большинстве исключников, ср. *половѣцкаго* Г. 22, и др.). В таком случае исключения (от *нахождения половеческаго* Сб. VI 466) следует объяснить вторичным влиянием со стороны нового ударения *полвци*.

Полозие, по существующей реконструкции, собират. к *полозь*, которое относится к числу подвижных имен (ср. *пблосу санному* Пал. 1926, сербск. *плѣз*, *плѣза* 'подошва плуга', белор. и укр. *пблос*, совпадение краткости в чешск. и словацк. *plaz*). В соответствии с общей закономерностью следует ожидать наконечное ударение *полозѣь*, *полозѣьд* (см. Веселье).

Полонити, в ряде причастных форм: *полонѣну* и *полонѣла*, см. *плѣнѣну душу* Пс. 598, *плѣнѣни* Пс. 604, Пал. 2176, *плѣнѣнь* Хр. 338, *полонѣни будемъ* Хр. 642б, *полѣнѣни* Др. II 765б, *плѣнѣна* Дом. 116, и др., *полонѣли* Шум. 900, *полонѣль* Лет. 12б, и др.

Полотѣск, производное от подвижного *полотѣ* следовательно исконным должно быть наконечное ударение, подтверждаемое, в частности, акцентуацией производного прилагательного. *полоцкаѣго ѣн/я/зѣ* Др. II 203, Нв. 518, *полотскаѣя земля* Лапт. 798б, отсюда же ударение *полотѣне*.

Полудние, *полночь*, с *полоудни* Г. 683, в *полунощи* Фл. 183б Др. I, 264б, с *полунощи* Г. 954б, так же и ударение производных, ср. *полудненное* Св. 192, Пр. 63, Фл. 184.

Помнити, *пбмняху* Пс. 347, так же и в других формах, например *пбмниша* Пс. 463, 497, *пбмняще* Х. 1191, *пбмнять* Пс. 456, *нѣ мно* Ч. 36^б, так же в сочетании с энклитикой: *пбмняшетъ бо* (см.: Дыбо. Акцентуация, 94).

Поморие, по *Помѣрию* Пс. 665 (для сравнения: на *Пѣозерге* Сим. 546б, *пѣморочное* Сим. 516б).

Помянути, в форме *помянуше*, ср. *вспомянувь* Ч. 140^б.

Порох, *пѣрохи* Курб. 124, что и ожидается в слове подвижного парадигмы, ср.: *пѣрохъ* Ав. 199б, Лет. 62, *без пѣроха* Св. 109, *пороху мимолетнова* Л. 101б, *ни мала черна прахъ* Каз. 144б и др.

Пѣхоть Х. 1061, Шум. 211б, Фл. 48, и др., постоянно.

Пѣчнемъ Пв. 129, *пѣчнуть* Гз. 182, 186, Ас. 149, однако при долгом префиксе возможны варианты (*начнуть* — *начнѣть*, *начнѣть* — *начнѣмъ*); в контекстах, представленных в СОПИ, должно отражаться перемещение ударения, связанное с подвижностью глагольной основы.

Прѣвить Кч. 80, Пв. 48б, *испрѣвится* Кч. 144, и т. д.

Прѣдѣд, восходит к сложению *прѣдѣдъ*, часто представленному с новым ударением на префиксе (также сербск. *прѣдѣд*), исключения редки (*при прѣдѣдѣх* Н. 170б) и вряд ли исконны, поэтому для СОПИ предполагаем ударение на приставке.

Прыскати, глагол окситонированной парадигмы (на это указывают современные славянские языки), поэтому в аористной форме ударение на суффиксе (*прыснѣ*), а в презенсной — на корне (*прыщешѣ*).

Прячи, *прягати*, в СОПИ отмечается в приставочных вариантах: *напряженѣ*, *сѣпряже*. Поскольку данный глагол входил в число подвижных, следует предполагать акцентовку *напряженѣ* (ср. *сѣпряженѣ есть* Зап. 64 в форме женского рода) и *сѣпряже* (оттяжка на «ерый» префикс проблематична, но возможна; в таком случае *сѣпряже*).

Птѣца, в рукописях обычно ударение на суффиксе, подтверждаемое также сербск. *птыца*, исконное ударение этого слова.

Пустити, *пушати*, в причастной форме *роспущенѣ* Сим. 328, также *пушѣнѣ быше* Ч. 67^б, 159^б и др., хотя с XVI в. появляется и новая акцентовка — *пушѣни*, в форме имперфекта сербск. *пуштѣше* демонстрирует вторичное выравнивание под презенс (ср. сербск. *опустѣше*); для подвижного глагола исконным является ударение *пушашѣ*, *пушашѣтъ*, но в XII в. вероятнее всего уже произошло выравнивание акцента и возникла форма *пушѣше(тъ)*.

Пустыни, с указанным ударением во всех источниках.

Путивль, *до Путѣмля* Шум. 718, что и ожидается в производном от окситонированного слова.

Путины, *путати*, производные от *пѣто*, ср. сербск. *пѣто*, чешск. *roubo* (словацкое также с долгой) корневого слога, но вторичного происхождения), польск. *pėto* при литовск. *pántis* 'кандалы' указывают на акустическую бари-тонезу, которая подтверждается и акцентованными источниками, ср.: *поуты* Пс. 99б, твор. п. мн. ч. *поуты* Ч. 18^б, Кч.

359. Пс. 996, и др. Накоренное ударение претставлено и для глагольных форм, ср. сербск. *пўтити* 'работать небрежно', чешск. *rouatati*, польск. *petać*; следовательно, в СОПИ должно быть в *пўтити* *желѣзны, опўтаеѣ, опўташа*.

Путь, окситонированной парадигмы (Колесов, 175), поэтому в СОПИ вин. п. ед. ч. *пўть* с новоаккутовой интонацией корня и вин. п. мн. ч. *пўть*.

Пѣти, *поють* Об. 736, Кч. 1336, *пѣше* Пр. 2386, также *поше*, ср. сербск. *пѣше*, что также вторично при исконном для подвижных ударении *поше*.

Пѣш, баритонированной основы (Колесов, 206). поэтому ударенка *припѣшали* как единственно возможная в СОПИ.

Пятк, производное от подвижного имени, поэтому ожидаемое ударение *пятькѣ* > *пѣтѣк*.

Разлучиста, ср. сербск. *разлўчиста*.

Ранити, как баритонированная парадигма дает *рѣнены* Пал. 207, *оурѣнени* Пс. 677, *рѣнени* Пс. 634, Шум. 472, также *рѣна, рѣны*.

Рѣно Лап. 8196, Об. 178, Л. 656, поэтому также *съ зарѣнѣя*; возможная подвижность слова в данном случае никак не отражается на ударении в тексте (ср. *пѣ рану [утром]* Св. 323, Пв. 159, Нв. 549 как отражение подвижности; подвижность, хотя и небесспорно, подтверждают и современные славянские языки, см.: Колесов, 214).

Рѣтай, современные славянские языки дают различные акцентные рефлексы этого архаического слова (на корне или на окончании); на сравнении с литовским строится предположение об исходном ударении *ратѣй*; в древнерусских источниках колебание (но только в формах с новыми для данного типа склонения флексиями), причем даже в границах одной рукописи, ср. в Зап.: *рѣтаеѣ* 112 — *рѣтаеѣѣ* 1116; характер корневого вокализма (*ра-*, а не *ро-*) во всех славянских языках указывает на исконное ударение *рѣташ*.

Рѣть, подвижной или баритонированной парадигмы (Колесов, 71), в любом случае ударение должно быть *рѣти* не слышано.

Рѣдѣя, Н. 1106 (два раза), Никон. 111, *Рѣдѣю* Н. 111.

Рѣчи, глагол подвижной парадигмы, поэтому в аористных формах ударение *рѣче* Пс. 320, Хр. 5546, Др. II 85, *нарѣкѣста* Др. II 3306, *рѣкѣша* Др. II 470, *рѣкѣста* Сим. 82, 242, и др., ср. сербск. *рѣче, рѣкѣста, рѣкѣсте, рѣкѣше*; в форме 3 л. ед. ч. предполагается оттяжка на проклитику (типа *ѣ рече*, ср.: *и под нимъ сѣ рече* Н. 64); в причастной форме *аркучѣ* Соф. 251, 2876, 2946. 3526, 353, Нв. 574, и др. (в самой старой акцентированной рукописи также: *рѣкѣше* Ч. 74^а).

Рискати: *рѣща, нарѣщуше* и др., в баритонированном корне, ср. *прирѣщуше* Ч. 21^а, Пр. 396, *рѣщуше* Др. II 151, и др.

Рог, сочетание *въ пламянѣ розѣ* дает безударное слово, поскольку в данной форме подвижное имя имеет накоренной акцент (*въ розѣ* Х. 4646) нисходящего типа. В древнерусском могло еще сохраняться исконное наконечное ударение данной формы: *розѣ*.

Родити: *порожденѣ*, как образованное от подвижного имени, ср., однако, сербск. *порождено* и колебание в древнерусском: *порожденѣ* Хр. 4246, Пр. 233, и др., и обобщившееся ударение формы мужского рода типа *порожденѣ* (часто в поздних акцентированных рукописях).

Розно: *разнѣ развели ихъ* Др. II 5946, *ѣхашася разнѣ* Др. II 6866, как раз в том значении, которое предполагается в СОПИ: *нѣ рознѣ ся имѣ*.

Рокотати: *рокотѣху*, как в сербск. *рѣктати, рѣктѣху*.

Роман, при греч. *Ῥωμαίος* в славянском ожидалось бы наконечное ударение или ударение на первом (долготном в греческом) слоге, ср. в НС: *Рѣманѣ* 76, *Рѣманѣ* 76.

Ронити: *срдни, ѣрони*, как в сербск. *срднѣ, ѣронѣ*.

Ростити, сербск. *рѣстѣше* и *нарѣстѣше* вторичны при исконной акцентировке для подвижного глагола *рѣстѣше*, но в XII в. может быть и *рѣстѣше*.

Рѣса, подвижной парадигмы, поэтому *рѣсу* Н. 616, Нв. 435, Сб. VI 170, Зап. 54, Ар. 86, *на рѣсу* Нв. 386, М. 261, Пч. 112.

Рѣстѣслав, по предположению Ф. Е. Корша (Корш, XXVIII), с которым следует согласиться (ср. и другие образования с императивом: *Звенѣгородѣ* Др. II 3316, Г. 890, *к Звенѣгородѣ* Др. II 163); в производном закономерное *Рѣстѣславѣчѣ* Лап. 122.

Рѣкѣвъ Др. II 708, П. 38, ср. сербск. *рѣкѣв*.

Рѣсици, акцентировка выводится из ударения производящего (*Рѣсь* — окситонированной парадигмы), ср. в текстах *Рѣсиновѣ* В. 309.

Рѣчьи, с последовательной баритонировкой, ср. *рѣчей* Пт. 481, Нв. 4806, 6236, *рѣчьѣ* Нв. 336, 526, *на рѣчей* Нв. 906, Зап. 2236, *надѣ рѣчеѣмѣ* Др. II 2266, *на томѣ рѣчьѣ* Кор. 88, и *рѣчьѣ крови потекоша* Фл. 116.

Рѣкѣють Пч. 144, ср. в той же форме сербск. *рѣкѣјѣ*.

Рѣдко, от окситонированного имени ожидалось бы накоренное ударение, но современные славянские языки и некоторые рукописные источники отражают наконечное ударение (Дыбо. Фрагмент, 49, 56).

Рѣзати, в аористе *зарѣза*, сербск. *зѣрѣза* вторично. *По рѣзанѣ* — поскольку все производные от *рѣз-* дают накорен-

ное ударение, ср. *вземь рбзень мяса* Г. 571, *обрбзанье* Ч. 100^a, *урбзанье* Кч. 240б.

Рѣка, окситонированной парадигмы (Колесов, 27), поэтому во всех формах окончательное ударение, в том числе и в форме вин. п. мн. ч., ср. *рѣкы* Ч. 155^a, Др. II 79, Пс. 38, и др.

Рюрик, с колебанием ударения: *Рюрику* Лапт. 449, но *Рюрикъ* Лапт. 467, от *Рюрика* Г. 9676, 9616, *правнука Рюрикова* Г. 964, и др.

Рядити, праславянской является окситонеза (Колесов, 183), поэтому в причастной форме *рядя*; западнославянские языки подтверждают реконструкцию, тогда как южные (впоследствии и русский) дают подвижность вторичного типа.

Саблями Др. II 149, 150, Г. 625б, Нв. 555, 611б, Лапт. 303б.

Сам, сами, исконной подвижной парадигмы, поэтому в форме мужского рода *самъ* с возможной оттяжкой на проклитику (*а самъ*), во мн. ч. *сами вы* Ч. 42^a.

Сапог Пс. 28, 71, П. 154 (также *сапбгъ* Сл. 141б, Псл. 78), *сапога* Ч. 67^b, вин. п. *сапогъ* Ч. 62^b, мн. ч. *сапогъ* В. 183б, род. п. *сапогъ* Х. 1024б, вин. п. *сапогъ* Х. 444б, Зап. 101б, М. 220, в *сапозъхъ* Уст. 64, но местн. п. мн. ч. и в *сапозъхъ* М. 336б, Н. 68б. В образованном от окситонированного слове ударение съ *засапбжники*.

Сваты, в форме вин. п. мн. ч. независимо от исходной акцентной парадигмы (баритонеза или подвижность) ударение на корне.

Свистѣти, аорист *свйсну*, как и сербск. *свйсну*.

Свои, притяжательное местоимение новой подвижной парадигмы (при кратком корне), которая довольно рано образовалась из окситонезы; поэтому в зависимости от сочетания возникает колебание ударения в пределах словоформы, ср. в качестве примеров: *свойхъ* Об. 68б, П. 55, *своими* Сим. 114б, Об. 376б, *своегд* Др. II 19, и др., но в другом сочетании *своегд* Лапт. 851б, *своему* Шум. 202, Пв. 5б, *своей* Пр. 10б, *своей панью* Мудр. 24б, *отчиною своею* Шум. 212б, *рукою своею* Зап. 84, но *своею* Г. 544, Соф. 289б; также *по своихъ похотехъ* И. 85б, *б своихъ вещехъ* Хр. 1089, что редко и несомненно вторично.

Свѣтъ, подвижной парадигмы, ср. *на свѣтъ* Х. 714, 721, *во свѣтъ* Сб. VI 72б, следовательно: *тмѣ свѣтъ* *покрыла*. Краткое прилагательное в памятниках последовательно передается с накоренным ударением, которое вторично на долгом слове (исконно: *свѣтло*, *свѣтлы* и т. д.). *Свѣтитъ* Пр. 94б, *просвѣтитъ* Пс. 97, *освѣтитъ* Пс. 485, ср. *свѣтитѣся* Ч. 128^a, как исконное ударение

формы, хотя довольно рано (с XVI в.) регистрируется и свойственное современному русскому языку ударение на корне (ср. *свѣтится* Зап. 151б и сербск. *свѣти*); также *посвѣчивая*, *свѣтлыи*, *свѣтле* и др., ср. в наиболее раннем источнике *одежею свѣтло* Ч. 40^a, а также современные севернорусские говоры, в которых только *свѣтлыи*.

Свят, в полном прилагательном закономерное окончательное ударение, которое последовательно отражено в рукописях, ср. в Кар. 2: *святый* 68, 183, *святѣму* 185б, *на свѣтѣ* 189, *святѣхъ* 164 и др.

Святослав, реконструкция Ф. Е. Корша акцентовки *Святослѣвъ*, *Свѣтбслава* (Корш, XXIII), по-видимому, неверна, поскольку в сложении выступают подвижный и акутовый корни, а это должно привести к обобщению ударения на акутовом (что в действительности и отражено в рукописях: *Святослѣвичъ* Н. 252, *Святослѣвичъ* Лапт. 171б).

Седьмой, полная форма окситонированного имени должна дать накоренное ударение, которое изредка встречается и в акцентованных источниках (*седьмыи сынъ* Др. I 343б), хотя в русском довольно рано возникает и выравнивание по подвижному типу (*седьмой*); в древнерусском могло быть только на *седьмомъ вѣщѣ*.

Себя, окситонированной парадигмы, ср. ударение некоторых форм: *собюю* Др. II 44б, Шум. 10б, *собюю* Пр. 54б, *собѣ* Ч. 64^r, Г. 337б, *от себѣ* Сг. 28, *за себѣ* Др. II 26б, Шум. 711, *про себѣ* Др. II 137б, и др., хотя довольно рано при кратком корне возможны стали оттяжки на корень и на предлог, ср. *предать себѣ* П. 285б, *оу себѣ* Хр. 1244б, *бѣ себѣ* Г. 450.

Сеи, *сегд* Др. II 18, Г. 608, Хр. 540б, и др., *сидъ жизнь* Пв. 114, и др., в самом раннем источнике широко представлены акценты типа *но се*, *се ли*, *се бо* (Дыбо. О фразовых, 79), но для первичных можно предполагать также *но сѣ*, *сѣ ли*, *сѣ бо*, поскольку исконно съ входило в окситонированный тип.

Сердце, исконное ударение этого производного от подвижного слова накоренное, оно и сохраняется еще в рукописях XVI в., например в Псл.: *сердцѣ моего* 38б, 50, 97, 98б, 105б, 110, 138, *от сердцѣ* 37, *сердцѣмъ* 8б, *в сердцѣ* *своемъ* 13, 15, 15б, им. п. мн. ч. *сердцѣ* 117, *сердцѣхъ* 113, *в сердцѣхъ* 99б, 106б (исключения: *сердце* 38, 97б, 115). Столь же ранним является и новое ударение на корне, которое могло отразиться и в оттяжке на предлог: *ѹ сердца* П. 50б, *но сердцу* Об. 297, Пч. 103, *на сердце* Пс. 229, Зап. 37, *на сердца* Сб. VI 414б, вин. п. мн. ч. *но сердца* Сб. IV 126б. Во всех формах, представленных в СОПИ, следует ожидать окончательное ударение, потому что именно

в них окситонеза сохранялась особенно долго и устойчиво.

Серебрѣнъ, в рукописях представлено с новоокутовой интонацией корневого слога, ср. *серебрѣнь* Хр. 2686, *сребрѣны* Сим. 3846, Зап. 139, *серебрѣные* Сим. 567 и др. также *серебрѣньхъ* Сим. 5636, В. 526, Дс. 60. Такое ударение и следует предполагать в СОПИ, поскольку само написание указывает на характер образования: прилагательное *серебрѣный* (в более поздних источниках появляется новое ударение *сребрѣный* по аналогии с верным *серебрѣный*).

Сизъ, ударение на корне у баритонированного слова.

Сила: *силу*, в *силахъ*, с устойчивой баритонезой по всем источникам (Колесов 8 9, 18).

Синь, в сочетании на *синѣ морѣ* можно предполагать перенесение ударения с существительного на окситонированное прилагательное, т. е. на *сини мори*, такое ударение сохранилось в фольклорных текстах, в полной форме ударение на корне: *синий* и др.

Сичевыи, очень сложный случай ввиду архаичности формы. Для *сиче* лавянские языки указывают скорее окситонезу (ср. словенск. *síde*, словацк. *síce* но чешск. *síce*, что может быть и указанием на подвижность, и результатом позднего выравнивания корневого количества), но наличие форм *сиче/сичь* (уже в старославянских текстах) может указывать на ударение *сиче*; на то же указывает само образование — *сиче* от окситонированного *сь* (см. Сеи). Тем не менее все среднерусские источники единогласно дают окончательное ударение прилагательного что может указывать на образование от подвижного корня, ср. *правѣ сичевѣ* Сб. VI 1706, *сичевый* Гз 566, *сичеваго* Воскр. 846 (с) *сичевымъ* Курб. 196, *сичевое* Га. 386, 122, *сичевыми* Пр. 2846, в *сичевыхъ* Курб. 1076. Такое выравнивание ударения в образованиях на *-ов-* вообще характерно для древнерусского, поэтому следует довериться славянским данным и реконструировать окситонезу корня. В таком случае в СОПИ: а *сичеи рати*.

Скочити, *скáчеть* Ав. 236 при сербск. *скáчѣ*, *скáчѹ*, как исконное ударение для глаголов окситонированной парадигмы, также в причастной форме *скáчѣ* Зап. 113, *прискочѣ* Ав. 2296, *вскочѣ* Ав. 2306, в формах аориста ожидается акцентовка *поскочи*, также *выскочи́сте* (но префикс *вы-* обычно перетягивал на себя ударение); ср. еще *поскочаше* со вторичным же сербск. *пѣскочаше* (исконное ударение имперфектной формы *поскочаше*), также *скáчють*.

Сквозѣ Ч. 11^а, 29^а, 73^а и др., Соф. 296, Зап. 145, Пч. 57, современное ударение отражается только с XVII в.

Скепати, ср со словенск. *sképati*, *sképat* др.-рус. *скѣпáние щитовъ* Г. 3646, что указывает не на баритонированный класс, слово определенно входило в окситонированную парадигму, а это заставляет предполагать акцентовку *поскѣпаны* для долготного корня.

Слава, баритонированной парадигмы, с постоянным ударением на корне для всех источников и для всех производных.

Слати, при окситонезе ожидалось бы ударение, отмеченное в Ч. (*послѣ* 16^б), однако все древнерусские источники для всех форм дают оттяжку (*пбшьлешъ* Пс. 405, *птошьлю* Пс. 641, *пбшьлемъ*, *прпшьлют* Фл. 57, и мн. др.). Характер корня заставляет реконструировать именно такое ударение (*нѣ сошлю*), хотя возможен и исконный вариант *не сошлю*. *А быхъ не слáла* — обычное для окситонированных ударение.

Слово, в форме твор. п. мн. ч. *словесы* Ч. 69^б, 124^г, 133^г.

Слышати, *слушати*, ср. *слышитъ* Х. 405, *услышитъ* Дом. 26, *слышано* Др. II 67, 137, Пр. 231, *слышана быша* Пр. 109, и др., *яко слыша* Сл. 4706, при сербск. *слыша* (также сербск. *послушати* при *послушати* в СОПИ).

Слѣд, подвижной парадигмы в праславянском, хотя в древнерусском рано обобщилось накоренное ударение в формах ед. ч. (в говорах и в украинском подвижность сохраняется, поэтому баритонезу можно связывать с влиянием книжного языка). Поэтому в СОПИ скорее всего на *слѣдѹ*, что согласуется и с новой флексией.

Смага В. 3226, как ударение баритонированного имени.

Смѣрци 'смерчи', в рукописях находим производное *о смѣрчкахъ* Леч. 856 что отражает исходное ударение этого производного от окситонированного имени (Фасмер, III, 686, 691, 692).

Снопѣ (вин. п. мн. ч.) Пв. 22, Фл. 1026, Кр. 2206, и др.

Сокоб Шум. 144, Лет. 16, *соколы* Ав. 2116, *соколы* Ун. 1736, 1786, *два соколы* Пв. 137, *соколы* Нв. 595, и др. (Колесов, 168); окситонеза имени приводит к точной реконструкции производных: *сокобъца*, *соколъча*.

Солнце, судя по ударению производных и русских наречий типа *ѹсолонь*, *пбсолонь*, производящая основа входила в подвижную парадигму; следовательно, следует ожидать окончательного ударения слова *солнцѣ*. Источники, однако, указывают новую подвижность, возникшую в слове, которое утратило словообразовательные связи, ср. в сербск. *сѹнце*, на *сѹнце*, русские рукописи с XVI в. *поставъ на с(о)лнце* Леч. 146, *солнце* Ст. 266 Псл. 100, Леч. 139, окончательное ударение сохраняется только в ряде форм — в тех, которые имели окончательное ударение и в подвижном типе

(под с[о]мнѣмъ Сб. VI 1656). В формах им.-вин. п. двойств. и мн. ч., представленных в СОПИ, также следует восстанавливать наконечное ударение как исконное и сохранявшееся после XII в.

Соловей, в рукописях не отражено ударение этого слова, но реконструировать его довольно просто. Производящая основа относится к подвижным (ср.: *конь соловъ* В. 345б, 374, *Володя Соловѣй* В. 287, *человек Соловцова даль* В. 216), поэтому ожидается ударение на окончании, ср. рус. *соловѣй*, сербск. *славѣу*, *славѣја*). (в собирательном с изменением ударения и интонации: *славѣе*, *славѣја*). Ударение аналогичного по образованию слова отражено в акцентованных рукописях с наконечным ударением (*воробѣя* Леч. 95, *о воробѣѣ* Леч. 13). Таким образом, во всех формах, представленных в СОПИ, должно быть наконечное ударение (кроме звательной формы: *соловию славию*, ср. сохранение такого ударения в укр. *солов'ю*). Особых замечаний требует сочетание *щекотъ славию успе*, интересующее нас слово представлено здесь не в форме приглагольного прилагательного, как обычно полагают, а в форме род. п. мн. ч. которая также должна быть представлена с наконечным ударением (*славию*).

Сорбки (им. п. мн. ч.) Др. II 321 и последовательно во всех формах с рефлексом акутовой интонации корня.

София, в сочетании *у святые Софѣи*. наличие *e* на месте слабого напряженного *ъ* является собственно русской фонетической чертой (иногда указывают диалектный характер такого написания: А. А. Шахматов, Л. А. Творогов) и доказывает подударность этого гласного, следовательно, в данном случае имеем точное фонетическое и акцентное соответствие греческому *Σοφία*, ср. *именова великую Софѣю* Хр. 244.

СПѢТИ: *доспѣли*, ср. *поспѣли* Шум. 608б, *приспѣло* Лапг. 830б, и др.

Сребро, исконное наконечное ударение слова указывается всеми источниками, ср. *сребрѣ* Пр. 6б, *Пел.* 187, *серебрѣ* Леч. 165б и др., во всех формах, ударение на корне огражено редко (*срѣбро* Лапг. 533б, 582б, *срѣбромъ* Шум. 795, Хр. 262), но оно предполагается и поздними оттяжками типа *брѣти тѣ сребро* Н. 297б, *Дмитрку то сребро* Н. 330. Такое ударение возникает по аналогии с ударением слова *злато* и в сочетании с последним должно иметь накоренное ударение также слово *сребро*.

Срѣдъ, в сочетании *тече срѣдъ земли* можно предполагать и характерную для русских говоров полногласную форму (*срѣдъ земли*, ср. *срѣдъ моря*: Колесов. Интонация и ударение, 117) с новоаку-

товой интонацией в этом производном от подвижного имени (Колесов, 65).

Стадо, в древнерусском обобщенное ударение на корне, хотя во мн. ч. возможна и наконечная акцентовка (Колесов, 194).

Стати, **стояти**, баритонированного и подвижного типа, поэтому в первом случае постоянное ударение на корне (не *стѣло* Пв. 165, *достѣлася* Ав. 224, *стѣла* Л. 206б, *прѣста* Об. 178), во втором — на окончании (*стѣиши* Гз. 4, также *стоитѣ* Ч. 22^б, 86^а, *стойтъ* Пс. 557, и т. д.).

Стѣлютъ Дс1. 190б, также *постѣдъ*, как производное от окситона.

Стерти, в сочетаниях *прѣстрѣша*, *прѣстре*, *рѣстрѣна* у глагола подвижной парадигмы (Дыбо. Акцентуация, 102 и сл.), что подтверждает произведенную реконструкцию ударения в этих архаических формах (распространение отяжки на формы презенса вторично, ср.: *прѣстреши словеса* М. 198, сербск. *прѣстреѣмъ*, не *прѣструть* Пс. 89).

Стол, слово окситонированной парадигмы с послетовальным ударением на окончании (Колесов, 112 и сл.).

Стопл: *два столѣя* Шум. 108б, Сб. III 42.

Стонати, окситонированного типа, поэтому акцентовка представленных в СОПИ форм должна быть следующей: *стѣици* (ср. сербск. *стенѣиши*, также *стенѣище* Пв. 197б) или *стѣици* (при кратком корне вторично, см.: Станг, 135), также *въстѣна* (Станг, 131), ср. сербск. *уздѣтъѣ*.

Страдѣше, как исконное ударение формы ср. *пострадаша* Лапг. 68, *страдаху* Гз. 12б; сербск. *страдѣше* возникло под влиянием презенсной основы и не может приниматься во внимание.

Странѣ слыша Др. II 327, но *вся страны трепетаху* Г. 36б, так же Лапг. 18б; наконечное ударение еще в текстах XVIII—XIX вв. (Обнорский. Склонение, 2, 383), вин. п. мн. ч. только *странѣ* (ср. Др. II 236 341б, 488 и др.) при отсутствии отяжек на предлог, что доказывает древность наконечного ударения формы. Акцентовка *странѣ*, *сторонѣ* обычна в сочетании с *двѣ*, *обѣ*, из форм двойств. ч. она распространилась и на формы мн. ч.

Стремень: *въ златъ стремень*, оба слова подвижной парадигмы, поэтому закономерно совмещение их акцентов в одном общем, *въ золотъ стремень* или *въ златъ стремень*. Написание *въ златѣ*, *стремень* косвенно указывает на безударность существительного в данном сочетании.

Стругы (вин. п. мн. ч.) Др. I 569, Леч. 86б, 87, Нв. 623; *стружиѣ*, как производное от подвижного имени, должно иметь наконечное ударение, но в памятниках это слово не отмечено.

Струна, с постоянным ударением на корне (Колесов, 12).

Струя, ср. *струя* Хр. 352б, Фл. 265б, 266, Ас. 40, и др., так же во всех прочих надежных формах, — с ударением на окончании.

Стрѣла, подвижной парадигмы (Колесов, 40), с накоренным ударением в форме вин. п. мн. ч., но с ранними колебаниями в форме им. п. мн. ч. (*стрѣлы* Сб. 0, 142б, Пч. 100б — *стрѣлы* Пс. 16, Шум. 339б, Нв. 550), в производных ожидается ударение *стрѣлы* (ср. современный рус. *стрелы*, *стрѣлы*), также *стрѣлы* Др. I 663 и др., *стрѣляеши*, *рострѣляеѣ* (ср. *сострѣляютъ* Пт. 30, *стрѣляетъ* Сб. VI 448, и др.).

Стрѣчи, в форме имперфекта *стрѣжаху* Г. 98б, но это ударение может быть вторичным, поскольку имперфект подвижного глагола исконно имел акцентровку *стрѣжаху*, *стрѣжаѣ*; вопрос заключается в том, насколько продуктивны имперфектные образования в XII в., акцентологически оба варианта равновероятны.

Стукнути, в форме аориста *стукну*, ср. сербск. *стукну*.

Ступити, в различных формах: *ступнѣть* при *преступнѣть* П. 121б, *въступнѣть* при *приступнѣла* Шум. 585, *отступнѣся* Шум. 425, сербск. *уступио*; *заступнѣ* при сербск. *заступнѣ*, *уступнѣ* Г. 591, *отступнѣ* Об. 41б. Если согласиться с В. А. Дыбо (Дыбо Фрагмент, II, 69), что это глагол окситонированного типа, ударение аористных форм должно быть *заступнѣ*, *наступнѣ*, *въступнѣ*, *вступнѣта*, *отступнѣша*, в имперфекте — *заступнѣше*. В последнем случае возможны известные сомнения: влияние презвснских основ могло привести к выравниванию ударения, подобно тому как это произошло в сербск. *зѣстунѣше* (из *застунѣше*).

Стяг, в ударении им. и вин. п. мн. ч. в памятниках представлено колебание: *стяги* Сим. 15б, Лапт. 326б, 472, 878б, Др. II 231, Др. I 227, но *стягъ* Ун. 188, Кул. 20; наконецное ударение также в других формах, ср. *другаго стягъ* Нв. 491б, (с) *стягомъ* Нв. 492, *стяговъ* Пт. 307, *стягами* Нв. 607б. Возможно, что столкновение исконного славянского *stĕg* и заимствованного из скандинавск. *stĕg*, имевших близкое значение, обусловило подобное колебание ударения. Подвижность этого имени предполагает акцентровку *ѣстягу*, в действительном может быть *стягы*.

Суд, в форме вин. п. мн. ч. *суды* Ч. 110^б, Сб. 0 126б, Сг. 148, и др., в форме род. н. ед. ч. *суда*, также как единственно возможное в рукописях ударение (ср. из числа древнейших источников Ч. 92^в, 142^в, 142^г, 146^г и мн. др.).

Сула, по *Сулѣ* Н. 83б, на *Сулѣ* Н. 144б указывают, видимо, на подвиж-

ность имени; следовательно, в СОПИ за *Сулбо*, но *Послѣю*.

Сулицы Фл. 163б, вин. п. также *сѣлицы* Пс. 211, 345, 411, X. 545, Фл. 99, но рано возникает вариантность в ударении этого слова (даже в пределах одного памятника: *сулицы* Фл. 102б, X. 1122). Колебание отражено и в других формах слова, а также в производных (*сѣличники* Фл. 157б, 180б — *суличники* X. 1125б, 1242б; *сѣличного* Фл. 120б — *суличныхъ* X. 1301, т. е. в разных памятниках). Древность накоренного ударения подтверждается совпадением сербск. *сѣлица*, болг. *сѣлица*, словенск. *sŭlica*, чешск. *sudlice* 'рогатина'.

Сурож, *минугомъ лимѣнь* и *Сурож* Др. II 267; современное ударение *Сурож* не соответствует исконному, как на это указывает и акцентовка производных, ср. *суровской* товар 'изделие из шелка' из *сурожский* (Фасмер, III, 807), *боляре сурожане* Др. II 145, *сурожанъ* Др. II 60б, *сурожанинъ* Др. II 667.

Сути: *рассушась* (*стрѣлами*), так как в данном случае имеем тематический глагол без йотации, скорее всего, он входил в подвижную парадигму, в таком случае — *рѣссушась*. Полной уверенности в такой реконструкции нет, возможна и акцентовка *россушась*.

Сушити, подвижной парадигмы, поэтому ударение *сѣши*, *ѣссуши*, *ѣссуша*, как в сербск. *зѣсѣш*.

Сын, в форме твор. п. мн. ч. с новой для данного имени флексией: *удальными сыны*. Исконное окончание в рукописях сохраняет старое ударение (*сынми* Зап. 177б, Сб. V 520), новая может соизводиться оттяжкой на корень (*сынны члѣцкыми* Сб. VI 90); по-видимому, для XII в. следует реконструировать ударение *сыннѣ*.

Сыпати, баритонированной парадигмы, поэтому постоянное ударение на корне: *насыпаша*, *сыпазуть*, ср. сербск. *сѣпаше*, *насыпаше*, *сѣпѣзу*.

Сѣднѣ, с последовательным ударением на суффиксе, что соответствует исконной акцентовке этого производного от окситонированного имени (Колесов, 209).

Сѣдло, до *сѣдлѣ* Пв. 196б, *осѣдланъ* Лапт. 987, ср. еще *сѣдлѣй* при сербск. *сѣдлѣй*.

Сѣдѣти, *сѣсти*, с разной акцентной характеристикой, поэтому в первом случае *сѣдѣши* Ч. 75^в, Д. 50, Нв. 466, Сб. VI 62, и др., *сѣде* Др. II 485б (*сѣде* в Г. 889 вторично, см.: Дыбо. Акцентуация, 101), следовательно, также и *высѣдѣ* (если не было воздействия со стороны приставочного *вы-*, в противном случае — *высѣде*); *сѣдѣте* Др. I 29, *сѣдете* Ч. 41^б, *сѣдетъ* Пс. 203, и др.

Сѣнь, подъ *сѣнию* Гз. 178.

Сѣр, независимо от исконной парадигмы (Колесов, 209) ударение полного

прилагательного на корне (отражается источниками).

Свѣти, ненасѣянное Пр. 349б, *рожь сѣяна* В. 80, и др., накоренное ударение и во всех прочих формах этого баритонированного глагола, в том числе и *свѣшеться* (ср. сербск. *сѣјаше*).

Тѣмо Др. II 282, 497б, Г. 119б, 661б, и др., постоянно

Твои, твою Сг. 69, но *на твою* Пс 592 (см. *Свои*, с которым данное слово разделяет все особенности ударения).

Творити, с различными приставками, глагольная основа относилась к различным акцентным типам: в древнерусском — к подвижному в южнославянских — к окситонированному, это приводило к смещению акцента в некоторых типах литературного языка, для древнерусского с большой долей вероятности восстанавливаем подвижный тип, следовательно, акцентовку *зтворивъ, отвори, затвори, сотвориште, отворенъ*, ср. *сотворивъ* Шум. 650б, Сл. 74 (*створивъ* Ч. 79^б, но сербск. *зтворивъ*), тогда как *сотворъ* Пв. 14б — позднее выравнивание, ср. сербск. *зтворй, отвори, савористе, отворени*.

Тебѣ, тебѣ Ч. 63^р, Липт. 538, *тебѣ* Др. II 315б, и др., но также *к тебѣ* Ас. 231б, *далъ тебѣ* Липт. 454, расхождения в зависимости от значения формы также в род. п.: *бу себе* Хр. 1244б, *бу себя* I. 450 — *от тебѣ* Ч. 65^б, Хр. 863, *у тебе* Ч. 80^а — без отягек на предлог в последних формах, в дат. п. ед. ч. возможна безударность.

Текот, как и все имена с редуцированными в корне, относилось к окситонированным следовательно, в форме твор. п. ед. ч. следует ожидать ударение *тектошь*.

Темен, производное от окситонированного имени (*тъмь, тъма*) во всех рукописях, отражающих это слово, передается с закономерным ударением на корне, в том числе и в форме местн. п. ед. ч.: *тъмнѣ нѣщи* Сб. III 60, так же и в современных говорах. Поскольку в этом образовании по правилу следует предполагать новоаккутовую интонацию корневого слога (*тъмне > тѣмнѣ*), то перемещение ударения в пределах сочетания вообще сомнительно, хотя подобный запрет, может быть, и не распространялся на «еровый» корень; в таком случае следует предполагать отяжку *темнѣ_березѣ* (подобная акцентовка сочетания сохранилась в произведениях русского фольклора). Аналогичное положение во втором сочетании с данным прилагательным: *темно бо* или *темнѣ бо*.

Теплѣ (Колесов, 209, 210), также *теплыми* Хр. 130, Пч. 110, Уст. 57б, Д. 33б, и др., как закономерное ударение окситонированного имени.

Терем, в памятниках зарегистрировано только *гдѣ теремъ стоялъ* Шум. 408, но укр. *терѣм* рус. диал. *терѣм, терем, сербск. трѣјем, тријѣма* также ударение производных (*теремный* Н. 50) подтверждают исконную окситонезу этого имени, что заставляет предполагать акцентовку местн. п. ед. ч. *теремѣ*.

Терпѣти: утрѣнѣ с ударением на суффиксе (Станг, 130), ср. сербск. *отрпе*.

Терти, трѣти, в сочетании *ѹтру князю кровавые его раны*, — ожидаемое у подвижного глагола ударение специально в данной форме; подобные акцентовки у «еровых» корней сохранились в русском языке до XVIII в.

Течи, течеть Хр. 726б, Др. I 31б, Сб. V 47, *текутъ* и др., ср. сербск. *тећи, течѣ, текѣ*. В аористных формах 2 и 3 л. ед. ч. подвижный глагол должен давать акцентовку *тече, пѣтече* (ср. сербск. *тече, пѣтече*), однако в рукописных источниках отражается очень ранняя утрата подвижности (то же и в среднеболгарских рукописях, ср. Дыбо. Акцентуация 101), т. е. *потечѣ* Др. II 315б, *утечѣ* Шум. 392б. Сербск. *дотѣцишаше* не отражает исконного ударения в имперфектной форме, которая для подвижных глаголов должна быть *ростекашеться, дотечашѣ* и т. д.

Тисов: на кровати тисовѣ, поскольку это — производное от баритонированного имени (сербск. *тис, тйса*, словенск. *tis*, и др.).

Тмуторокань, производное от тюркск. *tamantarkan* через среднегреч. *Ταμάνταρχα*; Ф. Е. Корш восстанавливал ударение *Тьмуторокань* с оттяжкой в русском произношении *Тьмуторокань* (Корш, XXVII) — это последнее ударение и отражается в акцентированных источниках, ср. в ВП: *из Тороканы* 319, *въ Торокань* 321б.

Ток: на тоуѣ, это слово в самостоятельном употреблении не зарегистрировано, об его исходной акцентовке делаем заключение на основании косвенных данных. Чакавск. *rotok, rotoka*, болг. *поток* и *потѣк*, в сопоставлении с некоторыми древнерусскими фактами (*на потоуѣ* Д. 53, *бтоку* Леч. 67б, *на отокъ* Х. 1003 также *точѣшь, точатъ*) при обычном ударении *потѣкъ, потѣка* (вторичного образования) указывают на праславянскую подвижность корня. В таком случае наше сочетание следует представить следующим образом. *на тоуѣ* (или *на тоуѣ*, что соответствовало бы и ударению окситонированного имени, но что менее вероятно для древнерусского).

Топтати, в формах аориста *потопташа, притопта* (что естественно для глагола окситонированного типа), сербск. *притопта* вторично (ср.: Станг, 131), но *потопташе* соответствует ожидаемому ударению.

Торгати, глагол баритонированного типа (ср. сербск. *tǔgati*, *tǔgām* с сохранением этого ударения во всех формах, в древнерус. *прѣтѣрже кожу рукама* Н. 95, *растѣрже* Пт. 38, и др.); следовательно, формы аориста, представленные в СОПИ, должны быть показаны как *вытѣрже*, *прѣтѣржоста*.

Тоска, *тоскѹ* Леч. 396, окончное ударение и во всех остальных падежных формах, ср. *тоскѣ* Леч. 150, *тоскѹю* Курб. 130.

Тот, *тѣ*, местоимение в различных формах; относилось к числу подвижных, поэтому акцентовка косвенных форм довольно рано подверглась выравниванию (по окситонированному типу), ср. в рукописных источниках исконное ударение *тогѣ*, *тѣму* (Ч. 95^a и др.), но вместе с тем и колебания, вызвавшие появление новых акцентов — *тѣго* или, наоборот, *тѣмѹ*. Подвижность местоимения приводила к перенесению иктуса в границах сочетания, ср. *ти бѣ*, *то жѣ*, *ѣ то* и т. д. в древнейшем источнике по русской акцентуации (Ч.); из примеров, указывающих акцентовку форм, представленных в СОПИ, приведем следующие аналогии: *хощу тѣму пребывати* Евг. 37, *ч(е)ловѣку тѣму* Евг. 686, *среди тѣбѣ ч(е)ркви* Др. II 3126, *от тѣя бо-лѣани* Шум. 428.

Тош, результаты внешнего сравнения указывают на окситонезу имени, а это значит, что древнее ударение полного прилагательного *тошцими*.

Травѹ Пт. 98, Сб. VI 8, Леч. 67, Нв. 5046, и др., как обычное ударение, по возможна и акцентовка *травѹ* Г. 3386, Зап. 18, Св. 128, что издавна могло быть диалектным ударением и что не следует устранять из реконструкции; следовательно, при вполне вероятном *зеленѹ травѹ* в качестве варианта можно предполагать и *зеленѹ травѹ* (т. е. безударность имени существительного).

Трепати, глагол представлен в СОПИ формами *притрепѣ*, *притрепѣнѣ*; таково ударение этих форм в случае, если глагол окситонированной парадигмы (на это указывает ударение рус. *треплѹ* — *трѣплешѹ*); сербская подвижность вторична.

Трепѣтати, окситонированной парадигмы, отсюда закономерное ударение *трепѣщутѣ* Пт. 1116, Пв. 18, Сб. VI 646, Га. 26, *трепѣцатѣ* И. 916, ударение причастия в составе перфекта *притрепѣтѣлѣ*.

Треснути: *трѣсну земля*, ср. сербск. *трѣснѹ* при общей баритонезе глагола (*трѣснути*, *трѣснѣм*).

Третии: *на третѣй день* Др. II 5946, 612, 2316, 6506, Г. 10086, Ав. 262, Ар. 996, 1186, и др., *от третѣяго часа* М. 68, Хр. 676.

Трѣцати, подвижной парадигмы (ср. *трѣщѹ* — *трѣщѹтѣ*); следовательно, *трѣцатѣ*.

Три, подвижной парадигмы, ср. *пѣ три дни* Пс. 555, 593, так же и в других формах; следовательно, в СОПИ ожидается безударным в сочетании и *всѣ три Мстиславичи*.

Тропа, подвижной парадигмы вплоть до XVIII в. (Обнорский. Склонение, 1, 274), поэтому в СОПИ *рѣца в трѣпнѹ Тропнѹ*.

Троскотати, подвижной парадигмы (ср. отяжку при имени — *нѣ троскотѣ* Пт. 102), следовательно, в СОПИ [ѣ]троскотѣша.

Трѣстие Хр. 2706, Сб. IV 52, *трѣстиемѣ* Хр. 2116, хотя исконно в данном случае окончное ударение *трѣстидѣ* (Дыбо. Акцентология, 186), ср. словенск. *trstjè*.

Труба, в им. п. мн. ч. *трубѣ* Др. II 776, Нв. 426, Пс. 596, 143, Фл. 946, 1206 (также все известные нам случаи в форме вин. п. мн. ч.), что соответствует исконному ударению в этом окситонированном слове. Закономерным ударением в глагольной форме должно быть *трубитѣ* П. 42, И. 986, Сб. VI 64, *вѣструбитѣ* Сб. IV 384, хотя в сербск. *трубе* находим совпадение с современным русским *трубит*. Вопрос заключается в том, насколько древне такое ударение (могло возникнуть и в праславянском).

Труд, в форме твор. п. ед. ч. *сѣ трудѣмѣ*, как это и характерно для окситонированного имени (Колесов, 112 и сл.).

Трупѣ, ср. *трупѣ* Г. 3416, 840, Пт. 44, 4356.

Трусити, окситонированного типа, поэтому *трусѣ*.

Тручати, при сербск. *пѣтручати* 'бросать', 'кидать'.

Тугѣ Ч. 99^a, 103^a, Нв. 4686, *от тугѣ* М. 2936, Пр. 77, *тугѣ* Нв. 578, *в тугѣ* М. 45 и также представленная в СОПИ форма *тугѣю* Нв. 6036 (последовательная окситонеза в древнерусском).

Тул, окситонированной парадигмы (по единогласному свидетельству сербского, чешского, словацкого языков); если принять во внимание характерную для древнерусского языка отяжку на предударный долгий слог двусложного слова, то можно допустить двойное ударение в сочетании *тоцими туль* (*туль* и *туль*, второе вероятнее).

Тур, все славянские языки, сохранившие это слово, показывают подвижность, следовательно, для СОПИ следует предполагать сочетание *бѹи турѣ*. Такая реконструкция подкрепляется сопоставлением с литовскими данными, а также общими соображениями: *тура* (женского рода) относилось к окситонированным (ср. *рѣкѹ Турѹ* Леч. 646, 65, *Кирилл Турѣвскаго* Об. 57, *турѣца* и др.), но в XII в. трудно ожидать совмещения этих слов (и слова со значением 'фашина').

Тутнути: *земля тутнётъ*, поскольку глагол относился к числу подвижных, ср. сербск. *tútiniti*, *tútنيm* 'греметь', 'дребезжать' (В. А. Дыбо склоняется к реконструкции баритонезы — *tútнеть*).

Туча, в праславянском баритонеза или подвижность, но для формы им. п. мн. ч. *тучь* в обоих случаях следует предполагать только ударение на корне (Колесов, 15).

Тыкати, ср. *затчѣ*, *дотчѣся*, поскольку эти аористные формы принадлежат окситонированному глаголу.

Ты, местоимение, выступавшее в форме клитики, ср. в Ч. *ты бѣ* и др. (Дыбо. О фразовых, 79); это следует учитывать при реконструкции сочетаний в СОПИ: *ты бѣ*, *аже бѣ ты бѣль*.

Тѣло, формы *отъ тѣла*, *на тѣлѣ* вторичны (исконными являются *тѣлесе*, *тѣлесе*); совпав с другими подвижными именами среднего рода по типу склонения (*мясо*, *мяса*...), это существительное должно было усвоить и акцентный тип таких имен, что и случилось. Все формы в ед. ч. по рукописям отражают ударение на корне с возможными оттяжками на предлог (*оу тѣла*, *по тѣлоу*, *на тѣлѣ* и т. д., но никогда *оу телесе*). Вместе с тем возникают дифференциации акцента в пределах одной формы; например, в форме род. п. ед. ч. выделяются значения генетивное (*оу тѣла* М. 2986) и отложительное (*от тѣла не разлучила* М. 756), что характерно именно для всех подвижных имен вторичного происхождения (Колесов, 54, 78). Это приходится учитывать при реконструкциях в СОПИ: *отъ тѣла*, *въ друзѣ тѣлѣ*, *на жестѣуѣмъ его тѣлѣ*.

Тянути, окситонированной парадигмы, следовательно *истягну*.

Тяжно, производное от подвижного имени предполагает наконечное ударение (ср. сербск. *тѣжак*, *тѣшка*, *тѣшко*), хотя уже в XVI в. русские рукописи дают акцентовку на корне (*тяжкѣ* Др. II 721б, Пв. 170, *тяжко* Пт. 9, Сим. 540), а В. А. Дыбо восстанавливает для праславянского накоренное ударение с нисходящей интонацией (Фрагмент, 52). В зависимости от этого стоит различная реконструкция акцента в сочетании: *тяжко ти головѣ* в первом случае, *тяжко тѣ / головѣ* — во втором (который Дыбо и предпочитает).

Тяти 'сечь', 'рубить': *пѣтату быти*, как обычное образование от подвижного глагола, ср. *пѣтять будещи* X. 868б, сербск. *отѣт*, *отѣта*.

Угорск, как производное от окситонированного имени, ср. *оугры* Др. II 910, *оугры* Др. II 731б, *на оугры* Соф. 458б, *оугрѣмъ* Г. 375, и др., ср. *на угорское королевство* Шум. 471.

Удал, с *удальми* Др. II 31 (в этой рукописи наконечное ударение и в дру-

гих формах: *удалый* 94, с *удальмъ* 94, *удальтъ* 76).

Уже: *оуже* Ч. 26^г, 47^б, 78^а, Др. II 17, 18, 513, и др., постоянно в древнерусском (ср. современное рус. *уж*).

Ужина: *оужина* Об. 110, *оужины нѣтъ* Об. 133б, Зап. 2, *къ оужинѣ* Об. 100б, 109, *на оужинѣ* В. 450.

Узорочье, ср. *всякими узорѣчи* Др. I 342б, 750, Сим. 164, Воскр. 44б, Каз. 50 и в остальных формах с тем же ударением.

Уноша, производное от подвижного имени, что обуславливало акцентовку *унѣмъ* X. 831 (в рукописях чаще встречается новое ударение *юнаго* П. 111б и др., по аналогии с новым образованием *юнны* Пт. 78, что затемняет исконное распределение в древнерусском); суффиксальные имена, производные от этого корня, также рано дают колебания по славянским языкам: сербск. *јунош*, словенск. *јунош* и совпадение краткости корневого слога в чешск. *junost* и словацк. *junoš*, которые указывают наконечное ударение (ср. рус. *юнец*, *юнца*), — все это характерно для производных от подвижных основ. Древнерусская рукопись XII в. (ГПБ, Q. п. I. 15) в форме дат. п. ед. ч. дает ударение *оундиш*, что совпадает с данными среднеболгарских источников.

Усбица Ч. 93^г, X. 564, Каз. 120б, Фл. 144, 155, вин. п. мн. ч. *усбицы* Др. II 714б, Шум. 338, Н. 276, 130, Сим. 552.

Успити (?): *успѣль*, *успѣ*, окситонированной парадигмы, следовательно, с указанным ударением; довольно рано происходит влияние со стороны презенсных основ с перемещением ударения: *оуспе* Св. 122б, следовательно, и *успѣль* (что еще менее вероятно как древнерусское изменение).

Утро, принадлежность к подвижной парадигме подтверждается всеми русскими источниками (Колесов, 194), хотя исконным должно было быть постоянное ударение на корне.

Удѣе, производное от окситонированного имени с первоначальным ударением *удѣе*, которое к моменту создания текста СОПИ уже переместилось на корень, дав устойчивую баритонезу с новоаккутовой интонацией корневого слога: *удѣе*, *удѣя* и т. д.

Харалуг, заимствование из тюркского, с первоначальным ударением *харалугѣ* (от *каралык* 'чернота'), что должно было сохраниться в производном прилагательном, следовательно, в СОПИ *харалужными*, *харалужные*. По-видимому, исконное ударение на третьем слоге сохранялось и в существительном, хотя Ф. Е. Корш (Корш, ХXVIII), в соответствии со своей идеей о расхождении в акцентовке им. п. ед. ч. и всех прочих надежных форм,

считает возможным говорить об ударении (в) *харьлауѣ*.

Хвала, см. **Хула**.

Хитити: *похитимъ*, *расхѣтитисте* при сербск. *изхитише*, также *исхитиши* Хр. 724б, *похитятъ* Хр. 1321. и др.

Хитр, окситонированной парадигмы (Колесов, 209), с закономерным окончательным ударением в краткой форме ср. *подобаѣт игумену хитрѣ быти* М. 265б.

Хоботь Кр. 104б, твор. п. ед. ч. *хоботомъ* Ч. 153г, но *хоботомъ* Зап. 57б; для формы им. п. мн. ч. следует предположить ударение *хоботи*, как обычно для подвижных имен.

Ходити, в форме имперфекта *прихождѣху* у глагола окситонированного класса (сербск. *хѣдѣше*, *приходаху* подверглись воздействию со стороны презенной основы подвижного типа); отглагольное имя с тем же ударением: *ходѣ* (в ином чтении — *Ходѣна*).

Холми, с обобщением ударения на долгом корне, характерным для древнерусского (Колесов, 117), на древность такого ударения указывает и возможность отяжки типа *на холмы* Пс. 223. Из обследованных источников ударение *холмѣ* зарегистрировано только в Пал. 116.

Хоре, с неподвижным ударением на корне, как заимствованное слово с плавным сочетанием в корне.

Хоругвь, с окончательным ударением представляют все славянские языки, ср. укр. *хоругѣвъ*, словенск. *karôgla*, чешск. *korouhev*, словацк. *korôhev*, польск. *chorągiew* (болгарск. *хорѣгва*); действительно, это древнейшее заимствование из тюркского в акцентованных текстах дает *хоругвь* Курб. 21, 111, а также форму *хоругви церковная* Пал. 48б.

Хотѣти: *хотѣть полетѣти*, ср. *хотѣтъ* Хр. 804, Др. I 429, в причастных формах *хотѣчѣ* (ср. *хотѣщѣ* Ч. 31^а, что является исконным ударением формы: Станг. 139), *хотѣ* Ч. 40^а, 66^а, 73^а, 73^б; в рукописях только *хочѣ* для формы 1 л. ед. ч. Отглагольное имя подвижной парадигмы давало бы ударение в род. п. ед. ч. *хотѣи*, в твор. п. ед. ч. *хотѣиѣ*, но в звательной форме ожидается ударение *хѣти*!

Храбр, окситонированной или баритонированной парадигмы, в источниках отражается только последняя (*мужа храбра* Хр. 393, Шум. 543б, Г. 329), в полной русской форме — *хороброе*.

Худ, подвижной парадигмы (Колесов, 214), поэтому в СОПИ *не худѣ гнѣздѣ*, но *хѣду струю* (ср. *хѣду розь* Пал. 15).

Хула: *хула на хвалу*, акцентное взаимодействие этих двух слов аналогично взаимодействию слов *злато* и *сребро*: обычно они и встречаются в одном сочетании (Колесов, 19), поэтому уже в древнерусском языке наряду с исконным ударением *хвалѣ* Др. I 748,

Шум. 51 с Пс. 25. и др (Колесов 28) нахожим *хвалѣ* Зап. 52 Ав. 308 (в последнем и колебание: *хвалѣ богу* Ав. 236). Напротив исконная баритонеза имени *хѣла* рано получает вариантное окончательное ударение (Колесов 12), а в форме им. п. ед. ч. все поздние источники дают только *хулѣ* из чего возникает предположение об исконной окситонезе данного слова. Учитывая именно такое направление выравнивания, в СОПИ и следует реконструировать ударение *хулѣ* на *хвалѣ* (*хѣла* на *хвалѣ* менее вероятно, но возможно в поэтическом тексте).

Цвѣты Пс. 499, Пв. 124, Пр. 375, Ав. 314 и мн. др., в форме им. п. мн. ч.; акцентовка *цвѣтѣ* впервые появляется в XVI в. (Зап. 214б); историю этой формы см.: Колесов, 145, 147.

Чагѣ, как заимствование из тюркск. *шага* с окончательным ударением во всех формах слова.

Чаица, **чаика** 'чибис' независимо от этимологии слова ударение последовательно на корне (акутная интонация на исконной долготе).

Часто, как исконное ударение формы от слова подвижной парадигмы (Колесов, 214—215), ср. *часто* Х. 1298, 1425, Др. II 322.

Челка, производное от *челд* (окситонированной парадигмы), следовательно, с постоянным ударением на корне — *челка*.

Человѣк, это слово во всех источниках дает устойчивое ударение на третьем слоге: *человѣк*, *человѣкомъ* и т. д. (Колесов, 111).

Через, **чрес**, ср. *черезъ роту* Шум. 276, *черезъ dokonчание* Шум. 725, и др., с изменением интонации, что особенно характерно для некоторых сочетаний (*черезъ море*, *чресъ небо*, *чресъ реку* в рукописях XVI в., *через лес* в северных говорах и т. д.: Колесов. Интонация и ударение, 118, 120).

Черлены, прилагательное с последовательным окончательным ударением ср. *черленѣ* Л. 201б, 212б, 213б, *черленѣ* Л. 202, *черленѣ* Д. 31 (такое же ударение показывают и славянские языки).

Черн, имя окситонированной парадигмы (Колесов, 210), поэтому ударение полного прилагательного последовательно на корне (*чѣрною*), а в производных именах — на суффиксе, ср. *чѣрнѣдьми*, *Чернѣговѣ* и др.: *Чернѣговѣ* Г. 282, Лапт. 88б, *Никон*. 24б, с *чернѣговской* Н. 32 (вторичные колебания в средневековых источниках: на *Чернѣговѣ* Г. 349б, ис *Чернѣгова* *Никон*. 65б).

Черпати: *чѣрпѣхуть*, ср. сербск. *чрпати*, *чрпаху*.

Чистый, ударение на корне, что обычно для баритонированных имен (Колесов, 206).

Что мй в Ч. (Дыбо. О фразовых, 79).

Чуж, в рукописях последовательная баритонеза, ср. в форме им.-вин. п. мн. ч. *чужи* Кч. 294, Сб. V 39, Фл. 186, Об. 323, 396

Честен, прилагательное, образованное от подвижного имени, должно давать акцентовку *нечестнѡ* (или *нѣчестно*), в акцентованных рукописях отмечено *бесчестѣнь* Сб. VI 170, но в форме среднего рода *чѣстно* П. 175, Дом. 326.; в русских памятниках и словарях XVIII—XIX вв., а также в русских народных говорах регистрируется только окончательное ударение (*честнѡй*, *честнѡе* и др.).

Чѣпъ, имя подвижного типа (Колесов, 74, 94), поэтому окончательное ударение *чѣпмѡй* Щ. 1816, Каз. 1176. В СОПИ дана новая форма с необычной для данного типа склонения *чепи*, — это заставляет сомневаться в окончательной акцентовке представленной в памятнике формы, поскольку при долготном корне всякое изменение флексии по древнерусским источникам давало перенесение ударения на корень. Была ли такая форма и в оригинале этого текста?

Шеломя, слово баритонированной парадигмы (Колесов, 200), что указывает на постоянное ударение *шелѡмѡя*, ср. *възде ж на мѣсто высоко на шелѡмѡя* Др. II 87, но с *шоломянѡй* Др. II 83. В другом значении также колебание: *под шелѡмѡй* Ун. 176, но *шелѡмѡж* Хр. 92, в этом втором случае — имя существительное мужского рода.

Шерешыры, предполагается заимствование из тюркского, ударение устанавливается по реконструкции среднегреч. **σαρισσαριον*.

Шибати: *расшибе*, в форме аориста, ср. сербск. *шибати*, *шибам* 'пороть', 'хлестать', что указывало бы на постоянное место ударения (*расшибе*), однако сербск. *разшибе*.

Широк, с последовательным ударением на суффиксе, ср. в форме, представленной в СОПИ: *в ширѡкая поля* Гз. 129. Таково же ударение производных, например, *ширяся*.

Шумѣти, ударение на теме (Станг, 130), т. е. в наших случаях *въшумѣ*, *возшумѣша* (Пт. 1356, и др.).

Щекот, имя подвижного типа, для которого предполагаем обычное для подвижных многосложных имен ударение на первом кратком слоге; в причастной форме окончательное ударение *щѣкоталѣ*, с возможным выравниванием по продуктивному типу (как *ущѣкоталѣ*).

Щит: *на чръленыи щиты* (Колесов, 117), хотя в рукописях довольно часто встречается и окончательное ударение этой формы *щиты* (ср.: Соф. 4406 Каз., Пал., Нв.), *чръленыи щиты* (Колесов,

123), *бес щитѡвъ* Др. I 633, Г. 3646, Пв. 1646, Нв. 5206, Пал. 326.

Ѣхати, обычно ударение на корне: *ѣдѡитъ* Х. 188, *ѣдѡтъ* Сб. IV 493, *ѣдиши* Нв. 4096, но иногда отражается рефлекс подвижности, подтверждаемой и ударением производных имен (таких, как *ѣдѡ*), ср. *ѣдѡитъ* Пс. 557, *ѣдиши* Лапт. 2256.

Яз, личное местоимение в различных формах, представленных в СОПИ; ср. в древнейшем акцентованном источнике Ч.: *а мѡ*, *и мѡ*, *да мѡ*, *лѣпо мѡ* (Дыбо. О фразовых, 79), следовательно, в СОПИ предполагаем оттяжку *княже мѡ*; сюда же колебания *ко мнѣ* (в церковных источниках: Сб. IV 2896, Сб. III 1186, в виде исключения и Ав. 2386, 2456 в церковном тексте, ср. Ав. еще: *ко мнѣ* 244 — *ко мнѣ* 246), в русских текстах обычно *ко мнѣ* Шум. 201, Соф. 2916, Пв. 14.

Яко (см. Аки), в певческих рукописях XII в. возможно окончательное ударение, ср. в Стихираре 1157—1163 гг.: *яко же* 58, 776, 786, также *яко сѣнь* 80, *яко богъ* 89, *крѣвь яко водоу* 916, *яко бѣгая* 93; В Ч. подобное ударение редкость (*яко лѣпо о гсѣ* 131^а), но клитичность слова в целом сохраняется, ср.: *яко бѡ* 130^а, *яко жѣ* 89^б, 93^б, 109^а и др., *яко же бѡ* 113^б, но также *яко да приимут* 63^а, *яко николай же* 65^б, *яко не достыны* 103^а, но *яко самъ* 90^а, и не *яко* 84^а, да не *яко* 84^а и под.

Япончица, производное от *епанчѡ*, *епончѡ*, с постоянным ударением на окончании в современных русском и украинском языках; такое ударение закономерно в заимствовании из тюркского, поэтому в СОПИ ожидается ударение *япончѡица*. В одном источнике начала XVII в. находим акцентовку *япѡнчица* В. 1566, — возможно, вторичную по происхождению (на это указывает и изменение гласного *о* на *а* под ударением, которое не могло происходить в полударном слоге).

Ярополк, с возможным колебанием ударения: на втором корне (ср. совр. рус. *Ярополк*) или на срединном слоге, ср. *Ярополку* ВП 1486.

Ярослав, ср. *Ярослѡва* Сим. 33, ВП 3576; Ф. Е. Корш предполагал акцентовку *Ярослѡвъ* *Ярослава* (Корш, XXII), однако письменные памятники отражают иные закономерности в сложениях со вторым акутовым корнем, ср.: *к Ярослѡвлю* Г. 325, *Ярослѡвича* ВП 356, Лапт. 686, *Ярослѡвичу* ВП 1626, *Ярослѡвич* ВП 3586, *Ярослѡвичемъ* Сим. 4186, но в Никон.: *Ярославичъ* 3476, *Ярославичь* 3476, *Ярославичю* 350, также колебание *Ярославичю* 3466.

Яр, в данной форме, несмотря на неопределенность исходной акцентной

характеристики (Колесов, 206), ударение безусловно на корне, причем оно совмещено с новоаккутовой интонацией, ср. в полной форме *Ярый* Пал. 91.

Яруга, заимствованное из тюркского слово с рано обобщившимся ударением данного типа.

Яти, если верна конъектура *повелѣяти*. т. е. *повелѣяти*. ср. *ятѣ* Ч. 66^б, также *взятѣ* Ч. 13^а, 29^а, 37^а, Др. II 218^б. Шум. Э'1 и др., постоянно (но в Ч. исключение: *поѣти* 69^а — *поѣти* 73^б).

СОКРАЩЕНИЯ

- Ав. — Житие протопопа Аввакума (автограф). 70-е годы XVII в. Бан, собр. Дружина, № 746.
- Адрианова-Перетц — Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968.
- Азб. — Азбуковник, XVII в. ГПБ, собр. Погодина, № 1145.
- Ар. — Арифметика, XVII в. ГПБ, Q.IX.43.
- Ас. — Сборник Антониево-Сийского монастыря, XVII в. ИРЛИ, Мез. 3.
- В. — Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря. 1618—1640 гг. ГПБ, Кирил.-Белоз., 78/1317.
- Васильев — Л. Л. Васильев. О значении *каморы* в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. Л., 1929.
- Вед. 1703 — Ведомости времени Петра Великого. вып. 1. М., 1903.
- Воскр. — Парижский список Воскресенской летописи, XVI в. ГПБ, F.IV.678.
- ВП — Вологодско-Пермская летопись, XVI в. БАН, 16.8.15.
- Г. — Голицынский том Лицевого свода. XVI в. ГПБ, F.IV.225.
- Гз. — Сборник с текстом Послания Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, XVII в. БАН, 17.5. 27.
- Грек — «Слова и сказания Максима Грека», 1587 г. БАН, Архангельское собрание, Д42.
- Д. — Житие и хождение игумена Даниила, XVII в. БАН, собр. Нефедова, № 3.
- Дом. — Коншинский список Домостроя. XVI в. ГПБ, Q.XVII.149.
- Др. — Летописец древний (чч. I и II). XVI в. БАН, 31.7.30.
- Дс. — Домострой, XVII в. ГПБ, Q.XVII. 63.
- Дст. — Домострой, конец XVII в. ГПБ, собр. Погодина, 1627.
- Дыбо. Акцентные типы — В. А. Дыбо. Акцентные типы презенса глаголов с ъ, ь в корне в праславянском. — ВЯ, 1972, № 4.
- Дыбо. Акцентология — В. А. Дыбо. Акцентология и словообразование в славянском. — В кн.: Славянское языковедение. Доклады советской делегации на VI Международном съезде славистов. М., 1968.
- Дыбо. Акцентуация — В. А. Дыбо. Закон Васильева—Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. — ВЯ, 1971, № 2.
- Дыбо. Верхнелужицкий — В. А. Дыбо. Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке. — В кн.: Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963.
- Дыбо. О фразовых — В. А. Дыбо. О фразовых модификациях ударения в праславянском. — Советское славяноведение, 1974, № 6.
- Дыбо. Фрагмент — В. А. Дыбо. Фрагмент праславянской акцентной системы (ударение прилагательных с суффиксом -ък-). — Советское славяноведение, 1970, № 5.
- Дыбо. Фрагмент II — В. А. Дыбо. Фрагмент праславянской акцентной системы (формы enclitopetena в аористе -и- глаголов). — Советское славяноведение, 1968, № 6.
- Евг. — Евангелие, XVI в. ГПБ, Соф. 11.
- З. — Житие Зосимы и Савватия соловецких, XVI в. ИРЛИ, Пин. 195.
- Зап. — Записная книжка, XVI—XVII вв. ГПБ, Q.XVII.67.
- И. — «Книга историкъ», XVI в. ГПБ, Соф. 1421.
- Иллич-Свитыч — В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Ильинский — Г. А. Ильинский. Славяне и немцы с точки зрения этимолога. — ИОРЯС, т. XXIV, 1919, кн. 1.
- Каз. — «Казанская история». XVII в. ГПБ, Q.IV.170.
- Кар. — Сборник, конец XVII в. ИРЛИ, Карел. 6.
- Кар. 2 — Сборник, XVII в. ИРЛИ, Карел. 2.
- Кипарский — V. Kiparsky. Die Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Колесов — В. В. Колесов. История русского ударения. I. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.
- Колесов. Интонация и ударение — В. В. Колесов. Интонация и ударение в древнерусском словосочетании. — В кн.: Исследования по грамматике русского языка, т. V. Л., 1973.

- Колесов. Ударение — В. В. Колесов. Ударение Neutra o-основ в древнерусском языке. — ИОЛЯ, т. XXVIII, 1969, вып. 1
- Кор. — Хождение Трифона Коробейникова, XVII в. ИРЛИ, Усть-Цильм. 6.
- Корш — Ф. Е. Корш Слово о полку Игореве. СПб, 1909.
- Кр. — Сборник, XVII в. ИРЛИ, Карел. 10.
- Кул. — Сказание о Мамаевом побоище, XVI в., ГИМ, Синод. 2060.
- Курб. — Сочинения А. М. Курбского, XVII в. ГПБ, Q.IV.54.
- Кч. — Кормчая, 1517 г. ГПБ, Ф. II. 74.
- Л. — Лечебник, XVII в. ГПБ, собр. Тиханова, № 697.
- Лапт. — Лаптевский том Лицевого свода, XVI в. ГПБ, F.IV.233.
- Лет. — «Летописец старыхъ лѣтъ», XVII в. БАН, Тек. пост., 608.
- Леч. — Лечебник, XVII в. ГПБ, собр. Колобова, № 649.
- М. — Минея, XVII в. ИРЛИ, Пин. 472.
- Мелиоранский — П. М. Мелиоранский. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС, т. VII, 1902, кн. 2.
- Мудр. — Повесть о семи мудрецах, XVII в. БАН, 45.9.13.
- Н. — Голицынский список Новгородской IV летописи, XVI в. ГПБ, Q.XVII.62.
- Нв. — Новгородская летопись, XVII в. БАН, 34. 4. 32.
- Никон. — Никоновская летопись по Патриаршему списку, XVI в. БАН, 32.14.8.
- НС — Строевский список Новгородской IV летописи, XVI в. ГПБ, собр. Погодина, № 2035.
- Об. — Обиход Кирилловского монастыря, XVI в. ГПБ, Соф. 1516.
- Обнорский. Очерки — С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.
- Обнорский. Склонение — С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927; вып. 2, Л., 1931.
- П. — Иконописный подлинник, XVII в. ГПБ, Q. XVII. 37.
- Пал. — «История. . .» Авраамия Палицына, XVII в. ГПБ, Q.IV.352.
- Пв. — Сочинения И. Пересветова, XVII в. ГПБ, собр. Погодина, № 1611.
- Пр. — Пролог, конец XVI в. ГПБ, Соф. 1424.
- Пс. — Псалтырь, XV в. ГПБ, собр. Погодина, № 86
- Псл. — Псалтырь, XVI в. ГПБ, Ф. I. 7.
- Пт. — Псалтырь, XVI в. ГПБ, Соф. 69.
- Пч. — Пчела, 1640 г. ГПБ, Кирилл.-Белоз. 114/1191.
- Сб. 0 — Сборник XVI в. ГПБ, Соф. 1460.
- Сб. II — Сборник XVII в. ГПБ, ОЛДП, № 1952.
- Сб. III — Сборник XVI в. ГПБ, Соф. 1393.
- Сб. IV — Сборник XVI в. ГПБ, Соф. 1464.
- Сб. V — Сборник XVI в. ГПБ, Ф. II. 255.
- Сб. VI — Сборник XVII в. ГПБ, F.XVII.23.
- Св. — Стоглав, 1645 г. ГПБ, Q.II.102.
- Сг. — Стоглав, XVII в. ГПБ, Q.II.80.
- Сийск. — Сийский иконописный подлинник № 192, XVII в. (по кн.: ПДПИ, т. XVI. СПб., 1909).
- Сим. — Симеоновская летопись, XVI в. БАН, 16 8.25.
- Сл. — Служебник, XVI в. Псковское древлехранилище, № 86.
- СО — «Святыхъ отец. . .», кормчая, XVI в. ГПБ, F.II.87.
- Соболевский — А. И. Соболевский. Материалы и заметки по древнерусской литературе. — ИОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 2.
- Соф. — Софийская I летопись, XVI в. БАН, 34.2.31.
- Ст. — «Страсти Христовы. . .», XVII в. БАН, 21.7.8.
- Станг — Chr. S. S t a n g. Slavonic Accentuation. Oslo, 1965.
- У. — Соборное уложение 1649 г., 1728 г. ГПБ, F.II 11.
- Ун. — Сказание о Мамаевом побоище, XVI в. ГБЛ, собр. Ундольского, № 632.
- Уст. — Житие Прокопия и Иоанна устюжских, XVII в. БАН, 45.10.2.
- Уч. — Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей (старопечатная книга). М., 1647.
- Фасмер — Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка, I—IV. М., 1964—1973.
- Фл. — «История иудейской войны» Иосифа Флавия, XVII в. БАН, Архангельское собрание, Д 447.
- Х. — Хронологический том Лицевого свода, XVI в. БАН, 17.17.9.
- Хр. — Хронографический сборник, XVI в. ГПБ, собр. Погодина, № 1404^a.
- Ч. — Чудовской Новый завет, середина XIV в. (по изданию: Новый завет. . ., М., 1892).
- Шум. — Шумиловский том Лицевого свода, XVI в. ГПБ, F.IV.232.
- Щ. — Повесть о посаднике Щиле, XVII в. ИРЛИ, Верхнепечорск. 2.